

О. Н. ЧЮМИНА (МИХАЙЛОВА)

СНЦУМИНА

СТИХОТВОРЕНІЯ

„STIKHOTVORENIIA“

1884—1888

Стихотворенія лирическія. — Стихотворенія и повмы историческаго содержанія. — На мотивы изъ иностранныхъ поэтовъ. — Переводы изъ иностранныхъ поэтовъ. —
Драматическія произведенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2

1889

Slav 4347.30.390 ✓

74*2

7875
13

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ

СКАЗКА.

I.

Ночь настала. Вдали бушевалъ ураганъ,
Разыгрались валы на просторѣ,
Поднимался надъ моремъ зловѣщій туманъ,
А въ душѣ — застарѣлое горе.

Въ эту бурную ночь я забыться не могъ;
Съ пылкой злобой и съ пылкой любовью
Сердцу вспомнились дни пережитыхъ тревогъ,
И оно обливалося кровью.

Вспоминалъ я жестокой враговъ произволь
И друзей-лицемѣровъ обманы,
Вспоминалъ клеветы ядовитый уеоль,
Превратившійся въ жгучія раны.

Сердце ныло... и кровь то стучала въ виски,
То огнемъ разливалась по жиламъ...

Обезсиленный гнетомъ тяжелой тоски,
Въ завываніи вѣтра уныломъ

Различалъ я, казалось, болѣзненный стонъ,
Дикій хохоть, призывъ и моленья, —
И я жаждалъ, чтобъ сонъ, благодѣтельный сонъ
Мнѣ принесъ хоть минуту забвенья.

II.

Убаюканъ грозой, я заснулъ, и во снѣ
Я увидѣлъ: во мракѣ бѣлѣя,
Словно легкая тѣнь, приближалась ко мнѣ
Лучезарно-прекрасная фея...

Какъ полярная ночь — холодна и свѣтла,
Въ діадемѣ изъ яркихъ снѣжинокъ,
Что блистали вокругъ молодого чела,
Словно капли застывшихъ слезинокъ,

Съ ледяною улыбкой на блѣдныхъ устахъ
И съ холоднымъ сіяньемъ во взорѣ,
Съ выраженъемъ покоя, разлитымъ въ чертахъ,
Въ ослѣпительно бѣломъ уборѣ.

И слышался чистый, какъ горный кристалль,
Гармоничный, какъ пѣнье сирены,
Тихій голосъ ея: — «Ты забвенья искалъ
Отъ борьбы роковой, отъ измѣны?»

О, повѣрь мнѣ: виною всему лишь оно —
Это сердце, что билось любовью,

Трепетало, надеждъ и желаній полно,
Обливалось горячею кровью...

Но груди я твоей лишь коснуся рукой,
Лишь повѣю морознымъ дыханьемъ —
И застынетъ оно подъ корою ледяной,
Недоступно любви и страданьямъ.

И тогда — ни огонь сожигающій грозъ,
Растревожившихъ душу больную,
Ни весна, ни потоки горячіе слезъ —
Не растопятъ кору ледяную.

Въ безмятежномъ покоѣ застынетъ оно —
Это сердце, чтò бьется тревожно,
Возмущаясь — иныхъ упованій полно —
Всѣмъ, что въ мірѣ неправо и ложно.

Я вернусь черезъ годъ, и тогда, если ты
Пожалѣешь о мукахъ былого —
Я тебя низведу съ неземной высоты
Снова въ бездну страданья земного!..»

И, дыханьемъ своимъ все вокругъ леденя,
Надо мной наклонилася фея,
И я чуюль, какъ сердце въ груди у меня
Замираетъ и стынетъ, хладѣя...

III.

Годъ прошелъ — и опять ураганъ бушевалъ,
Сводъ небесъ бороздили, какъ змѣи,

Яркихъ молній огни, и опять я не спалъ,
Ожидая явленія феи.

Вновь, какъ зимняя ночь — холодна и ясна,
Вся сіяя красой неземною,
Наклоняся ко мнѣ, прошептала она:
«Отвѣчай, ты доволенъ ли мною?»

«Нѣтъ, волшебница, нѣтъ! Въ сердцѣ съ этой ночи
Ощущаю я холодъ могильный,
И завяли цвѣты, и померкли лучи!
Словно бремя, иль гнетъ непосильный,

Сердце давить мое ледяная кора
Съ каждымъ часомъ ужаснѣй, сильнѣе...
И, повѣрь мнѣ, страданій былая пора —
Вдвое легче въ сравненіи съ нею.

О, верни мнѣ опять упоенье борьбы!
Жизнь бойца, безъ надежды на счастье,
Боль жестокая ранъ и удары судьбы —
Все ничто предъ застоємъ безстрастья!

И подъ гнетомъ его — сердце просить давно,
Призываетъ страданье былое:
Лучше кровью пускай истекаетъ оно,
Чѣмъ застынетъ въ мертвящемъ покоѣ!»

Отвѣчала она: «Все верну я тебѣ:
Ядъ сомнѣній, терзанья, обманы,
И падешь ты, боецъ, въ непосильной борьбѣ
И раскроются старыя раны».

Тутъ склонилась она — въ сердцѣ острую сталь
 Ощутилъ я, и замеръ, блѣднѣя...
 И, сѣвозъ легкій туманъ, я увидѣлъ, какъ въ даль
 Отъ меня уносилася фея...

1887 г.

* * *

Оглянусь ли кругомъ — какъ во мракѣ ночномъ,
 Ни откуда не вижу просвѣта,
 Пѣсню-ль я запою — я за пѣсню свою
 Отъ людей не услышу привѣта.

Не понять имъ огня, чтò сжигаетъ меня,
 Ни стремленій моихъ, ни печали,
 И все то, чѣмъ живу — пылкимъ «сномъ на яву»,
 Безъ сомнѣнія, люди бѣ назвали.

Каждый смѣлый порывъ, каждый честный призывъ
 Изумленной встрѣчали улыбкой.
 И пытаться найти въ сердцу братьевъ пути —
 Вижу: горькою было ошибкой.

Замыкаясь въ себя, никого не любя,
 Я мечталъ о покоѣ нирваны,
 Иль съ безумной тоской, самъ, своею рукой
 Растравлялъ незажившія раны.

Я боролся съ собой, я боролся съ судьбой,
 Но въ душѣ искра Божія тлѣла,

Загасить не могла безпросвѣтная мгла
Эту искру, что ярко горѣла.

И, язва и кляня, осуждая меня,
Пусть толпа забросаетъ камнями,—
Я — счастливѣе ихъ, безучастныхъ, слѣпыхъ,
Поглощенныхъ своими страстями.

Вѣдь они, какъ рабы, упоеныя борьбы
Не поймутъ, не упыются мечтами,
Не извѣдаютъ грозъ, и восторговъ и грезъ,
Не заплачутъ моими слезами!

1887 г.

ЗАТИШЬЕ.

На всемъ безграничномъ просторѣ —
Затишье, полуденный зной,
И море, недвижимое море
Синѣеть вдали предо мной.

Заснули утесовъ громады,
Повсюду — зловѣщая тишь
И рѣзкіе звуки цыгады
Одни оглашаютъ камышъ...

Томящее чувство безсилья!..
Повисли судовъ паруса,
Какъ чайки подстрѣленной крылья..
Вотъ пѣсни мотивъ раздался —

И замерь... Подъ зноємъ палящимъ
 Морская заснувшая гладь
 Объята покоемъ мертвящимъ;
 Нѣтъ жизни... и нечѣмъ дышать!

Какъ жадно въ мгновенья такия
 Я жду освѣжающихъ грозъ,
 Я жажду, чтобъ волны морскія
 Грядой обступили утесъ.

Чтобъ грозно на синемъ просторѣ
 Пронесся, шумя, ураганъ,
 И съ ревомъ проснулося море,
 Какъ сбросившій цѣпи титанъ...

Чтобъ вмѣстѣ съ проснувшимся моремъ,
 Вольнѣе и шире дыша —
 Такъ долго томимая горемъ
 Отъ сна пробудилась душа!

1888 г.

~~~~~  
 \* \* \*

Въ стемнѣвшихъ небесахъ таинственно блистая,  
 Я видѣлъ: звѣздочка зажглася золотая;  
 Но этотъ яркій свѣтъ  
 Недолго могъ борьбу выдерживать со тьмою:  
 Она скатилася, оставивъ за собою  
 Короткій, но блестящій слѣдъ.

А плошка жалкая, что тлѣла у забора,  
 Глумясь надъ участью печальной метеора,  
 Всю ночь дымилася, кругомъ  
 Распространя чадъ удушливый, зловонный,—  
 Пока съ разсвѣтомъ сторожъ полусонный  
 Не раздавилъ ее тяжелымъ сапогомъ...  
 1888 г.



## ПЛОВЦЫ.

### I.

Было утро. На солнцѣ сверкая  
 Бѣлизною своихъ парусовъ,  
 Гордо мчался корабль, разсѣкая  
 Серебристую пѣну валовъ.

Не страшася ни скаль, ни тумана,  
 Ни затишья, ни злыхъ непогодъ,  
 По лазурнымъ волнамъ океана  
 Онъ стремился впередъ и впередъ!

Смѣло къ цѣли!.. И небо такъ ясно,  
 Такъ легко развѣвается флагъ...  
 А осеннею ночью ненастной  
 Засіяетъ огнями маякъ!

### II.

Но внезапно въ стемнѣвшей лазури  
 Бѣлой искрой мелькнулъ альбатросъ,

И какъ будто дыханіе бури  
Надъ пучиной морской пронеслось...

Солнце скрылось за тучей кровавой,  
И — добычей бушующихъ волнь —  
Закружился корабль величавый,  
Словно утлый заброшенный челнь.

Шли грознѣе волна за волною,  
Надвигался зловѣщѣ мракъ, —  
Но увы! путеводной звѣздой  
Не блеснулъ погибавшимъ маякъ!

### III.

Успокоилось бурное море,  
И спокойно въ его глубинѣ  
Спать пловцы, позабывшіе горе  
И борьбу, въ заколдованномъ снѣ.

Тамъ не слышно волненія шеваловъ,  
Тамъ блеститъ золотистый песокъ,  
И подъ сѣнью гигантскихъ коралловъ  
Сонъ пловцовъ безмятежно глубокъ...

Имъ не грезятся чудныя цѣли  
Безвозвратно исчезнувшихъ дней,  
Имъ не грезятся бури и мели  
И сіянье маячныхъ огней...

1888 г.



\* \* \*

Неясныя думы томятъ,  
 Неясныя грѣзы всплываютъ  
 И вылиться въ звуки хотять —  
 И звуки въ душѣ замирають...

Мелькають въ мозгу чередой  
 Обрывки какихъ-то видѣній  
 Туманныхъ, какъ паръ надъ водой,  
 И грустныхъ, какъ сумерекъ тѣни.

Чего-то далекаго жаль,  
 Къ чему-то я рвуся тоскливо  
 И — глубже на сердцѣ печаль,  
 Яснѣе — бесплодность порыва...

И хочется страстно понять,  
 Чтѣ было досель непонятно,  
 Вернуть захотѣлось опять  
 Все то, чтѣ ушло невозвратно!

1888 г.

~~~~~

ИСПЫТАНІЕ.

Нужно грозъ во всей ихъ силѣ,
 Чтобъ цвѣтоѣ благоухаль;
 Лишь въ пылающемъ горнилѣ
 Закаляется металл!

Звѣзды искрятся отрадно
 Лишь тогда, какъ день исчезъ;
 Вслѣдъ за бурей безопадной
 Блещетъ радуга съ небесъ!

И, въ горнилѣ испытанья
 Все нечистое круша,—
 Чистымъ пламенемъ страданья
 Закаляется душа!

1888 г.

* * *

Безпросвѣтная ночь, безконечная ночь!
 Я забыться хочу и забыться не въ мочь!
 Буря дико реветъ и стучится въ окно,
 А въ душѣ у меня, какъ въ могилѣ темно...

Прежде яркой звѣздой тамъ сіяла любовь,
 Но угасла она— не затеплится вновь;
 Прежде чудный въ душѣ распускался цвѣтокъ,
 Но, разцвѣсть не успѣвъ, онъ внезапно поблѣсъ;

Прежде я головы ни предъ еѣмъ не клонилъ,
 А теперь я поникъ — обезсиленъ и хилъ;
 Прежде — свѣтель и гордъ — развивался мой стягъ,
 Но нечистой рукой замянулъ его врагъ!

Тѣ не цвѣтъ молодой увядаетъ кругомъ —
 Это вянуть мечты въ пыломъ сердцѣ моемъ,

То не съ горныхъ вершинъ разлился ручьи —
 Это слёзы, горючія слёзы мои...

Вотъ зачѣмъ въ эту ночь, беспросвѣтную ночь
 Я забыться хочу и забыться не въ мочь,
 Вотъ зачѣмъ для меня свѣтъ померкнулъ давно,
 И въ усталой душѣ, какъ въ могилѣ темно.

1888 г.

ПУТНИКЪ.

Я шель въ тотъ край обѣтованный,
 Гдѣ свѣтитъ истины звѣзда,
 Гдѣ ждетъ насъ миръ давно желанный,
 Гдѣ смоленуть злоба и вражда.
 Но путь мой былъ тяжелъ и труденъ,
 Я шель тернистою тропой
 И слышала крикъ: «ты безразсуденъ...
 Съ благоразумною толпой,
 Самодовольною и сытой,
 Иди дорогою избитой,
 Срывай безопасно цвѣтъ и плодъ,
 Работы тяжелой избѣгая».
 Но ихъ призываю не внимая,
 Я шель настойчиво впередъ.

Тогда въ лицо съ безумнымъ смѣхомъ,
 Толпа мнѣ бросила укоръ
 И мнѣ во слѣдъ зловѣщимъ эхомъ
 Звучала суровый приговоръ:

«Иди, иди! Каменій градомъ
 Тебя мы свергнемъ съ высоты,
 Мы отравить съумѣемъ ядомъ
 Позорной лжи и клеветы...
 Тогда, въ борьбѣ изнемогая,
 Себя ты спросишь: «гдѣ исходъ!»
 Но, ихъ проклятыямъ не внимая,
 Я съ твердой вѣрой шель впередъ.

И часто — путникъ утомленный —
 Встрѣчалъ я чудный уголокъ,
 Гдѣ на лугу, въ тѣни зеленой,
 Я-бъ отдохнуть душою могъ.
 Цвѣли тамъ розы полевья,
 Тамъ пѣсни слышались весны,
 Мнѣ навѣвая золотые
 Любви восторженные сны...
 Но грѣзь о счастья избѣгая,
 Далекій дѣлалъ я обходъ
 И, стонъ невольный заглушая,
 Все шель съ усиленіемъ впередъ.

Стремясь въ давно желанной цѣли,
 Прощель я много знойныхъ странъ;
 Отъ солнца очи ослабѣли,
 Въ душѣ не мало жгучихъ ранъ...
 И вотъ опять въ моей пустынѣ
 Призыва звуки раздались:
 «Ты пораженъ въ своей гордынѣ,
 Ты изнемогъ. Остановись!»
 О, нѣтъ! Пусть въ ненависти дикой
 Въ меня враги видають грязь —

Я не сольюсь съ ихъ жалкой вликой
 И не признаю съ нею связь!
 Пусть влвета и злость тупая
 Меня терзають до конца,
 Но я, угрозамъ не внимая
 И ни на шагъ не отступая,
 Погибну смертію борца!

1886 г.

* * *

Свѣжо, вечерѣть... Зарюю огнистой
 Подернулся западъ, съ зеленыхъ луговъ
 На мигъ потянуло прохладой душистой
 И слышится звонкая пѣсня кощовъ.
 Съ балкона усадьбы старинной, бѣлѣя,
 Виднѣется кленовъ сребристыхъ аллея;
 И вотъ замелькали вдали огоньки,
 Въ водахъ отражаясь широкой рѣки.
 О, мигъ упоенья, восторга и муки!
 Сжимая ея трепетавшія руки,
 Въ потокѣ безсвязныхъ, восторженныхъ словъ
 Излилъ онъ предъ нею: надежды, любовь,
 Всей жизни великія чудныя цѣли...
 А въ роцѣ неслись соловьиныя трели,
 Ложилася гуще вечерняя тѣнь
 И тихо сълонялась надъ ними сирень.

Весна миновала, увяли сирени,
 Сгустились въ сердцѣ вечернія тѣни,

И прежде, чѣмъ съ кленовъ опали листы —
Навѣкъ отлетѣли о счастья мечты...

1886 г.

ВСТРѢЧА.

При послѣднихъ лучахъ догораваго дня
Мы сидѣли вдвоемъ молчаливо,
Колокольчикъ вдали заливался, звеня,
Сердце ныло тоскливо, тоскливо...

Неотвязно въ душѣ поднимался вопросъ,
Полный жгучей, назойливой муки:
Неужели же встрѣтиться намъ привелось,
Какъ чужимъ, послѣ долгой разлуки?

Неужели весь смыслъ, все значенье рѣчей,
Что звучали такъ чудно когда-то,
Всѣ мечты миновавшихъ безоблачныхъ дней —
Отлетѣли навѣкъ, безъ возврата?

Неужели отъ словъ задушевныхъ любви
Не растаетъ кора ледяная,
И не взглянетъ онъ съ ласкою въ очи мои,
Не промолвить: — «Прости, дорогая!»

Но напрасно... Глубокая бездна легла
Между насъ — не понять намъ другъ друга!
А кругомъ все мрачнѣе сгущается мгла,
Все печальнѣе плачется вьюга...

1884 г.

СЕРДЦЕ И УМЪ.

Со взоромъ свѣтлыхъ глазъ, съ косою бѣлокурой
 И съ выраженіемъ сердечной доброты —
 Она была простой, безхитростной натурой;
 Талантовъ, граціи, блестящей красоты
 Въ ней не было, — но я любилъ тогда впервые.
 О, грѣзы юности! О, годы золотые!
 Мечты волшебныя о счастья неземномъ,
 Когда мы любимъ всѣ: лишь сердцемъ — не умомъ.

Но смерть взяла ее. Надъ насыпью могильной
 Съ тоскою я рыдалъ и съ злобою безсиьной,
 И послѣ долгихъ дней зловѣщей пустоты
 На мигъ воскресли вновь отрадные мечты:
 Я встрѣтилъ въ женщинѣ, богато одаренной
 Любовь глубокую, талантъ и красоту
 И ту же преданность и ту же теплоту —
 Но все-жъ я чувствую съ тоскою затаенной,
 Что память не умереть о счастья быломъ
 И я люблю теперь — не сердцемъ, но умомъ!

1886 г.

~ ~ ~ ~ ~
 * * *

Утомленный неравной борьбою,
 Кликомъ злобы и грохотомъ сѣчь —
 Я бросаю усталой рукою
 Мой тяжелый, зазубренный мечъ.

Ухожу я въ лѣса и дубравы,
Гдѣ деревья сплелися шатромъ,
Гдѣ цвѣтутъ ароматныя травы
Бархатистымъ зеленымъ ковромъ...

Сквозь узоры листвы кружевные
Блещетъ яснаго неба лазурь...
Тамъ стихаютъ сомнѣнья больныя
И душа отдыхаетъ отъ бурь.

Въ небѣ тучекъ плывутъ караваны,
Тихо плещетъ о берегъ волна,
И я жажду покоя нирваны—
Безпробудно глубокаго сна!

1886 г.

~ ~ ~ ~ ~
* * *

Разсвѣтало. Румяной зарею
Загорался все ярче востокъ,
И, сверкая алмазной струею,
Бушевалъ и крутился потокъ.
Предразсвѣтная дымка тумана
Тихо гасла въ пурпурномъ огнѣ;
Несся запахъ душистый тимьяна,
Какъ привѣтъ наступившей веснѣ.
Соловиныя звонныя трели
Раздавались немолчно кругомъ,
И весеннія пѣсни звенѣли
Въ очарованномъ сердцѣ моемъ.

Лѣтній полдень томительно жгучій...
 Неподвижныя воды рѣки
 Словно рдѣли... на небѣ — ни тучи,
 И синѣли во ржи васильки.
 Подъ зеленой прохладною сѣнью
 Густолиственныхъ темныхъ дубовъ,
 Полно сладкой истомой и лѣнью,
 Все дремало... Межъ яркихъ цвѣтовъ,
 У подножія ивы плакучей
 Лепетали чуть слышно ручьи,
 И звенѣла, страстнѣй и могучѣй,
 Та же дивная пѣсня любви.

Но туманы и сумракъ осенній
 Опустились на доли и лѣсъ,
 Отцвѣли и увяли сирени
 Подъ темнѣющимъ сводомъ небесъ.
 Смокли птицы въ безлиственной чащѣ,
 Не журчатъ прихотливо ручьи,—
 И неволью тоскою щемащей
 Полны думы и пѣсни мои.

1886 г.

* * *

Если въ сердце ты раненъ смертельно,
 Если слезы струятся ручьемъ,
 Если горе твое безпредѣльно —
 Пусть никто не узнаетъ о немъ.

Время тяжкой, томительной муки
 Глубоко отъ людей скорони,
 Пусть рыданій безумные звуки
 Отъ тебя не услышать они.

Беззаботнымъ весельемъ во взорѣ
 И улыбкой на блѣдныхъ устахъ —
 Прикрывай безъисходное горе
 И надежды, разбитыя въ прахъ.

И, могучимъ усилиемъ воли
 Пораженнаго на-смерть бойца,
 Ты не выдай мучительной боли
 И безмолвно терпи до конца.

Пусть никто изъ толпы безучастной
 Не услышитъ отчаянья стонъ,
 Пусть не знаютъ о мукѣ ужасной,
 О тяжелой борьбѣ ежечасной, —
 Даже тѣ, вѣмъ ударъ нанесенъ.

1886 г.

~~~~~  
 \* \* \*

Въ душѣ у каждаго большая есть струна:  
 Коснитесь ея рукой неосторожно —  
 И въ тотъ же самый мигъ откликнется она,  
 Звуча болѣзненно, тоскливо и тревожно.

Картиной яркою сѣвось времени туманъ  
 Воскреснуть радости и горести былого,

И кровь горячая изъ незажившихъ ранъ  
Струею алою тотчасъ же хлынетъ снова.

1886 г.

## ВЪ СЪТЯХЪ.

Я видѣлъ бабочку: ее поймали дѣти...  
Какъ билася она о край зловѣщей сѣти!  
Напрасно! Не могли несчастную спасти  
Ея ничтожныя и слабыя усилъя;  
А злые шалуны, порвавъ бѣдняжкѣ крылья,  
Кричали ей съ насмѣшкою: — лети!

Такъ, сѣтью мелкихъ золь, заботы повседневной  
Опутанный, я бьюсь, но, крылья обломивъ,  
Не въ силахъ ужъ летѣть на радостный призывъ!  
Зачѣмъ же надъ собой я слышу ропотъ гнѣвный:  
«Ужели новыхъ силъ не можешь ты найдти?  
Вотъ цѣль желанная, лети же къ ней, лети!»

1887 г.

## СОНЪ.

Мнѣ снился сонъ: какъ будто вольной птицей  
Я къ небесамъ лазурнымъ поднялся.  
Тамъ облака вилися вереницей,  
Исчезло все: и горы, и лѣса...  
Невѣдомою силой увлеченный,  
Я все летѣлъ. Но вдругъ ударилъ громъ,  
И, молніи ударомъ ослѣпленный,



Безжалостно разбитый, пораженный —  
Я вниз упалъ со сломаннымъ крыломъ.

Мнѣ снился сонъ: межъ рожью золотистой,  
Среди полей, я выросъ василькомъ;  
Въ вечерній часъ прохладный и душистый  
Шептался я съ залетнымъ вѣтеркомъ;  
Среди ночей сіяніе зарницы  
Я наблюдалъ на небѣ голубомъ, —  
Но часъ насталь — пришли жнецы и жницы,  
И срѣзанъ я блистающимъ серпомъ...

Мнѣ снился сонъ: что будто бы тобою,  
Моя любовь, я также былъ любимъ;  
Что счастье, невѣдомое мною,  
Меня лучомъ коснулося своимъ...  
И плакалъ я, и вѣрилъ безотчетно,  
И, пробудясь, печалью удрученъ, —  
Я сожалѣлъ, что грѣза — мимолетна,  
Что это сонъ, не болѣе какъ сонъ!

1887 г.

~~~~~  
* * *

Въ тотъ мигъ, когда рукой чужою
Ударъ намъ въ сердце нанесенъ,
Когда чернять насъ клеветою
Или клануть со всѣхъ сторонъ —

Мы съ негодующимъ презрѣниемъ
Встрѣчаемъ сдѣланное зло,

И смѣло грознымъ обличеньемъ
Бросаемъ въ наглое чело!

Но если намъ рукой любимой
Терзають сердце — о, тогда,
Въ нѣмой тоскѣ невыразимой,
Подъ гнетомъ скорби и стыда,

Соменувъ уста, сжимая руки,
Съ смертельнымъ холодомъ въ крови —
Мы молча вынесемъ всё муки
Своей поруганной любви.

1886 г.

* * *

Изъ тумана и мглы, изъ собравшихся тучъ,
Послѣ ночи глухой, непроглядной,
Вновь блеснулъ предо мною живительный лучъ,
Лучъ любви и надежды отрадной.

Суждено ли вамъ сбыться, о счастья мечты?
Прозвучить ли желанное слово?
Иль погибнете вы, словно въ осень цвѣты,
Подъ дыханіемъ стужи суровой?

Мнѣ не нужно тогда состраданія словъ,
Мнѣ не нужно и словъ утѣшенья,
Отъ вѣрнѣйшихъ друзей и отъ лютыхъ враговъ
Утаить я сумѣю мученья.

Въ край далекій отъ нихъ я уйду навсегда —
 Гдѣ смолкаютъ земныя тревоги,
 И откуда нието никогда,
 Не отыщеть обратно дороги...

1886 г.

~~~~~

* * *

Когда въ вечерній часъ порой слѣжу я взоромъ
 За сѣтью золотой сіяющихъ свѣтилъ, —
 Въ душѣ моей встаютъ сомнѣнія укоромъ,
 Какъ тѣни мертвецовъ, возставшихъ изъ могилъ.

Въ минуты горькія душевныхъ силъ упадка,
 Когда теряется спасительная нить,
 Намъ кажется, что жизнь — печальная загадка,
 Которую нието не въ силахъ разрѣшить.

Увидѣвъ навсегда разрушенными грезы,
 Мы, съ болью жгучею сердечныхъ нашихъ ранъ,
 Лишь ощущу бредемъ: непрошенныя слезы
 Мѣшаютъ видѣть путь сѣвось сумракъ и туманъ.

Намъ кажется, что жизнь — тюрьма, гдѣ нѣтъ простора
 Гдѣ въ другѣ искреннемъ встрѣчаемъ мы врага,
 Гдѣ разставаніе приходитъ слишкомъ скоро,
 А радость слишкомъ недолга.

1886 г.

~~~~~

МЕЧТАТЕЛЮ.

Проходить молодость, какъ невозвратный сонъ.
 Полжизни прожито, и вотъ со всѣхъ сторонъ
 Встаетъ одинъ вопросъ тревожный, неотвязный:
 «Скажи, что сдѣлалъ ты съ своею жизнью праздно?
 Вступалъ ли ты со зломъ въ открытую борьбу,
 И сѣялъ ли вокругъ святое правды сѣмя?»
 Нѣтъ, уподобяся лѣнивому рабу,
 Ты сбросилъ съ плечъ своихъ возложенное бремя.
 Какъ рѣзвое дитя бросаетъ свой урокъ,
 Готовяся начать за бабочкой охоту —
 Ты покидалъ всегда суровую работу,
 Когда иллюзія, какъ пестрый мотылекъ,
 Влекла тебя въ страну фантазіи и грезы,
 Гдѣ все казалось чудеснымъ, неземнымъ:
 Гдѣ мѣста нѣтъ тоскѣ, сомнѣніямъ больнымъ,
 Гдѣ стоновъ не слышать, гдѣ не струятся слезы,
 Гдѣ нѣтъ сухихъ заботъ и повседневной прозы,
 Гдѣ яркой синевою сіяютъ небеса,
 Гдѣ все — гармонія и дивная краса...
 И ты рвался туда; надеждой окрыленный,
 За призракомъ; но онъ все дальше уходилъ,
 Какъ бы дразня тебя... И, выбившись изъ силъ,
 Съ отчаяньемъ въ душѣ, разбитый, пристыженный,
 Ты понялъ, что бѣжалъ... миражемъ привлеченный!

И, оглядѣвшись сознательно кругомъ,
 Увидѣвъ, что теперь всѣ заняты трудомъ,
 Ты также принялся съ усердіемъ за дѣло,—
 Но какъ мечтательно, какъ дѣтски неумѣло!

Какъ скоро ты созналъ, что въ жизненной борьбѣ
 Полезенъ только тотъ, кто вѣренъ самъ себѣ,
 Кто вѣритъ и въ другихъ, — упорный, терпѣливый,
 Разумный труженикъ, въ страданьи — выносливый,
 На жизненный запросъ съумѣвшій дать отвѣтъ!
 А ты — не болѣе, какъ жалкій пустоцвѣтъ.

1887 г.

* * *

Когда отлетаютъ отрадныя грезы,
 Какъ осенью поздней съ деревьевъ листья,
 И сквозь набѣжавшія, жгучія слезы
 Не видишь исхода возможнаго ты;
 Когда къ недостойныхъ кумировъ подножью
 Ты жертвы святыни нести не привыкъ;
 Когда у тебя, возмущеннаго ложью,
 Сорваться готовъ негодующій крикъ;
 Когда клеветы ядовитое жало
 Вонзается въ душу, какъ острая сталь,
 И грязью поворно толпа забросала
 Святыя стремленья, святую печаль, —
 Не плачь, не ломай съ безнадежностью руки,
 Судьбу и враговъ не вляни,
 Но горечь проклятій, сомнѣнія муки,
 И злобныя чары и дивіе звуки —
 Ты пѣсней своей разгони!

1887 г.

* * *

Поэзія! твой даръ мнѣ не былъ талисманомъ,
 Ко мнѣ онъ не привлекъ сочувствія сердцеъ,
 Онъ не былъ и любви вѣнкомъ благоуханнымъ,
 Онъ былъ — страданія вѣнецъ.

Когда позорныхъ ранъ, иль тайнаго страданья
 Безстрашно я перстомъ касаюся своимъ;
 Когда въ душѣ моей огонь негодованья
 Горить, могучъ, неугасимъ;

За обездоленныхъ и страдающихъ собратій
 Когда нежданно я являюся бойцомъ, —
 Какой зловѣщій хоръ насмѣшекъ и проклятій
 Звучитъ назойливо кругомъ!

Я знаю: для толпы нѣмой и безучастной
 Ненужны вѣщій взоръ, правдивыя уста
 И голосъ истины, карающій и властный —
 Имъ предпочтеть она языкъ подобострастный
 И смѣхъ забавника-шута!

1886 г.

ПАМЯТИ МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ.

Далеко отъ родимаго края
 Ты, какъ чудный цвѣтокъ, разцвѣла
 И, вдали отъ него умирая,
 Ты родною намъ все же была.

Эта страстная жажда искусства,
 Эта пылкость мечтаній и думъ,
 Глубина затаеннаго чувства
 И сомнѣньемъ отравленный умъ,

Эти муки и радости — наши,
 И тебя, какъ никто, мы поймемъ!
 Ты завѣтной коснулася чаши
 И, священнымъ палима огнемъ,

Все, что въ сердцѣ правдивомъ носила,
 Что таилось въ его глубинѣ —
 Ты правдивою кистью слѣшила
 Воплотить на своемъ полотнѣ,

Перелить въ задушевные звуки,
 Начертать вдохновеннымъ перомъ!
 Въ часъ предсмертной, томительной муки
 Сокрушалася ты объ одномъ:

Что исполнить всего не успѣла,
 Что судьбою дарованный срокъ
 Для свершенья завѣтнаго дѣла —
 Слишкомъ рано и быстро истекъ...

Ты угасла, но смертью завидной,
 Лучезарной, какъ мысли порывъ,
 Не извѣдавъ неволи постыдной,
 Предъ судьбой головы не склонивъ.

Смерть бываетъ иная, и это —
 Примиреніе съ тиной болотъ,

Гдѣ барахтаясь, солнцемъ пригрѣто,
Головастикивъ племя живетъ...

Гдѣ лягушекъ нестройные крики
Заглушаютъ концертъ соловья,
Гдѣ пигмеи такъ страшно велики,
Гдѣ инстинкты разнузданно дики,
Гдѣ не вѣсть «живая струя».

Лучше — мигъ торжества и свободы,
Лучше — яркой свѣчею сгорѣть,
Чѣмъ въ бездѣйствіи долгіе годы,
Чѣмъ въ ничтожествѣ грубомъ коснѣть.

1887 г.

ПОЭТУ.

Не плѣняйся ни брэнною славой,
Ни дешевымъ изъ лавра вѣнцомъ,
Ни похвалъ лицемѣрныхъ отравой;
Не являйся наёмнымъ пѣвцомъ
За блестящимъ разнузданнымъ пиромъ
И, въ угоду трусливымъ друзьямъ,
Не склоняйся предъ ложнымъ кумиромъ
И чужимъ не молися богамъ.

Ты искусства великое знамя
Высоко и достойно держи,
Пусть очиститъ священное пламя
Духъ поэта отъ злобы и лжи.

И, какъ сказочный витязь былины,
 Что идетъ за «водою живой»
 Черезъ горы, лѣса и стремнины
 Въ зимній холодъ, въ полуденный зной,
 Не внимая ни гадовъ шипѣнью,
 Ни рычанію дикихъ звѣрей,
 Ни русаловъ опасному пѣнью,
 Ни могучему реву морей —
 Такъ и ты, словно витязь могучій,
 Подвигайся безъ страха впередъ;
 Пусть скрывается солнце за тучей,
 Пусть разросся кустарникъ колючій —
 И въ ночи онъ дорогу найдетъ!

1887 г.

* * *

Вчера, восхищаяся розою чудной,
 Вы долго вдыхали ея аромать.
 Цвѣтокъ, окруженный листвою изумрудной,
 Плѣнялъ красотою весеннею взглядъ.

Но розой любуясь на пышной куртинѣ,
 Любуясь разцвѣтомъ роскошнымъ цвѣтка,
 Одинъ я замѣтилъ въ его сердцевинѣ —
 Какъ тайную язву — гнѣздо червяка.

1887 г.

АРТИСТКЪ.

Не милы мнѣ: ни твой вѣнокъ артистки,—
 Увянетъ онъ, какъ розъ весеннихъ цвѣтъ;
 Ни цѣли тѣ, что дороги и близки
 Твоей душѣ, ни ласковый привѣтъ
 Очей твоихъ, и гордый, и стыдливый;
 Ни блескъ твоей волшебной красоты,
 Ни смѣлый умъ, тревожный и пытливый,—
 Мой идеаль, художница, — не ты!..

Когда порой въ ликующіе звуки
 Ты душу всю готова перелить, —
 Передо мной встаютъ былыя муки,
 Встаетъ пора, когда я могъ любить!
 Да, я любилъ той первою любовью,
 Живящей все, какъ первый солнца лучъ,
 Когда мечты слетаютъ къ изголовью
 И страсти пылъ возвышенъ и могучъ...

И та, кого любилъ я беззавѣтно,
 Въ комъ цѣлый міръ вмѣщался для меня,
 Среди толпы прошла бы незамѣтно;
 Въ ней не было священнаго огня
 И красоты блистающей, — но все же
 Глубокій взглядъ ея живыхъ очей
 Былъ во сто кратъ милѣй мнѣ и дороже
 Твоихъ чарующихъ рѣчей...

1887 г.

* * *

Какъ для глазъ — Божій свѣтъ,
 Какъ съ отчизны привѣтъ
 Для скитальца на дальней чужбинѣ,
 Какъ роса для цвѣтка,
 Какъ фонарь маяка
 Для пловцовъ, погибавшихъ въ пучинѣ,

Какъ свобода — рабамъ,
 Какъ сіяющій храмъ —
 Для творящихъ святыя молитвы,
 Какъ ребенокъ — отцу,
 Какъ оружье — бойцу,
 Чтò отважно выдается въ битвы,—

Такъ и пѣсня моя
 Дорога для меня,
 Эта пѣсня любви и печали.
 Только съ жизнью моей
 Оборваться и ей,
 Какъ струнѣ, чтò внезапно порвали.
 1887 г.

* * *

Подъ дыханіемъ первымъ мороза
 Пожелтѣли въ саду цвѣтники
 И послѣдняя бѣлая роза
 Ужъ роняетъ свои лепестки...

Такъ, убиты заботой холодной,
 Въ сердцѣ лучшія вянуть мечты...
 Допѣвай же, въ тоскѣ безысходной,
 Лебединую пѣсню и ты.

1887 г.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

(Ко дню пятидесятилѣтняго юбилея).

Ваша пѣснь, чтò струится волною,
 Чтò какъ ясная зорька свѣтла, —
 Насъ уносить волшебной мечтою
 Отъ вседневныхъ обмановъ и зла
 Въ тотъ фантазіи міръ заповѣднй,
 Чтò открылъ вамъ свои чудеса, —
 Въ міръ, гдѣ съ силой и мощью побѣдной
 Развернулась природы краса.
 Тамъ всеильны художника чары:
 Какъ живой, передъ нами встаетъ
 Руставель у престола Тамары,
 Блѣдный аскетъ герой Келіотъ...
 Тамъ игрою лѣсного оркестра
 Насъ плѣняетъ «кузнечикъ-маэстро»...

Вы рисуете царство «Сильфидъ»,
 «Пауковъ» и «гулякъ» беззаботныхъ,
 Соловьевъ, «виртуозовъ залетныхъ»
 (Все влекущихъ къ себѣ, какъ магнитъ) —
 Не съ насмѣшкой иль злобнымъ укоромъ,

Но съ правдивымъ и тонкимъ юморомъ.
 Въ бѣдной хатѣ и пышномъ дворцѣ
 Увлекались этимъ рассказомъ,
 Что горитъ самоцвѣтнымъ алмазомъ
 Въ поэтическомъ вашемъ вѣнцѣ.

Съ сердцемъ, полнымъ любовью и миромъ,
 Въ неподкупной своей правотѣ,
 Вы служили нетлѣннымъ кумирамъ:
 Идеалу, любви, красотѣ.
 И, когда, посреди урагана
 Иль во тьмѣ непроглядной тумана,
 Гасло пламя мерцающихъ свѣчъ —
 Вы успѣли въ душѣ уберечь
 Свой огонь! Путеводной звѣздой
 Да горитъ онъ на нашемъ пути,
 Чтобъ, въ борьбѣ съ клеветой и враждою,
 Съ произволомъ и горькой нуждою,
 Мы сумѣли дорогу найти
 Ко преддверію свѣтлаго храма,
 Гдѣ нашъ духъ въ облакахъ омиама
 Чуетъ трепеть «невидимыхъ крыль»,
 Чуетъ близость «невѣдомыхъ силъ»...

Вашей лиры волшебныя струны
 Такъ же свѣжи, отзывчивы, юны,
 Духъ — такою же вѣрой согрѣтъ, —
 Такъ позвольте же славы привѣта
 Пожелать вамъ на многія лѣта,
 Нашъ маститый, нашъ славный поэтъ!

1887 г.

А. Н. МАЙКОВУ.

(Ко дню пятидесятилѣтняго юбилея).

Вы рано, съ чуткостью своей необычайной,
 «Гармоніи стиха божественною тайной»
 Съумѣли овладѣть, и муза къ вамъ сошла —
 «Богиня мирная», прекрасна и свѣтла.
 Она открыла вамъ чудесный міръ античный
 Во всей его красѣ и граціи пластичной,
 Во всемъ величїи героевъ и боговъ, —
 И къ жизни вызвала изъ глубины вѣковъ
 Ихъ тѣни славныя чарующая лира
 Пѣвца-художника, намъ давшаго «Два міра».

И въ дни безумїа, когда толпа, глумясь,
 Во все прекрасное бросала нагло грязь,
 Когда поэзія подверглась поруганью,
 А всѣ ея жрецы и боги — осмѣяню, —
 Отъ «града» шумнаго въ пустыню вы ушли,
 И тамъ «лампады свѣтъ» вы свято сберегли,
 Дабы, когда сердца людей возжаждутъ свѣта,
 Ихъ вопль не замеръ бы, оставшись безъ отвѣта.

И этотъ день насталь! Открыть священный храмъ
 Поэзіи, опять струится ейміамъ
 Душистою волной, горить огонь алтарный...
 И снова въ красотѣ сіяютъ лучезарной
 Созданья дивныя великихъ мастеровъ...
 И, созерцая ихъ, толпа учениковъ
 Невольно замерла въ восторгѣ и смятенїи,
 Предъ ними преклонясь въ нѣмомъ благоговѣнїи...

1888 г.

* * *

And never say fail...

Longfellow.

Пусть, въ битвѣ житейской
 Стоя одиноко,
 Толпой фарисейской
 Тѣснимъ ты жестоко;
 Пусть слово свободы
 Толкують превратно;
 Пусть лучшіе годы
 Ушли невозвратно,—
 Въ стремленіи къ свѣту
 Встрѣчаясь съ преградой,
 Будь вѣренъ обѣту
 И духомъ не падай!

Пусть міромъ забыты
 Святые уроки,
 Камнемъ побиты
 Вожди и пророки;
 Пусть злоба невѣжды
 Возстанетъ стѣною;
 Пусть гаснуть надежды
 Одна за одною,—
 Всю жизнь не миряся
 Съ позорной пощадой,
 Погибни, боряся,
 Но духомъ не падай!

Вой злобы трусливой,
Намевъ недостойный—
Встрѣчай молчаливо,
Съ улыбкой спокойной.
Для славнаго дѣла
Отдавшій всё силы —
Безстрашно и смѣло
Иди до могилы.
И къ вѣчному свѣту
Стремяся съ отрадой,
Будь вѣренъ обѣту
И духомъ не падай!

1888 г.

ПОЭМЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ

ИСТОРИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ

ДЕБЮТАНТЪ.

Онъ водилъ по струнамъ, упали
Волоса на безумныя очи,
Звуки скрипки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ молчаніи ночи.

А. К. Толстой.

«Концертъ для бѣдныхъ». Моремъ свѣта
Залить театръ. Бриллианты дамъ,
Мундиры, звѣзды, эполеты —
Сіяетъ все, и по рядамъ
Несется, легкою волною,
Салонный говоръ. Здѣсь чертою
Легла знакомою печать
Вполнѣ приличной, свѣтской скуки...
Ее не въ силахъ разогнать
Гундъ чарующіе звуки.
Но вотъ окончился дуетъ,
Замолели громкія рулады,
— *Est-ce l'entre-acte enfin?* Но нѣтъ,
Явился робко средь эстрады,
Со скрипкой, блѣдный дебютантъ...
А! доморощенный талантъ...

Бездарность!.. въ этомъ нѣтъ сомнѣнья...
 И легкій гулъ неодобренья
 Въ толпѣ блестящей пробѣжалъ.
 Какой-то важный генералъ
 Вдругъ обратился съ замѣчаньемъ
 Небрежнымъ къ дочери; она
 Сидѣла сдержанна, блѣдна,
 Вся поглощенная вниманьемъ.
 Раздался первый звукъ смычка —
 Запѣла скрипка... стройно, плавно...
 То, задушевна и мягка,
 Лилася пѣснь, то своенравно
 Серебристый сыпался каскадъ
 Блестящихъ трелей и рудадъ —
 И снова звуки замирали...
 Всѣ съ напряженіемъ внимали
 Его игрѣ. Вотъ кончилъ онъ.
 Раздался взрывъ рукоплесканій,
 Похвалъ, безсвязныхъ восклицаній
 И криковъ: bis! со всѣхъ сторонъ.
 Онъ вновь явился на эстрадѣ;
 Теперь, въ его глубокомъ взглядѣ
 Зловѣщій вспыхнулъ огонекъ,
 Онъ нервно поднялъ свой смычекъ —
 Вновь, съ безконечною кручиной,
 Полились звуки... чуднымъ сномъ
 Воскресла память о быломъ —
 Могучей, яркою картиной.

Ночь... все заснуло... тишина...
 И въ небѣ выплыла луна,
 Бросая отблескъ серебристый

На воды темныя рѣвки...
 Вдали мелькнули огоньки;
 Вечерней свѣжести душистой
 Пахнула влажная струя,
 И вотъ — изъ темнаго обрыва
 Вдругъ полилися переливы
 Весенней пѣсни соловья...
 И онъ осмѣлился... Признанье
 Сорвалось съ устъ его... Плебей,
 Въ безумной дерзости своей,
 Онъ позабылъ то разстоянье,
 Что раздѣляло ихъ...

Въ тиши

Вы громче, громче лейтесь, звуки,
 Чтобъ заглушить тоску и муки
 Больной, истерзанной души!..

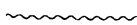
«Какъ горькій ропотъ уворизны
 Несется пѣснь моя волной,
 И если въ вихрѣ свѣтской жизни
 Съ ея мишурпой пустотой,
 Ты не погибла безнадежно —
 Пусть этотъ вопль тоски мятежной
 На мигъ нарушитъ твой покой.
 Да, я бѣднякъ — скрипачъ наемный...
 Концертъ оконченъ... гаснетъ газъ...
 Одинъ на сценѣ полутемной
 Останусь я... Но въ этотъ часъ —
 Я властелинъ твой, я нарушу
 Твое блаженство, и волю
 Въ твою изнѣженную душу

Сомнѣній ядъ — иль разобью,
Въ безсилы скрипку я свою...

Онъ кончилъ. Слышались рыданья
Въ толпѣ; глубокое молчанье
На мигъ настало, но потомъ —
Рукоплесканій страшный громъ
Потрясъ театръ — неудержимо
Все въ сценѣ двинулось толпой.
И, увлекая за собой
Отца... раскаяньемъ томима,
Въ порывѣ горя и стыда —
Княжна рвалась теперь туда...
Къ нему... на сцену... Ради Бога!..
Но что за странная тревога?
Всѣ суетятся, всѣ бѣгутъ...
Какой-то врачъ!.. Зачѣмъ онъ тутъ?..
О пропустите!..

Какъ въ туманѣ,
Предъ ней мелькнуло на диванѣ
Его лицо... да, это онъ...
Онъ спитъ... какою глубокой сонъ!..
Тѣнь думы строгой, величавой
Въ его чертахъ... и хоръ похвалъ,
Все упоенье первой славы —
Ненужны... Занавѣсъ упаль...
Онъ кончилъ пьесу... доигралъ!..

1884 г.

ВЧЕРАШНЯЯ ДРАМА.

I.

Богатый храмъ залить сіяніемъ свѣчей.
 Предъ аналоемъ ждетъ священникъ въ облаченіи;
 Толпяся позади разряженныхъ гостей,
 Ждутъ также кумушки, въ великомъ нетерпѣннн...
 Женихъ (блестящій типъ купеческихъ сынковъ,
 Отвѣдавшихъ слегка заманчивыхъ плодовъ
 Цивилизаціи) рисуется замѣтно,
 Бросая вокругъ себя побѣдоносный взоръ.
 «Невѣста!» — пронеслося вдругъ, и непримѣтно
 Толпа раздвинулась и грянулъ пѣвчихъ хоръ:
 «Гряди!» — Она идетъ, — нарядъ ея вѣнчальный
 Роскошень: кружева, брилліанты и атласъ...
 Но блѣдность тусклая мгновенно разлилась
 Въ чертахъ ея, и взоръ задумчивый, печальный
 Опущень... Искрою онъ вспыхнулъ лишь на мигъ,
 Когда съ игривою улыбкою женихъ
 Вдругъ обратился къ ней, и какъ-то безотчетно
 Она вся вздрогнула и подалась назадъ.
 Движенія ея и вспышки мимолетной
 Не увидалъ никто, и начался обрядъ.
 Все той же тупостью сіялъ самодовольной
 Женихъ, — но, блѣдная, съ безжизненнымъ лицомъ,
 Невѣста рядомъ съ нимъ стояла подъ вѣнцомъ;
 Свѣча въ рукахъ ея дрожала, и невольно
 Шептались многіе, качая головой,
 При взглядѣ на нее... Но вотъ и роковой
 Предложенъ ей вопросъ. Тутъ только съ нервной дрожью

Она опомнилась... Казалось, будто крикъ
 Готовъ сорваться съ усть... Какой постыдной ложью
 Ей надо осквернить во храмѣ свой языкъ!
 Ужель спасенья нѣтъ? Но взглядъ отца суровый,
 Угрозы мачихи... весь ужасъ этихъ дней —
 Съ зловѣщей ясностью припомнились ей,
 И замерло въ устахъ рѣшительное слово...
 Вѣнчанье кончилось. Смѣшались вокругъ
 Улыбки нѣжныя, роскошнѣйшія платья,
 Браслеты, вѣера, намеки и объятія
 И этотъ поцѣлуй... О, Боже, сколько мучь!

II.

У новобрачныхъ — пиръ горою;
 Всѣ пьютъ (кто радъ или не радъ),
 И возвышается стѣною
 Пустыхъ бутылокъ длинный рядъ.
 Отъ утомленія быстрымъ танцемъ
 Пылаютъ щеки дамъ румянцемъ, —
 И молодежь изподтишка
 Смѣлѣй нашептываетъ шутки;
 А тамъ отъ ловкой прибаутки
 Хохочетъ, взявшись за бока,
 Купецъ сѣдой и сановитый.
 Приличья лишніа забыты,
 Да и смѣшны они — ей-ей! —
 Среди вкружка «своихъ людей».
 Предметомъ общаго вниманья
 И шутокъ — блѣдность молодой,
 Ея упорное молчанье

И слышны возгласы порой:
 — Ой, что-то горько! Смѣхъ и грохотъ:
 ...Подъ говоръ ихъ и грубый хохотъ
 Предъ ней мелькаетъ дорогой,
 Знакомый образъ... Еслибъ снова
 Ей встрѣтить взоръ любимыхъ глазъ,
 Услышать ласковое слово
 Изъ устъ его... въ послѣдній разъ
 Склонясь усталой головою
 Къ нему на грудь, шепнуть съ мольбою,
 Съ тоскою страстною: прости!..
 Но онъ далеко и спасти
 Ее отъ гнета узъ постылыхъ
 Теперь ничто, ничто не въ силахъ.

.....
 Вотъ, наконецъ, она одна.
 Вся обстановка этой спальной
 Своею роскошью нахальной
 Ей ненавистна. Изъ окна,
 Чуть пробиваясь, лучъ разсвѣта
 Скользитъ севозъ толстыя драпри,
 И блѣднымъ отблескомъ зари
 Слегка окрашены предметы.
 О, сколько вынести пришлось
 Ей въ этотъ день! Какъ душно, гадею!
 Въ сухихъ, горящихъ лихорадкой
 Глазахъ не видно капли слезъ.
 Густыя пряди русыхъ востъ
 Лежатъ на плечахъ, и мечтою
 Она далеко унеслась.
 Предъ ней мелькаютъ въ этотъ часъ
 Картины, пестрой чередою,

И — поразительно ясна —
Вдругъ выдвигается одна:

Кладбище... Далеко въ равнинахъ и лѣсахъ
Раскинулось снѣговъ пушистыхъ покрывало
И словно рдѣть все въ полуденныхъ лучахъ.
Какъ вѣтви бѣлаго гигантскаго коралла
Красуются предъ ней—въ уборѣ снѣговомъ
Древесные стволы... Какая тишь кругомъ...
Прозраченъ сводъ небесъ — безоблачный и синій
И въ солнечныхъ лучахъ, серебромъ блистаетъ иней

На покосившихся крестахъ.

А дальше, въ глубинѣ березовой аллеи
Надменно высятся часовни, мавзолеи,
Съ цвѣтистой надписью на мраморныхъ плитахъ
И вотъ родная ей, завѣтная могила —

Могила матери... Сюда

Въ слезахъ она нерѣдко приходила,
Когда кипѣла кровь отъ горя и стыда,
Отъ незаслуженныхъ жестокихъ оскорбленій.
Склонивъ передъ крестомъ дрожащія колѣни,
Она рыдала здѣсь, въ отчаяннѣ нѣмомъ,
И слезы изъ очей лились—лились ручьемъ.
О, еслибы заснуть, въ тѣни высокихъ вязовъ,
Подъ дѣвственною снѣжной пеленой!
Деревья, броней одѣты ледяной,
Сверкая искрятся миллионами алмазовъ...
И здѣсь, подъ говоръ буръ и зимнихъ непогодъ
Ей будутъ сниться радужныя грезы...
Настанетъ вновь весна, распустятся березы,
И Божій міръ проснется, разцвѣтетъ...
Лѣса одѣнутся листвою изумрудной,

Проватится вдали весенний первый громъ,
И лишь она — глубоко, непробудно —
Все будетъ спать своимъ послѣднимъ сномъ...

«Пора! Пора!.. О, матушка родная,
Ты ждешь меня... иду... Въ борьбѣ изнемогая,
Терпѣла долго я, но силъ недостаетъ.
Обманывать всю жизнь, нести тяжелый гнетъ
Ужаснѣйшихъ цѣпей, навѣки, безъ возврата
Отречься отъ всего, что дорого и свято,—
Не въ силахъ я...

Шаги?.. Какой-то наглый смѣхъ?
Прости мнѣ, Господи, прости мой тяжкій грѣхъ!..»

Прошло одно мгновенье —
Щельнулъ замокъ взведеннаго курка
И грянулъ выстрѣлъ... Стонъ... Тяжелый шумъ, паденье...
Все было кончено... и съ кровью у виска

Она лежала недвижимо,
Безгласна, холодна... Струей неудержимой
Лилася кровь на платье и коверъ,
И въ широко раскрытомъ тускломъ взглядѣ,
Казалось, застылъ нѣмой укоръ,
Мольба нѣмая о пощадѣ...

Пощада? Въ царствѣ тьмы, гдѣ дивей произволь
Царить въ связи съ безчестною наживой,
Гдѣ влятвы, помыслы и чувства—все фальшиво,

Гдѣ благочестья ореолъ
Порою маской служить преступленью —
О, тамъ пощады нѣтъ! Кривавой, блѣдной тѣнью
Тамъ жертва не встаетъ, чтобъ бросить свой укоръ,
Свой вызовъ палачамъ... И что имъ приговоръ

И строгій судъ общественнаго мнѣнья!
 Они отвѣтятъ вамъ, со вздохомъ сожалѣнья:
 «Такъ, видно, Господомъ ужъ было суждено,
 Его рука во всемъ, а намъ роптать грѣшно...»

1885 г.

НОЧЬ.

Настала ночь, и надъ столицей
 Туманъ спустился пеленой,
 Въ домахъ — блестящей вереницей
 Зажглись огни; по мостовой
 Несутся съ грохотомъ кареты;
 Движенье, говоръ, всѣ спѣшать —
 Ихъ ждетъ спектакль иль маскарадъ,
 Быть можетъ — балъ большого свѣта,
 Пикникъ, азартная игра —
 Et caetera, et caetera.

Въ каморкѣ мрачной и холодной,
 При тускломъ свѣтѣ ночника
 Забылась дѣвушка. Тоска,
 Гнетъ тяжелой муви безысходной —
 Видны въ чертахъ; недвижный взоръ
 Ея застылъ въ нѣмомъ страданьи.
 Зачѣмъ, какъ призракъ иль уворъ,
 Предъ ней встаетъ воспоминанье
 Былыхъ, давно минувшихъ дней —
 И сердце ноетъ все больнѣй
 Все безотраднѣе? Какъ гордо,

Съ какимъ довѣріемъ въ себѣ
 Она навстрѣчу шла борьбѣ
 Съ суровой жизнью, вѣра твердо
 Въ тотъ чудный, свѣтлый идеалъ
 Добра и правды, что сіялъ
 Вдали звѣздой путеводящей.
 Ее томилъ застой мертвящій
 Спокойной жизни. Здѣсь, въ глуши,
 Простора нѣтъ для силъ души,
 А тамъ — ждетъ истинное дѣло,—
 И такъ впередъ, безстрашно, смѣло!
 Она рассталась навсегда
 Съ семьей... И вотъ прошли года...
 Лишенья, горе надорвали
 Ея энергію; мечты,
 Какъ поздней осенью цвѣты,
 Въ душѣ печально увядали...
 О, какъ порою винуть взглядъ
 Хотѣлось ей — на старый садъ,
 На домикъ ихъ, кусты сирени,
 Травой поросшія ступени,
 И на просторъ родныхъ полей,
 Гдѣ заливался соловей
 Весенней ночью... Гасли силы
 День ото дня и ныла грудь.
 Назадъ вернуться... отдохнуть!
 Назадъ? Но тамъ — однѣ могилы...

Она очнулась... какъ темно
 Въ каморкѣ! Слабо догорая
 Погасъ ночникъ и мгла сырая
 Глядитъ безжалостно въ окно.

Дрожа, нетвердыми шагами
 Больная тихо подошла
 Къ окну — и словно замерла!
 Сосѣдній домъ сіялъ огнями;
 Въ богатомъ залѣ яркій свѣтъ
 Лился изъ люстръ и жирандолей
 На зелень пальмъ, драцены, магнолій,
 Кружились пары...

Словно бредъ

Ей овладѣлъ и, стиснувъ руки,
 Она, съ безумною тоской,
 Къ стеклу приняла головой.
 Но вотъ несутся вальса звуки
 Все упоительнѣй, нѣжнѣй...
 Въ нихъ — отголосокъ чудныхъ дней
 Волшебной роскоши, веселья,
 Чады, возбуждающій похмѣлья,
 Признанья страстныя безъ словъ...
 Въ нихъ — нѣга, молодость, любовь —
 О, сжальтесь, сжальтесь!.. За что же
 Такая пытка?.. Боже, Боже,
 Она прямой дорогой шла,
 Трудилась честно, беззавѣтно,
 Всю жизнь, всѣ силы отдала
 Труду... и что-жь? все было тщетно,
 А впереди — лишений гнетъ
 И голодь!.. Гдѣ же, гдѣ исходъ?..
 И крикъ о помощи тоскливо
 Съ безкровныхъ устъ сорвался вдругъ.
 Но пусто все... темно вокругъ..
 И замеръ вопль ея призыва,
 Не встрѣтивъ отълика ни въ комъ,

Подъ звуки моднаго мотива —
И только вальса переливы
Звучать злораднымъ торжествомъ...

1885 г.

ПИРЪ.

Въ роскошную залу введенъ былъ пѣвецъ.
Горѣла огнями палата,
Виднѣлись повсюду парча и багрець,
Сіянье алмазовъ и злата.

Вельможъ украшали съ рѣзбою мечи
И цѣпи сверкающей звенья,
И очи красавиць метали лучи,
Суля полноту упоенья.

Вино все игривѣй по кубкамъ лилось,
Игривыя слышались рѣчи,
Сіяли красою межъ лилій и розъ
Синьоръ обнаженные плечи.

И дымъ отъ куреній вдоль стройныхъ колоннъ
Струился волной благовонной...
Картиною пира на мигъ ослѣпленъ,
Смутился пѣвецъ утомленный.

Онъ худъ былъ и блѣденъ, но въ тонкихъ чертахъ
Таилася гордая сила,

Которая ясно о долгихъ годахъ
Упорной борьбы говорила.

Молчалъ онъ. Огнемъ загорались черты,
Суровѣй сдвигались брови, —
Казалось, онъ видѣлъ не эти цвѣты,
Но рѣки струящейся крови.

Онъ слышалъ не звуки игривыхъ рѣчей,
Не говоръ и смѣхъ заглушенный, —
Предъ нимъ воскресали: брацанье мечей,
Пожары, убійства и стоны.

Онъ видѣлъ бездомныхъ и сирыхъ дѣтей,
Простершихъ безсильныя руки!..
Блѣднѣя, онъ люти вознудся своей —
И хлынули бурные звуки.

Какъ голосъ призыва, какъ воинскій кличъ,
Сзывающій къ долгу сурово,
Какъ смѣло поднятый, карающій бичъ —
Звучало свободное слово.

Онъ пѣлъ, что давно ужъ томится страна
Подъ бременемъ смуть и насилья,
Въ то время, какъ въ замкахъ, за чашей вина
Мы празднуемъ наше безсилье.

Что трудъ благородный и слава, и честь
Считаются нынѣ игрушкой,

Что правдѣ на смѣну явилася лѣсть,
Гремя шутовской погрешкой.

«Не слышимъ мы скорбный о помощи зовъ,
Не видимъ простертыя руки...
И гдѣ же, сквозь смѣхъ и кривлянье шутовъ,
Разслышать рыданія муки?»

«И гдѣ же, подъ звуки застольные чаръ,
Въ объятыхъ красавицъ продажныхъ —
Сберечь намъ души благороднѣйшій жаръ
И подвиговъ жаждать отважныхъ?»

«Пусть льется въ раздорахъ потоками кровь,
Безчинствуютъ дерзко вассалы —
Мы славимъ красавицъ, вино и любовь
И губки, что ярче коралла...»

Онъ пѣлъ, увлекаясь сильнѣй и сильнѣй,
Въ груди закипали рыданья,
Онъ думалъ, безумецъ, что пѣснью своей
Въ душѣ ихъ пробудить сознание.

Что всѣ отзовутся на искренній звукъ,
Воспрянувъ душой возрожденной!
Онъ кончилъ... и смолкъ, озираясь вокругъ,
Какъ будто отъ сна пробужденный.

Все было спокойно за пышнымъ столомъ,
Красавицы, съ совѣстью гибкой,

Съ надменно прекраснымъ и наглымъ челомъ —
Сіяли таковой же улыбкой.

Вино дорогое все такъ же лилось,
Такия же слышались рѣчи,
И такъ же сіяли межъ лилій и розъ
Синьоръ обнаженные плечи...

И только въ немногихъ суровыхъ чертахъ
Прочелъ онъ не гнѣвъ, не волненье,
Не совѣсти чуткой узоры иль страхъ —
Одно ледяное презрѣнье!

И понялъ внезапно смущенный пѣвецъ,
Что вопли тоски безнадежной
Вовѣкъ не достигнуть до этихъ сердець,
Нарушивъ ихъ сонъ безмятежный.

Онъ понялъ, что пѣснь его въ царствѣ глухихъ
Замоленеть, увы, безъ отвѣта,
Что взору живущихъ во мракѣ слѣпыхъ
Не нужно сіяніе свѣта...

Что ложь невозбранно ликуеть вокругъ
Въ чертогѣ своемъ золоченомъ —
Онъ понялъ... и лютя скользнула изъ рукъ,
Ударясь о плиты со стономъ!

1886 г.

REMINISCENCES.

(Изъ дневника барышни).

Les adieux sont trop prompts
Et la joie est trop breve
Et les regrets trop longs...

Порой въ душѣ моей болѣзненно звучать,
Казалось, навсегда умолкнувшія струны,
Какъ эхо прежнихъ дней, когда — свѣтлы и юны —
Роилися мечты. Картинъ знакомыхъ рядъ,
Знакомыхъ образовъ встаетъ передо мною;
Воспоминанія могучею волною
Охватываютъ все, какъ вешнихъ водъ приливъ.
Какъ часто издали услышанный мотивъ,
Намекъ нечаянный, иль сказанное слово —
Способны воскресить всѣ радости былого
И всѣ страданія... Въ сияющихъ чертахъ
Воскреснутъ старья, несбыточные грезы,
Улыбка свѣтлая мелькаетъ на устахъ,
Иль тихо выступаютъ непрошенные слезы...
Вечернею порой, когда церковный звонъ
Несется въ воздухъ и дальній небосклонъ
Окрашенъ пурпуромъ и блѣдной позолотой,
Я, сидя у окна съ начатою работою,
Забудуся на мигъ, и въ памяти встаетъ
Минушаго одинъ завѣтный эпизодъ.
Шестнадцать лѣтъ!.. Годъ Миньоны и Джульеты,
Иллюзій розовыхъ и первыхъ грезъ разцвѣта,
Года, когда романъ заманчивый прочтенъ,
Гдѣ совершенствами такъ щедро надѣленъ
Таинственный герой; годъ, когда предъ баломъ

Мечтають барышни о встрѣчѣ съ «идеаломъ»,
 И трепетно поють Чайковскаго романсъ,
 Въ то время, какъ папан свершаетъ свой пасьянсъ...
 Теперь подобный типъ, среди дѣвицъ столичныхъ,
 Благовоспитанныхъ и сѣзмала прагматичныхъ,
 Не часто встрѣтится, но, каюсь, отъ души
 Мечталось намъ тогда въ безвыходной глуши...
 Старинный городокъ въ краю, уже воспѣтомъ
 (И даже не однимъ) прославленнымъ поэтомъ—
 Былъ мѣстомъ дѣйствія романа моего;
 Я здѣсь не приведу названія его...
 Мнѣ памятенъ тотъ край, въ красѣ его суровой,
 Гдѣ скаты темныхъ горъ вѣнчають лѣсъ сосновый,
 Излучины озеръ сверкають серебромъ,
 Густой, зеленый мохъ раскинулся ковромъ
 И грозно, съ высоты свергаясь, водопады
 Разбрасываютъ искръ алмазныхъ мириады,
 Гдѣ плещеть объ утесъ, ласкаясь, волна
 И осень прелести заманчивой полна;
 Гдѣ сумраченъ народъ и гдѣ угрюмы скалы —
 Тотъ край, гдѣ создались преданья «Калевалы»...
 Патриархальностью глубокой городокъ
 Нашъ отличался; тамъ хранились неизмѣнны
 Традиціи, но все-жъ охотно въ клубъ военный
 Являлись граждане. Въ весьма короткій срокъ
 По-русски барышни ужъ выучили фразу:
 «Я васъ люблю» и «да» (всего нельзя же сразу).
 Любуясь порой на ихъ румяный лиць,
 Нашъ воинъ не одинъ шепталъ: «Jag elskar dig!» *)
 О, Боже, сколько книгъ въ блаженную ту пору

*) Люблю тебя (по-шведски).

Читала я и какъ — запоемъ, безъ разбору!
 Тутъ было все: Жоржъ-Зандъ, и Пушкинъ, и Шекспиръ,
 Эмаръ, Габорио... Особый книжный мiръ
 Себѣ я создала; являясь въ обѣду,
 Не въ силахъ поддержать бывала я бесѣду,—
 На скатерть устремивъ въ разсѣянности взглядъ,
 Нерѣдко я отвѣтъ давала невпопадъ.
 Въ мечтахъ восторженныхъ (хотя весьма неясныхъ)
 Я жаждала свершить рядъ подвиговъ опасныхъ,
 Подобно Жаннѣ д'Ареъ являясь на войнѣ
 Со знаменемъ въ рукахъ, въ блистающей бронѣ;
 То видѣла себя новѣйшею Джульетой,
 Съ отчаяньемъ въ душѣ и въ бархатъ разодрѣтой,
 Читающею свой предсмертный монологъ,—
 Или артистскою великою, у ногъ
 Которой цѣлый свѣтъ склонялся-бъ съ восхищеньемъ...
 Трудясь надъ заданнымъ въ уроку сочиненьемъ,
 Волшебный замокъ свой я строила порой...
 И скоро встрѣтился желаемый герой,
 О комъ нерѣдко я мечтала втихомолку...
 На праздникахъ въ полку устраивали ёлку,
 И вывезти меня рѣшились въ первый разъ.
 Предъ баломъ до зари я не смыкала глазъ...
 Явиться взрослою, надѣтъ со шлейфомъ платье!
 Читатель, вы едва-ль имѣете понятъе,
 Какъ важенъ этотъ шагъ! Подъ Штрауса мотивъ,
 Невольно чувствуя смущенія приливъ,
 Вступила я на балъ... Какъ сильно сердце билось,
 Когда безъ устали по залѣ я кружилась,
 И какъ любезенъ былъ красивый адъютантъ,
 Къ которому такъ шелъ блестящій аксельбантъ!..
 Взоръ темныхъ глазъ его былъ полонъ выраженья

И онъ вальсировалъ всѣхъ лучше, безъ сомнѣнья!
 Хоть не былъ онъ суровъ и блѣденъ, какъ Гамлетъ,
 И мало походилъ на Фауста, къ несчастью,
 Въ него влюбилась я мечтательною страстью,
 Возможною, увы, въ шестнадцать только лѣтъ!
 А онъ? Онъ сталъ бывать чуть-чуть не ежедневно,
 Мы съ нимъ о музыкѣ болтали по часамъ,
 Смѣялись, спорили, и многія изъ дамъ
 Твердили межъ собой въ бесѣдѣ задушевной,
 Что я — глупа, а онъ — пустѣйшій Донъ-Жуанъ
 И что «трагически» нашъ кончится романъ.
 Пока же, вопреки ихъ мрачнымъ предсказаньямъ,
 Я счастлива была, хотя еще признаемъ
 Не обмѣнялись мы... но слово, нѣжный взоръ,
 Руки пожатіе, намеки неувимый,
 Порою tête-à-tête минутный разговоръ —
 Казались прелести полны неизъяснимой.
 Меня не занималъ о будущемъ вопросъ
 Тогда, и я жила душою въ настоящемъ,
 Гдѣ все казалось вполнѣ couleur de rose...
 И если изрѣдка, предчувствіемъ томящимъ
 Щемило на сердцѣ, какъ въ чудный лѣтній день
 Нежданно облако свою набросить тѣнь
 На ясный сводъ небесъ, — искала я забвенья,
 Стараясь отогнать невольныя сомнѣнья.
 Любовь моя была ребячески-смѣшна:
 Бывало, каждый день ждала я у окна,
 Чтобъ только увидеть, какъ онъ проѣдетъ мимо —
 Нерѣдко голодомъ ужаснѣйшимъ томима
 (Часа въ четыре мы обѣдали какъ разъ),
 И все же съ улицы я не спускала глазъ...

Какъ будто въ чудномъ снѣ, неслышно дни летѣли.
 До Пасхи ужъ всего остались три недѣли.
 Лазурь небесъ была безоблачно ясна,
 Старинные валы и лугъ зазеленѣли,
 И даже, кое-гдѣ виднѣлись межъ травой
 Фіалка синяя и ландышъ полевой...
 Но буря надъ моей собралась головой...
 Въ одинъ прекрасный день всѣмъ сдѣлалось извѣстно:
 Съ супругой молодой (и очень интересной)
 Изъ отпуска домой вернулся капитанъ
 Н—чь. Кажется, тутъ цѣлый былъ романъ:
 Любовь... препятствія... чуть-чуть не похищенье...
 Ну, словомъ, нашъ кружокъ былъ просто въ восхищеньи;
 Лишь я осталася въ извѣстїю холодна...
 Съ супругомъ скоро къ намъ явилася «она»;
 Предъ этой барыней — эффектной и высокой,
 Съ роскошной таліей, очами съ поволокой
 И громкимъ голосомъ — увы, казалась я
 Ребенкомъ... Слушая, какъ наши кавалеры
 Хвалили умъ ея, наружность и манеры,
 Молчала я, въ душѣ тревогу затая.
 Однажды вечеромъ, слѣдя за нею взоромъ,
 Я видѣла, что «онъ» былъ сильно увлеченъ
 Развязностью ея и бойкимъ разговоромъ.
 Смертельно поблѣднѣвъ, я тихо вышла вонъ.
 Уютный кабинетъ былъ слабо освѣщенъ...
 Къ дивану подойдя походкой машинальной,
 Я сѣла. Явственно сквозъ толстыя драпри
 Неслись блестящіе аккорды «Rêverie».
 Какимъ-то вызывомъ, насмѣшкою нахальной
 Они казались мнѣ!.. О, Боже, надо мной,
 Надъ ревностью моей ребячески-смѣшной

Глумятся всѣ теперь!.. А онъ, кого такъ ~~страшно~~,
 Такъ сильно я люблю — кокеткою опасной
 Безумно увлеченъ... вѣдь онъ не отходилъ
 Весь вечеръ отъ нея, а я ждала напрасно
 Хоть слова одного... но болѣе нѣтъ силъ!
 За что же? Вѣдь и онъ любилъ меня когда-то!..
 И, безутѣшнѣйшею горестью объята,
 Готова я была расплаваться сейчасъ,
 Какъ вдругъ тяжелая портьера поднялась
 И онъ вошелъ... Но тутъ всю сцену примиренья
 Вы можете себѣ представить безъ труда:
 Вопросъ его, мое глубокое смущенье,
 Попытку къ строгости и возгласъ — никогда!
 Какъ онъ, въ концѣ концовъ, раскаяньемъ волнуемъ,
 Слегка руки моей коснулся поцѣлуемъ
 И заключительный, горячій діалогъ.
 Увы! не знала я, что это былъ прологъ —
 Одно вступленіе къ терзаніямъ сердечнымъ,
 И вѣрила всему съ довѣріемъ безпечнымъ.
 На слѣдующій день, къ отчаянью близка
 Напрасно я ждала знакомаго звонка;
 Слѣдя въ волненіи, съ вниманьемъ напряженнымъ
 За каждымъ шорохомъ и звукомъ отдаленнымъ.
 Онъ все же не пришелъ. Потомъ узнала я,
 Что вечеръ онъ провелъ за вистомъ у «нея»...
 Открытые страшно!.. Онъ съ нею же на балѣ
 Ближайшемъ танцевалъ завѣтный котильонъ.
 И видя, какъ они смѣялись и болтали,
 Съ трудомъ сдержала я въ груди невольный стонъ.
 Съ соперницей моей мы встрѣтились въ уборной;
 Она съ участіемъ и ласкою притворной,

Взявъ за руку меня, спросила: что со мной —
 Я, право, ей кажусь совсѣмъ, совсѣмъ больной...
 Что было далѣе — я помню очень смутно
 Почти безъ отдыха, кружась ежеминутно,
 Пыталась тщетно я забыться и забыть,
 Тупую сердца боль стараясь заглушить.
 Оркестра дивій громъ, цвѣты и комплименты,
 Мундиры, вѣера, мельгающія ленты
 И тосты общіе за ужиномъ — слилось
 Въ одинъ назойливо-мучительный хаосъ!
 Нашъ праздникъ полковой окончился съ разсвѣтомъ,
 Въ тотъ чудный, ранній часъ, межъ сумракомъ и свѣтомъ,
 Когда лежитъ въ поляхъ жемчужная роса
 И легкой дымкою одѣлися лѣса,
 То мимолетное, но чудное мгновенье,
 Когда оконченъ сонъ и близко пробужденье,
 И ясенъ сводъ небесъ прозрачно-голубой —
 По тихимъ улицамъ мы ѣхали домой.
 Мнѣ чудились еще аккорды ригурнели,
 Когда съ усиленіемъ добравшись до постели,
 Я съ первымъ солнечнымъ живительнымъ лучомъ
 Заснула, наконецъ, какимъ-то мертвымъ сномъ.

Съ тѣхъ поръ въ душѣ моей свершился неизбѣжный
 Кризисъ. По прежнему, любовью безнадежной
 Любила я, но все, что было въ ней свѣтло
 И радостно — навѣкъ, казалось, отошло.
 Скрывая ото всѣхъ тоску свою упорно,
 И съ нимъ встрѣчалась я съ развязностью притворной,
 Болтала, какъ всегда, но что-то порвалось
 Неуловимое навѣки между нами.

Притомъ же и конецъ ужъ былъ не за горами...
 Июнь извѣстiе неожиданное принесъ:
 Отецъ мой получилъ въ Россiю назначенье
 И ѣхать намъ пришлось почти безъ замедленья.
 О, эти краткiе, мучительные дни —
 Всю жизнь останутся мнѣ памятны они!
 Тогда узнала я, что всѣ бывшiя муки
 Казались легки предъ ужасомъ разлуки...
 Съ отчаяньемъ въ душѣ я все еще ждала —
 Ждала послѣдняго рѣшительнаго слова
 (Онъ сталъ бывать у насъ довольно часто снова).
 Я лихорадочно бывала весела,
 Когда онъ приходилъ, и часто въ разговорѣ,
 Шутя, онъ повторялъ, что къ намъ прiѣдетъ вскорѣ
 Въ Россiю, для того, чтобъ ссориться со мной,
 Конечно...

Къ моему несказанному горю
 Насталъ отъѣзда день. Въ ванунъ его мы къ морю
 Отправились гулять. Прохладой лѣсной
 И свѣжестью была природа вся объята;
 Блѣднѣя, догоралъ послѣднiй лучъ заката
 И къ берегу волна катилась за волной.
 Изъ темной рощицы, синѣя на просторѣ,
 Виднѣлось далеко безбережное море...
 Мы сѣли на скамью. Царила тишина.
 Внизу, у самыхъ ногъ, плескалася волна...
 Онъ вдругъ заговорилъ о предстоящей встрѣчѣ,
 О томъ, какъ весело на родинѣ у насъ
 Мы будемъ вспоминать прощальный этотъ часъ,
 Но какъ-то холодно его звучали рѣчи.
 Я молча слушала, недвижна и блѣдна,
 На сердцѣ и въ мозгу щемила мысль одна,

Одно сознаниѣ какой-то жгучей боли.
 Къ чему, въ чему обманъ?.. Съ усильемъ страшнымъ воли
 Я тихо молвила, не поднимая глазъ:
 «Мы съ вами говоримъ теперъ въ послѣдній разъ, —
 Такъ будьте хоть на мигъ вполнѣ чистосердечны!
 Что мы не свидимся — вы знаете, конечно,
 Какъ знаю это я...»

Я съ мѣста поднялась
 И медленно пошла дорогою обратной;
 Съ тупымъ сознаниемъ какой-то безвозвратно
 Утраченной мечты... Не мало горькихъ слезъ
 Въ ту ночь я пролила! Съ зарей все поднялось;
 Всѣ въ домѣ бѣгали, возились съ укладкой...
 Какой-то внутренней томима лихорадкой,
 Я вышла блѣдная, съ измученнымъ лицомъ.
 Коляска тройкою ждала передъ крыльцомъ.
 Пришли знакомые... онъ тоже былъ межъ ними...
 Пока прощалась я съ подругами своими,
 Все время онъ стоялъ немного въ сторонѣ,
 Но тутъ онъ подошелъ, разстроенный, ко мнѣ.
 Въ немъ что-то, видимо, мучительно боролось...
 — Ну, съ Богомъ! Въ путь пора! — отца раздался голосъ.
 Всѣ двинулись къ дверямъ... О, сколько-бъ ни пришлось
 Прожить мнѣ — никогда всю горечь этой муки,
 Всю тяжесть страшную невыплаванныхъ слезъ,
 Когда въ послѣдній разъ онъ вѣжливо жаль мнѣ руки
 И ихъ поднесъ на мигъ къ пылающимъ губамъ, —
 Не въ силахъ я забыть!..

Едва ли нужно вамъ
 Развязку сообщать несложнаго романа!
 Мы съ нимъ не свидѣлись... Моя закрылась рана...
 Но горе первое не кажется смѣшно —

Въ душѣ глубокой слѣдъ оставило оно,
И если прошлое мнѣ вспомнится, невольно
Заносетъ сердце вновь мучительно и больно...

1886 г.

VAE VICTIS.

I.

Въ замерзшее окно мерцаетъ лучъ разсвѣта,
А труженикъ пера въ безмолвьи кабинета
Сидитъ еще, склонясь надъ письменнымъ столомъ,
Съ какимъ-то мертвеннымъ, измученнымъ лицомъ,
Гдѣ слѣдъ оставила гнетущая забота,
Ночей бессонныхъ рядъ и слѣпшая работа.
Да, онъ торопится, давно за шагомъ шагъ
Слѣдить за нимъ его неумолимый врагъ,
И этотъ врагъ — болѣзнь. Вотъ скоро двѣ недѣли,
Какъ онъ, вернувшись съ печальныхъ похоронъ
Товарища, едва добрался до постели.
Продрогшій до костей, измученъ, истомленъ,
Не скоро онъ заснулъ. Предъ нимъ мелькали дроги,
Которыя съ трудомъ тащила пара влячъ
По кочкамъ и грязи разѣзженной дороги.
Онъ слышалъ и дѣтей осиротѣлыхъ плачъ,
И жалобы жены, неожиданно овдовѣвшей,
Отъ горя и тревогъ внезапно постарѣвшей.
Давно-ль была она красива, молода?
Давно ли въ ихъ кружѣ, товарищески-шумномъ,

Являлася она со споромъ остроумнымъ,
 Съ веселой шуткою?.. Случалася бѣда —
 Къ ней обращались за помощью, совѣтомъ,
 И вѣяло на всѣхъ какимъ-то чуднымъ свѣтомъ,
 Теплою и ласкою отъ искреннихъ рѣчей,
 Отъ взора мягкаго большихъ ея очей.
 Онъ помнитъ хорошо ихъ скромныя собранья,
 Сужденья мѣткія о разныхъ злобахъ дня,
 Порой — горячій споръ, остроты, восклицанья
 И чай съ закускою у яркаго огня.
 Хозяйка иногда садилась къ фортепяно,
 Смѣнялись чередой Бетховенъ и Гунд
 И часто лучъ зари заглядывалъ въ окно...

Все это вспомнилъ онъ, когда среди тумана
 Стоялъ у свѣжаго могильнаго холма.
 Въ природѣ, на душѣ — вездѣ царила тьма
 Сырая, скорбная. Такъ глухо, такъ уныло
 Звучали рѣчи ихъ надъ дорогой могилой
 Товарища, подъ шумъ осенняго дождя
 И вѣтра стонъ въ вѣтвяхъ деревьевъ обнаженныхъ.
 Въ толпѣ виднѣлося не мало огорченныхъ
 Сочувствующихъ лицъ. Немного погода,
 Всѣ тихо разбрелись съ пустѣвшаго кладбища.
 Едва къ семи часамъ, трясаясь по мостовой
 На дрожжахъ подъ дождемъ, продрогшій, чуть живой
 Достигъ онъ своего невзрачнаго жилища.
 Обрывки горькихъ думъ кружились въ головѣ,
 Его тревожили заботы о вдовѣ,
 О дѣтяхъ-сиротахъ. Но что же будетъ съ ними?
 Зловѣщая нужда охватить ихъ своими
 Сѣтями прочными, заставить ихъ пройти

Черезъ цѣлый рядъ обидъ, жестокихъ униженій,
 Тяжелаго труда, безчисленныхъ лишеній —
 Всю радость бытія оставивъ на пути,
 Всю прелесть юности съ наивной чистотою...
 Ужасная судьба! Его покойный другъ
 Трудился цѣлый вѣкъ, не покладая рукъ,
 Заботясь о семьѣ, но вотъ сломилъ недугъ
 Бѣднягу, — и она осталась съ сумою,
 На улицѣ...

«Ну, что-жъ? такъ будетъ и со мною», —
 Онъ громко произнесъ, входя на грязный дворъ
 И поднимаясь по слабо освѣщенной
 Высокой лѣстницѣ. — Какъ поздно! до сихъ поръ? —
 Послышался вопросъ супруги раздраженной,
 — Изъ типографіи давно разсылный ждешь,
 Ты завтра обѣщалъ о выставкѣ отчетъ?
 «Вотъ въ ящикѣ... возьми. Мнѣ нынче что-то худо».
 На слѣдующій день поднялся онъ съ трудомъ:
 Казалась голова налиткою свинцомъ
 И колотье въ груди усилилось. Простуда
 Себя давала знать... О, только бы не слечь,
 Не одолѣлъ бы врагъ!..

II.

Блѣднѣетъ пламя свѣтъ,
 Пробило пять часовъ... Какъ хочется прилечь,
 Забыться!.. Но нельзя, не кончена работа,
 Еще два-три листа... А завтра — день расчета.
 Перо скользить порой изъ ослабѣвшихъ рукъ,
 Глаза слипаются подъ маятника стукъ...

Нельзя! И вновь оно мелькает по бумагѣ
 Все торопливѣе, и кажется бѣднягѣ,
 Что онъ опередилъ жестокаго врага,
 Что онъ уже спасенъ. Но радость недолга —
 Недугъ настигъ его. Онъ цѣпкими ногтями
 Хватаетъ за-сердце, какъ молотомъ въ виски
 Стучить... и, внѣ себя отъ горя и тоски,
 Охваченный его ужасными сѣтями,
 Напрасно бьется въ нихъ измученный бѣднякъ.
 Дыханье замерло, кругомъ — зловѣщій мракъ...
 Ужель конецъ всему? Ужели нѣтъ спасенья?
 И тотъ, кто столько лѣтъ боролся и страдалъ,
 Трудился, вѣровалъ, надѣялся и ждалъ —
 Лежитъ безъ голоса, безъ мысли, безъ движенья!..

А еслибъ онъ и всталъ — какое пробужденье!
 Что въ жизни ждетъ его? Какъ жалкій инвалидъ,
 Больной, беспомощный и никому ненужный,
 Онъ въ битвѣ жизненной остался — безоружный
 И брошенъ на пути. Вокругъ него спѣшить,
 Волнуясь, толпа, онъ слышитъ кличъ побѣдный,
 Среди людей живыхъ какой-то тѣнью блѣдной
 Онъ кажется себѣ. Друзья ушли впередъ,
 И слабый вопль его безъ отклика замретъ...
 Недаромъ онъ живетъ въ томъ вѣкѣ просвѣщенномъ,
 Гдѣ — «каждый за себя» и — «горе побѣжденнымъ!»

1887 г.

БЕЗПРАВНАЯ.

I.

Окончился обрядъ блестящихъ похоронъ.
 Осыпанъ розами, оплаканъ, погребенъ,
 Согласно правиламъ строжайшимъ этикета!
 И вотъ послѣдняя отъѣхала карета.
 Какъ пѣли пѣвчіе! Какая масса розъ!
 И рѣчь надгробную какъ чудно произнесъ
 Отецъ архимандритъ! Въ плѣресахъ и вуали
 Изъ крѣпа — (символы наглядные печали) —
 Какой изящною казалася вдова.
 Въ моментъ прощанія съ ней обморокъ едва
 Не сдѣлался... Когда въ сопровожденіи брата
 И стройнаго, въ рінсе-пез, съ бородкой дипломата
 Она съ платкомъ у глазъ ко гробу подошла —
 Шепнули многіе: «Ахъ, какъ она мила
 Въ глубокомъ траурѣ! А жизнь ея была
 Нелегкою... да, да!» — и тутъ передавали
 Другъ другу шопотомъ подробности о томъ,
 Что ихъ покойный другъ, въ несчастію, едва ли
 Способенъ былъ служить супруга образцомъ:
 — Тутъ женщина одна... онъ съ нею былъ знакомъ
 Лѣтъ шесть... бухгалтерша, иль что-то въ этомъ родѣ,
 Изъ нынѣшнихъ... И онъ мечталъ ужъ о разводѣ,
 Хотѣлъ ей имя дать. — Возможно ли? Ногтеиг!
 Несчастная Aline. Вѣдь ей грозилъ позоръ! —
 Но все окончилось, и масса приглашенныхъ
 «Особъ» и важныхъ дамъ, обрядомъ утомленныхъ,
 Разъѣхались. Ушли рабочіе домой,

Поставивъ крестъ, и холмъ, усыпанный цвѣтами,
 Пригрѣтый яркими весенними лучами,
 Съ крестомъ, сіяющимъ на солнцѣ бѣлизной,
 Остался одинокъ. Но, вотъ, въ концѣ аллеи
 Мелькнула женщина. Минуя мавзолеи,
 И скромные кресты, приблизилась она,
 Съ заплаканнымъ лицомъ, измучена, блѣдна.
 И, озираяся тревожно, боязливо,
 Какъ робкій, загнанный собаками, звѣрекъ —
 Она изъ-подъ плаща украдкою вѣнокъ
 Рукой дрожащею достала торопливо
 И, положивъ его къ подножію креста
 Среди вѣнковъ другихъ, беззвучно зарыдала
 И, зашатавшись, лицомъ на дернъ упала.
 Она не плакала, но блѣдныя уста
 Дрожали отъ глухихъ, подавленныхъ рыданій.
 Ей выплакать пришлось за эти дни страданій
 Всѣ слезы, и теперь, увы, ихъ больше нѣтъ!
 Чтѣ было съ ней, когда впервые изъ газетъ
 Пришлось ей узнать о моментальной смерти
 Того, кто для нея дороже жизни былъ!
 Не можетъ быть! На дняхъ онъ былъ еще въ концертѣ
 Съ знакомою семьей, потомъ онъ заходилъ
 Къ ней утромъ. Радуюсь заранѣе свободѣ
 Своей, онъ говорилъ, что просьба о разводѣ
 Имъ заготовлена, и — вдругъ... Не можетъ быть!
 Къ нему, скорѣй къ нему! Увидѣть, разспросить...
 У памятнаго ей массивнаго подѣзда
 Въ ней сердце дрогнуло на мигъ, при видѣ сѣзда
 Громаднаго каретъ. Кружилась голова...
 Какъ будто бы сквозь сонъ ей слышались слова:
 «Скончался въ эту ночь!» По лѣстницѣ, блѣднѣя,

Слѣпить она, и вотъ предъ ней лицо лакея.
 «Не велѣно пускать!» А тамъ, за дверью той,
 Предъ ней безжалостно, нахально запертой —
 Ей слышался нагѣвъ печальный панихиды,
 И слезы жгучія страданья и обиды,
 Позора — хлынули потоками изъ глазъ.
 Какъ ей хотѣлося навѣтъ, въ послѣдній разъ
 Проститься съ тѣмъ, кого безумно полюбила
 Она и для кого оставила семью,
 Отдавъ ему любовь и честь, и жизнь свою!
 Взглянуть въ лицо его! И въ этомъ даже было
 Отказано. Туда идутъ толпы людей
 Чужихъ ему, и ей, одной лишь только ей
 Нѣтъ мѣста близъ него, нѣтъ мѣста между ними!
 И вновь—сегодня, въ день печальный похоронъ,
 Съ вуалью на лицѣ, скрываясь межъ колоннъ
 На паперти, она, подъ взорами косыми
 Лакеевъ и зѣваекъ, съ тоской ждала конца.
 Ей мѣста не было у гроба мертвеца:
 Семья покойнаго боялася «скандала»
 И «мѣры» приняла... О, какъ она страдала!
 Но все окончилось. Теперь она одна
 Осталась съ нимъ... Кругомъ — нѣмая тишина,
 Никто не явится, отъ гроба дорогаго
 Никто не оторветъ, никто не запретитъ
 Ей плакать! Отъ нея вѣдь отняли живаго,
 Но мертвый — онъ лишь ей одной принадлежитъ.

II.

Она слегла. Когда-жъ, оправаясь, черезъ силу,
 Худая, слабая, пришла она могилу

Провѣдать — то ее едва могла она
 Узнать... Рѣшоткою рѣзной обнесена,
 Затворенной на ключъ, вся мраморомъ обшита,
 Искусственныхъ цвѣтовъ гирляндами обвита —
 Она являлась ей холодною, чужой...
 А какъ хотѣлось ей больною головою
 Припасть на свѣжій дернъ съ рыданіемъ, какъ прежде!
 Все отняли у ней, не сбыться и надеждѣ
 Послѣдней. Боже мой! Умершій или живой —
 Онъ имъ принадлежить, не ей, стыдомъ покрытой,
 Безправной въ ихъ глазахъ... О, жгучая тоска!
 Она отъ мертваго такъ страшно далека,
 Какъ этотъ — весь въ грязи, поломанный, разбитый,
 Съ могилы сброшенный въ траву, у самыхъ ногъ —
 Когда-то ей самой возложенный вѣнокъ!

1887 г.

ЁЛКА НА МОГИЛѢ.

Наступилъ и канунъ Рождества. Въ небесахъ
 Засвѣтились звѣзды, мерцающія;
 Городецъ оживился; въ старинныхъ церквахъ
 Подходила къ концу всенощная.

Заструилось изъ оконъ сіянье огней
 Разукрашенныхъ праздничныхъ елокъ...
 А морозъ на дворѣ становился сильнѣй —
 Словно тысячью мелкихъ иголокъ

Онъ впивался въ лицо, осыпалъ серебромъ
 Вѣтви темныхъ, раскидистыхъ вязовъ,

Разстился въ поляхъ бѣлоснѣжнымъ ковромъ,
 Что сверкаль миллиономъ алмазовъ...

Всюду ёлки зажглись. Всюду — праздникъ дѣтей,
 Лучезарные дѣтскіе глаза,
 Оживленье и говоръ, и груды сластей,
 И подарки, и нѣжныя ласки.

Всюду елки зажглись. Засіяли огни
 Въ бѣдняка неприглядномъ жилищѣ
 И въ домахъ богачей. Засвѣтились они
 Даже тамъ, на далекомъ кладбищѣ...

Тамъ горятъ огоньки; у подножья креста,
 Надъ могилою дѣтской, рыдая,
 Навлонила мать, и несчастной уста
 Тихо шепчуть: — «Я здѣсь, дорогая!

Ты меня заждалась, ты заснуть не могла,
 Убаюкана буйной метелью?..
 Не скучай же теперь: видишь! мама пришла,
 Мы справляемъ твое новоселье...

Какъ блестятъ огоньки! Какъ нарядна, взгляни,
 Эта ёлка! Своими руками
 Я ее убрала, какъ въ минувшіе дни, —
 Полюбуйся ея огоньками.

Помню я, какъ меня, три недѣли назадъ,
 Ты спросила: «А елка не скоро?»
 И страданье мое я укрыла наврядъ
 Отъ пытливаго дѣтскаго взора.

Ты шепнула, прижавшись къ лицу моему:

— Не горюй!.. (я рыдала беззвучно)

Я на небо иду, чтобъ папа одному

Тамъ безъ насъ не казалось скучно. —

О, голубка моя! Задыхаясь, въ бреду,

Ты ласкалась ко мнѣ, какъ бывало,

Вспоминая порою, какъ въ прошломъ году

Мама ёлку тебѣ убирала...

Видишь, ёлка твоя и теперь зажжена,

Что-жъ на зовъ мой нейдешь ты, родная?

Не встрѣчаешь меня и, веселья полна,

Не смѣешься, меня обнимаю?»

И въ холодной плитѣ приникала опять,

Будто слова любви ожидая,

И склонялась надъ ней одинокая мать,

Безутѣшно и горько рыдая.

Не откликнется,—нѣтъ! Все безмолвно кругомъ,

Тихо все... Только звѣздъ мириады

Разгораются ярче на небѣ ночномъ,

Какъ во храмѣ святыхъ лампы.

Въ серебристомъ сіяньи холодной луны

Снѣговья бѣлѣютъ равнины,

И невольно въ душѣ, будто смутные сны,

Воскресаютъ былого картины.

Вспоминаются ей годы дѣтства ея,

Невозвратные, чудные годы,

Кругъ старинныхъ друзей и родная семья,
И просторъ деревенской свободы.

Необъятная ширь золотистыхъ полей,
Видъ на рѣку съ балкона усадьбы,
Дорогое лицо въ полумракѣ аллей,
Оживленье веселое свадьбы.

Вспоминаются ей: жизнь въ далекомъ краю,
И роженіе маленькой Нины,
Разставанье... война... гибель мужа въ бою,
И тяжелые годы кручины...

Лишь ребенокъ ее отъ отчаянья спасти,
И, заплакавъ при взглядѣ на Нину,
Вся дочуркѣ она съ той поры отдалась,
Не умѣя любить въ половину...

Восемь лѣтъ протекло... и за что же опять
Это новое горе, о, Боже?..
Такъ неожиданно, такъ скоро навѣкъ потерять
То, чтѣ въ мірѣ всего ей дороже!

И не видитъ она, задыхаясь отъ слезъ,
Потрясенная нервнымъ ознобомъ,
Что метель началась, и крѣпчаетъ морозъ,
Наметая сугробъ за сугробомъ.

Тѣ не снѣжная пыль поднялася столбомъ,
Закружилася между крестами —
Это ангеловъ рать надъ могильнымъ холмомъ
Тихо вѣетъ своими крылами...

Тд не вѣтеръ шумить, и не стонъ раздался
 Заунывной тоскливой метели —
 Это — ангеловъ пѣснь, это — ихъ голоса,
 Ихъ одежды кругомъ забѣлѣли!

Ближе... ближе... летать... Кто же тамъ впереди,
 Въ одѣяніи свѣтломъ, съ крылами,
 Улыбается ей?.. — Подожди, подожди! —
 И къ возлюбленной тѣни руками

Жадно тянется мать, но, бессильно скользя,
 Опускаются слабыя руки...
 «Замерзаетъ никакъ? Чтой-то! Этакъ нельзя!..»
 Раздались ворчливые звуки.

Кто-то поднялъ ее... яркій свѣтъ фонаря
 Ей ударилъ въ лицо, и со стономъ
 Вдругъ очнулася она. Что-то ей говоря,
 Сонный сторожъ, съ лицомъ изумленнымъ,

Наклонился надъ ней: — Встань, сударыня... эхъ!
 Чуть не кончилось дѣло бѣдою...
 Я маленько вздремнулъ... Экій, Госноди, грѣхъ!
 Тамъ изъ дому пришли за тобою. —

Оглядѣлася она. Видитъ: ёлка лежитъ,
 Занесенная снѣгомъ пушистымъ,
 Вновь утихла метель, и на пещѣ горитъ
 Яркій мѣсяцъ серпомъ серебристымъ.

1887 г.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ.

I.

Во свѣтлицѣ царской, съ сводами лѣпными,
 Съ утварью богатой, съ стеклами цвѣтными,
 Возсѣдаетъ — въ креслѣ съ спинкой золоченой
 Въ фѣрязи парчевой, мѣхомъ опушенной,
 Въ столбунцѣ жемчужномъ — Софья Алексѣевна,
 И давно ужъ думу думаетъ царица...
 Дышетъ вся фигура силою и властью,
 Огненные очи вспыхиваютъ страстью,
 Волей непреклонной — жесткою и твердой,
 Губы, раскрываясь, шепчутъ вызовъ гордый...
 Какъ? Возможно-ль это? Тамъ, въ Преображенскомъ
 Разсуждаютъ нынче о правленьи женскомъ,
 Осуждаютъ дерзко крымскіе походы,
 Слабость, неумѣнье, трусость воеводы!
 Говорятъ открыто, будто князь Василій,
 Чтѣ, служба отчизнѣ, не шадилъ усилій
 Ни въ совѣтѣ думномъ, ни на полѣ бранномъ, —
 Отступилъ, постыдно отраженный ханомъ,
 Отступилъ, не славой громкою покрытый,
 А полками хана дикаго разбитый, —
 И надъ тѣмъ дерзаютъ насмѣхаться, — Боже! —
 Чья любовь ей міра цѣлаго дороже!
 Все идетъ оттуда! О, гнѣздо эхидны!
 Ужъ давно ихъ возни злыя очевидны,
 Не угомонилась старая царица:
 Подстрекаетъ близкихъ гордая орлица.
 Видно, еще мало пролилося крови...

(И у Софьи грозно сдвинулися брови) —
 Намекають нынче, что царю, молъ, время
 Воспріять со славой государства бремя,
 Что землю править женщинѣ не гоже,
 Что зазорно это... Попробуйте, что же?..
 Смѣхъ вѣдь! Послѣ многихъ козней безуспѣшныхъ,
 Ужъ не Петръ ли юный во главѣ «потѣшныхъ»,
 Бредившій доселѣ мудростью нѣмецкой,
 Вздумаетъ бороться съ силою стрѣлцкой?
 Ужъ не онъ ли сломить силу вѣвовую,
 Сокрушить навѣки старину сѣдую?..

Усмѣхнулась тихо Софья Алексѣвна,
 Просіяли очи, что глядѣли гнѣвно,
 Какъ сіяетъ солнце изъ-за тучъ порою.
 Только-бъ «онъ» вернулся!.. Завтра же съ зарею
 Въ Троицкую лавру ей собратъся надо —
 Отслужить молебень, не забыть и вклада
 Щедраго въ обитель...

Только бы скорѣе
 «Онъ» домой вернулся!.. И тогда «злодѣи»
 Не страшны царевнѣ, не страшны ихъ козни,
 Не боится Софья ни боярской розни,
 Ни «орлицы» старой, ни ея «орленка»,
 Видя въ самодержцѣ будущемъ — ребенка!

II.

Въ небѣ догорало полмя заката.
 Со своею свитой, убранной богато,
 Прибыла царица въ ближнее селенье,
 Гдѣ къ ея приему шли приготовленья

Въ путевой палатѣ, — и прошла въ свѣтлицу.
 Яркій свѣтъ лампы озарялъ божицу,
 Надъ стариннымъ садомъ ужъ сгущались тѣни,
 Изъ окна пахнуло запахомъ сирени.
 И съ глубокимъ вздохомъ, полузаглушеннымъ,
 Подошла царевна ко святымъ иконамъ,
 Опустяся тихо предъ рѣзнымъ кіотомъ...
 Вдругъ чело холоднымъ оросилось потомъ
 И въ очахъ царевны, широко раскрытыхъ,
 На чертахъ, смертельной блѣдностью покрытыхъ,
 Отразился ужасъ непреодолимый...
 Передъ ней въ кіотѣ, вмѣсто ея чтимой
 Знаменья иконы, кѣмъ-то издалече
 Присланной въ подарокъ, — голова Предтечи
 На нее глядѣла неотступнымъ взоромъ,
 Чтò дышалъ, казалось, скорбью и уворомъ!..
 Чудится царицѣ, будто капли крови
 Изъ главы сочатся... будто сжались брови
 Отъ невыносимо тяжкаго страданья...
 И въ умѣ у Софьи вдругъ воспоминанье
 Страшное проснулось! Въ этой же палатѣ,
 Здѣсь ждала царевна вѣсти о захватѣ
 На пути Хованскихъ; здѣсь же безъ боязни
 Ожидала Софья ихъ ужасной казни...
 Здѣсь, вокругъ поспѣшно возведенной плахи,
 На дворѣ толпились стражники, монахи,
 Волновалось глухо сборище народу
 И гудѣло, словно море въ непогоду...

И среди жестокихъ совѣсти мученій
 Развернулся длинный свитокъ прегрѣшеній
 Предъ ея очами. Сѣвось туманъ кровавый

Передъ ней вставали прежнія расправы,
 Рядъ насилій страшныхъ, ею совершенныхъ,
 Тѣни жертвъ, безвинно ею осужденныхъ —
 Повѣсть роковая тайны и измѣны!
 И казалось Софѣѣ, будто эти стѣны,
 Будто воздухъ самый, вѣтра дуновенье —
 Все вокругъ немолчно вопіеть о мщени,
 Будто передъ нею вырастаетъ мститель,
 Будто ужъ раскрылась мрачная обитель,
 И судьба сулитъ ей не вѣнца сіянье,
 А глухую велью и годъ страданья...

1888 г.

МАРУСЯ ЧУРАЙ.

(Историческая быль).

I.

Засвистали казачёнки въ походъ до пивночи,
 Заплакала Марусёнка свои ясны очи...

Малороссійская пѣсня.

Двѣсти лѣтъ минуло, а въ Украинѣ дальней
 О судьбѣ Маруси, о судьбѣ печальной
 Все живетъ сказанье, и средь вечерницы
 Все поются пѣсни «дѣвки чаровницы».
 Двѣсти лѣтъ минуло, а въ родной Полтавѣ
 О красѣ Маруси, о любви и славѣ
 Шепчетъ буйный вѣтеръ тополю въ долину,
 Шепчетъ соловейко полевой калину...
 Какъ прекрасны были эти звѣзды-очи —
 Солнышка привѣтливый и темнѣ почи,

О. ЧЮМИНА-МИХАЙЛОВА.

6

Всѣхъ они волшебной полоняли властью,
 Чаровали нѣгой, вспыхивали страстью.
 Хороша дивчина выросла на волѣ —
 Гибкою и стройной, какъ былинка въ полѣ,
 Но всего милѣе былъ — не взоръ лучистый
 И не косы-змѣи — голосъ серебристый.
 Какъ у ней польются пѣсенка за пѣсней —
 Станетъ все на свѣтѣ лучше и чудеснѣй:
 Станетъ небо ярче, зеленѣй березы,
 Заиграетъ сердце, навернутся слезы...

Полюбилъ Марусю чернобровый Грицо,
 Полюбила Грицю крѣпко чаровница...
 Да недолго длились красные денѣчки:
 Наступила Пасха, развернулись почки —
 И въ походъ поспѣшно собрались казаки:
 На страну родную шли войной поляки.

Горько плакала Маруся,
 Плакала-рыдала,
 Какъ въ послѣдній разъ, прощаясь,
 Грицю обнимала.

И, ее цѣлуя въ очи,
 Онъ шепталъ: — Маруся,
 Не тревожься, мое сердце,
 Скоро возвращуся.—

Но она въ слезахъ твердила:
 «Горе мнѣ, желанный!
 Я бѣдна, тебѣ не пара...
 Будешь мужемъ Ганны...

Отъ отца осталась только
 Слава боевая,
 А казны же нѣтъ у дочки
 Старого Чурая».

— Дорогая, не богаче-ль
 Ты любой царицы?
 Очи — звѣзды, зубы — жемчугъ,
 Голось чаровницы...

Вѣрь же мнѣ, моя коханка;
 Возвращусь въ Полтаву
 И добуду я въ сраженьи
 Воинскую славу.—

«О, скорѣй вернися, любый!» —
 И подъ сѣнью вишень
 Поцѣлуй ея послѣдній
 Прозвучаль, чуть слышенъ...

II.

Гдѣ мой милый, чернобривый,
 Гдѣ ты — озовыся!

«Маруся Чурай».

Время потянулось медленно, уныло.
 Мѣсяцы проходятъ — нѣтъ еще вѣстей.
 На сердцѣ тревога, въ домѣ все постыло,
 Ждутъ и не дождутся дорогихъ гостей.
 Тяжело Марусѣ. — «Что-то съ чернобровымъ?
 Живъ ли онъ остался? Помнить ли меня?»
 И лилися часто въ садикъ вишневымъ

Со слезами пѣсни грустныя ея.
 Но не стало силы выносить кручину
 И Маруся въ Кіевъ дальній собралась.
 — «Тамъ узнаю правду про свою судьбину,
 Можетъ повидаясь, хоть въ послѣдній разъ».
 Помоги ей, Боже!..

Вотъ и Кіевъ стольный;
 Вотъ синѣютъ воды чистыя Днѣпра,
 И трезвонъ далеко слышенъ колокольный:
 Онъ гудитъ немолчно съ самаго утра.
 Что же это? Говоръ и толпа народа;
 Радостныя лица... всѣ кого-то ждуть!
 «Наши возвратились нынче изъ похода,
 А враги разбиты... Слышите: идутъ?»
 Вздрогнула Маруся, руки холодѣли,
 Сотворила тихо знаменье креста...
 — «Наши возвратились... Грицю! Неужели?»
 Шепчутъ черезъ силу блѣдныя уста.
 Ближе влечь народа, ближе топотъ конный,
 И предъ ней, въ сіяньи солнечныхъ лучей,
 Замелькали кони въ сбруѣ золоченой,
 Яркіе жупаны и рѣзьба мечей.
 Проѣзжаетъ войско стройными рядами
 И гремитъ въ народѣ радостный привѣтъ.
 Много есть тутъ хлопцевъ съ черными очами,
 Одного лишь Грици между ними нѣтъ!
 Разумъ у Маруси слово помутился.
 — «Не вернулся!.. Раненъ? Вдорогами взять?»
 Вдругъ надъ нею тихо кто-то наклонился,
 Смотритъ и узнала — другъ его Кондрать.
 — «Говори скорѣе? Живъ ли мой коханный?»
 Искра только глянулъ на нее въ упоръ!

— «Онъ давно въ Полтавѣ и помолвленъ съ Ганной!» —
 Произнесъ онъ мрачно, потушая взоръ.
 Замерла Маруся, подкосились ноги,
 Сердце охватило смертною тоской,
 И она упала тихо у дороги,
 Словно тополь юный, сломленный грозой.

III.

Не поправлять слезы счастья,
 Сердцу легче буде...

«Маруся Чурбай».

Июльское солнце ужъ близко къ закату,
 Спадаетъ палящій полуденный зной,
 Лучи золотые прокрасили въ хату
 И запахъ жасмина струится волной.
 Въ мечтахъ о минувшемъ забылась больная,
 Улыбкою горькой раскрылись уста.
 Ты-ль это, Маруся? Ты-ль это, родная?
 Куда же дѣвалась твоя красота?
 Гдѣ яркій румянецъ, гдѣ взоръ твой лучистый,
 Гдѣ звонкія пѣсни и смѣхъ серебристый?
 Въ тоскѣ и тревогѣ бессонныхъ ночей
 Угасли: и блескъ лучезарный очей,
 И свѣтлыя грѣзы... Темнѣе могилы
 Въ душѣ у Маруси... Вернулась домой,
 Въ свой городъ родимый, гдѣ ждетъ ее милый!
 Но ждетъ не одинъ — съ молодою женой!..
 О, лучше-бъ ей сгинуть тогда на чужбинѣ,
 Чѣмъ вянуть и сохнуть, какъ въ полѣ былинѣ,
 О, лучше-бъ ей было въ рѣчной глубинѣ
 Забыться навѣкъ въ заколдованномъ снѣ!

Ей вспомнились живо: глухое паденье,
 Холодная волна, Кондрать и спасенье...
 Спасли! Для того ли, чтобъ сердце разбить?
 А какъ онъ прощался! Какъ влялся любить
 Весь вѣкъ, до могилы... Своей чаровницей —
 Онъ звалъ ее часто — коханкой, царицей.
 О, еслибъ умѣла она чаровать!..
 И жгучія слезы струились опять
 Изъ глазъ на худыя, прозрачныя руки.
 Чтѣ съ нею? Ей чудятся странные звуки,
 Ей слышится топоть поспѣшный коня —
 Все ближе и ближе... шаги у плетня...
 Маруся привстала. Во вспыхнувшемъ взорѣ
 Свѣтились радость и жгучее горе.
 Но дверь отворилась — онъ снова предъ ней.
 — «Маруся, голубка!» — Все жгучѣй, нѣжнѣй
 Звучать его рѣчи. — «О, Грицю желанный,
 Покинулъ! За что же? Съ богатою Ганной
 Вѣнчаться ты будешь? Уйди же, уйди...
 Дай смерти мнѣ, Боже! Нѣтъ силы, нѣтъ мочи,
 Мой любый!..» А онъ, прижимая къ груди,
 Уста ей цѣлуетъ и ясныя очи,
 Твердя, что живетъ онъ лишь ею одной,
 Что Ганну не въ силахъ назвать онъ женой...
 — «Такъ любишь? Не винешь?»

— «Голубка, клянуса!»

И слезы струятся по блѣднымъ щекамъ,
 И, вся замирая, внимаетъ Маруся
 Чарующимъ сердце волшебнымъ рѣчамъ...

IV.

Ой, не ходы, Грицю,
Ты на вечерницю...

«Маруся Чурай».

У старосты въ домѣ идетъ вечерница,
Пустилися парни въ веселый гопакъ,
Играють бандуры, а дѣвичьи лица,
Монисты и ленты алѣютъ, что макъ...
Съ женой молодою явился и Грицю,
Да что-то не весель пригожий казакъ.
Онъ словно не видитъ красивой Ганнуси
И съ странною смѣсью тоски и стыда,
Какъ будто прикованъ, онъ смотритъ туда,
Гдѣ слышатся звонкія пѣсни Маруси.
Маруся на пирѣ?.. Смѣется, поеть!..
Забыла?.. И Грицю сомнѣнье беретъ.
А какъ хороша-то! Съ сіяющимъ взоромъ,
Съ улыбкой лукавой на алыхъ устахъ,
Съ вѣнкомъ изъ барвинка на черныхъ косахъ.
Все дышетъ въ ней страстью, весельемъ, задоромъ;
Безпечна, какъ пташка, рѣзва, какъ дитя, —
Лишь черныя брови нахмурить шута —
И паробки стануть угрюмѣ ночи,
А вновь засмѣется, заискрятся очи —
И словно весною повѣть на всѣхъ.
Толпа веругъ Маруси, и пѣсни, и смѣхъ.
Лишь Гриця молчитъ — недовольный, угрюмый.
Смѣются дивчины: — «Ишь, гордый, какъ пань!» —
А Гриця томится все тою же думой
Тяжелой... Узнала про черный обманъ,

Узнала, что, матери гордой въ угоду,
 За почесть и деньги онъ продалъ свободу,
 Что онъ изъ похода вернулся другимъ —
 Желаньемъ успѣха и славы томимъ,
 А Ганна—дочь пана, пригожа, богата...
 И мать убѣждаетъ... Но тутъ отъ Кондрата
 Онъ слышитъ: Маруся вернулась... больна,
 Какъ свѣчка угаснетъ, истаетъ она...
 И дрогнуло сердце. Онъ свидѣлся съ нею —
 И словно цвѣтокъ, освѣженный росой,
 Она ожила, разцвѣтая красой
 Еще лучезарнѣй, блестящѣй, пышнѣе.
 Но свадьба не медитъ, свершили обрядъ,
 Семь дней пировали у тестя подъ-рядъ...
 «А что-то съ Марусей? Не часть, бѣдняжка,
 Иль, можетъ, узнала, кручинится тяжко?
 Тоскуетъ и плачетъ по цѣлымъ часамъ?»
 Онъ думалъ, и нынѣ — не вѣрить глазамъ!
 Но вотъ раздалася въ кругу плясовая,
 Выходитъ Маруся,— на шеѣ сверкая
 Трепещетъ монисто... плечомъ повела...
 Слегка усмѣхнулась, и словно ожгла
 Очами... А пѣсня, какъ ласточка вьется,
 Чаруетъ и дразнитъ, такъ въ сердце и лется.
 «Зелененькій барвиночку, стелися низенько,
 А мой милый, чернобривый, подвинься близенько,
 Зелененькій барвиночку, стелися пониже,
 А мой милый, чернобривый, подвинься поближе».
 — Ой гърна дивчина! — гремѣло кругомъ.
 — Ой, лихо! Другую! — послышалось хоромъ.
 — «Другую?..» — Она загорѣвшимся взоромъ,
 Блеснувшимъ какимъ-то зловѣщимъ огнемъ,

Окинула Грицю. Усмѣшка змѣею
 Скользнула по въ мигъ поблѣднѣвшимъ губамъ;
 Она прикоснулась къ бандуры струнамъ
 И пѣснь понеслася могучей волною...

Не о томъ, какъ рано въ садикѣ вишневомъ
 Встрѣтилась дивчина съ парнемъ чернобровымъ,
 Не о томъ, какъ поздно съ красною дивчиной
 Разставался царень въ полѣ подъ калиной,—
 Пѣла имъ Маруся,— не о томъ, какъ очи
 Въ ожиданьи друга плачуть дни и ночи...
 Спѣла имъ Маруся пѣсенку другую:
 Про красу дивчину — чаровницу злую,
 Какъ она въ «недилку» зелье собирала,
 Въ понедѣльникъ рапо травы полоскала,
 Какъ она во вторникъ зелья заварила,
 Вечеромъ же въ среду Гриця отравила.
 «Не ходи, мой Грицю, ты на вечерницу,
 Не люби двухъ разомъ, чернобровый Грицю,
 Пусть же ты не будешь ни ея, ни мой,
 Доставайся, Грицю, лишь землѣ сырой».

И звенѣли струны, и рыдали звуки,
 Заливался голосъ звонкимъ соловьемъ,
 Въ немъ звенѣла горечь затаенной муки,
 Вмѣстѣ съ непонятнымъ, дивнымъ торжествомъ...

.....
 Расходились гости съ шумнаго веселья;
 На крыльцѣ Марусю Гриця ожидалъ.
 — «Цвѣтикъ мой махровый, солнце, ожерелье,
 Свидимся? Когда же?» — страстно онъ шепталъ.
 Звонко разсмѣялась дѣвка чаровница:

— «Аль съ женою скучно? Лучше погоди».
 — Безъ тебя свѣтъ Божій хуже чѣмъ темница.
 Говори, когда же? — «Въ среду приходи».

V.

Не радостный день занялся надъ Полтавой
 И пасмуренъ неба январьскаго сводъ.
 Съ утра въ ожиданьи толпится народъ:
 Назначенъ судьбою день казни кровавой
 Надъ той чаровницей, чтò злою отравой
 Невѣрнаго друга, шутя, извела,
 Чтò зелья лихого ему поднесла
 Средь пѣсенъ и плясокъ своей вечерницы.
 Томится Маруся подъ сводомъ темницы.
 Пыталися люди просить за нее,
 Но судъ не измѣнить рѣшенье свое.
 О бѣдной пѣвуньѣ кручинились втайнѣ
 И горько жалѣли въ родимой Украинѣ.
 Не пѣть ужъ Марусѣ! Сомкнутся уста,
 Увы, гробовая прикроетъ плита
 Тѣ очи, чтò прежде такъ чудно сіали,
 Тò сердце, чтò люди такъ много терзали...
 Прости же ей, грѣшной, о Боже!..

...Среди

Залитой толпою большой площади
 Видны очертанья зловѣщія плахи.
 Палачъ ожидаетъ. Въ смятеньи и страхѣ
 Крестятся старухи... Всѣ стихли и ждутъ.
 Чуть слышно въ толпѣ пронеслося: «Ведутъ!»
 И все разступилось... «Маруся! Она ли?»

Босая... съ зажженной свѣчею въ рукахъ!
 Съ мольбой въ исхудалыхъ, безкровныхъ чертахъ,
 Съ блуждающимъ взоромъ? — въ толпѣ зашептали.
 На страшный помостъ поднялася она —
 И вдругъ отшатнулась, съ тоскою во взглядѣ.
 Глухой, раздирающій крикъ о пощадѣ
 Заставилъ всѣхъ дрогнуть... Минута одна —
 И казнь совершится... Но вотъ въ отдаленнѣ
 Послышался топотъ послѣдннхъ копытъ...
 Измученный всадникъ. Онъ вихремъ летитъ,
 Онъ машетъ бумагой! Спасенье! спасенье!
 Кондрать подскакалъ. Богатырское: «Стой!»
 Гремить надъ мгновенно затихшей толпой.
 — «Отъ гетмана прямо! Читайте бумагу!»
 И ясно послышался голосъ чтеца:
 «Цѣня всѣ услуги странѣ и отвагу
 Матея Чурая, чѣдъ смертью бойца
 Погибъ на чужбинѣ, — во имя отца
 Мы дочери нынѣ даруемъ прощенье».
 Всѣ слушали молча, не смѣядохнуть,
 Но чтеніе смолело, и вздохъ облегченья
 Приподнялъ толпы богатырскую грудь.
 — «Да здравствуетъ гетманъ!» — кругомъ прозвучало
 И только Маруся одна не слыхала
 Восторженныхъ кликовъ: блѣднѣй полотна,
 На доски помоста склонилась она.

На сѣверѣ мрачномъ, на дальней чужбинѣ
 Скончалась Маруся чрезъ годъ — инокиней...
 И прахъ ея въ чуждой сторонкѣ зарытъ.
 Надъ дерномъ могилы, чѣдъ солнце палитъ —
 Не вѣетъ калина густыми вѣтвями,

Надъ ней соловейко не плачетъ ночами,
И съ вѣтромъ долины не шепчетъ ковыль
Про старыя годы, про грустную бль...

1887 г.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

(Зылина).

Недавній гуль сраженій смѣнили празднества;
Ликуя, веселится престольная Москва

И чувствуетъ героя, который, ополчася,
Въ тяжелую годину страну родную спасъ;

Предъ кѣмъ благоговѣла вся русская земля,
Когда вступалъ онъ въ стѣны священный Кремля

Съ побѣдой, окруженный дружиной удалцовъ,
И въ честь его гудѣли всѣ «сорокъ сороковъ»,

И всѣ уста слилися въ восторженный привѣтъ:
— Хвала тому и слава на много, много лѣтъ,

Кто Русь отъ Самозванца и ляховъ защитилъ:
Да здравствуетъ вовѣки князь Скопинъ Михаилъ!

Тебѣ, кто былъ престола російскаго щитомъ —
За подвигъ избавленья отчизна бьетъ челомъ.

И межъ толпы народа, въ блистающей бронѣ,
Князь Скопинъ тихо ѣхалъ на ратномъ скакунѣ,

И сердце ликовало въ груди богатыря,
И ликъ его былъ свѣтель, какъ ясная заря.

Самъ царь его съ почетомъ встрѣчаетъ у палатъ
И мраченъ лишь Дмитрій — царя Василья братъ.

Что день — то въ честь героя пиры и празднества,
На славу веселится престольная Москва.

Въ палатѣ Воротынскихъ крестинный пиръ горой:
Съ вечерни льются вина заморскія рѣкой.

Въ палатѣ золоченой, подъ звонъ веселый чаръ,
Побѣды воспѣваетъ недавнія гусларъ.

Онъ славить Михаила — Руси богатыря,
Избранника народа, избранника царя.

Внимаетъ пѣснопѣнью бояръ маститыхъ рядъ,
У юношей же щоры отвагою горять.

Но, чувствуемый всѣми, невеселъ Михаилъ,
Сидитъ онъ за трапезой задумчивъ и унылъ.

И нѣтъ у князя прежнихъ чарующихъ рѣчей,
Улыбка не сіяетъ изъ голубыхъ очей.

Печалью отуманивъ прекрасное чело,
Въ душѣ его глубоко предчувствіе легло...

Онъ чувствуетъ, что недаромъ, лукавствомъ одержимъ,
Къ царю ходилъ Дмитрій съ извѣтомъ воровскимъ.

Хоть царь Василій въ гнѣвѣ не внялъ его словамъ,
Но Дмитрій не прощаетъ и мститъ умѣетъ самъ.

Во взорѣ дяди злобною читаетъ онъ вражду,
И этотъ взоръ невольно сулитъ ему бѣду...

Но туча набѣжала и вновь умчится въ даль,
И молодца недолго преслѣдуетъ печаль.

— На все Господня воля! — рѣшилъ, подумавъ, князь,
И снова онъ внимаетъ пѣвцу, развеселся.

И снова, ликомъ свѣтелъ, внимаетъ звону чаръ,
Веселью молодежи, рѣчамъ сѣдыхъ бояръ.

Но вотъ въ уборѣ, шитомъ каменіемъ цвѣтнымъ,
Кума къ нему подходитъ съ подносомъ золотымъ;

Ему подноситъ чару заморскаго вина
Княгиня Катерина, Дмитрія жена.

Изъ рукъ ея съ поклономъ взялъ чашу Михаилъ,
И всѣхъ улыбкой ясной, какъ солнце, озарилъ:

— Бояре! я за вѣру, за родину свою,
За здравье государя всея Руси пью! —

Воскликнулъ онъ, и кубокъ задравный осушилъ,
И кliegъ единодушный ему отвѣтомъ былъ.

Но что же съ Михайломъ? Отрава? Злой недугъ?..
Скользить тяжелый кубокъ изъ ослабѣвшихъ рукъ,

И блѣдность разлилася смертельная въ чертахъ,
И пѣна проступаетъ на сомнѣнутыхъ устахъ...

Какъ юный дубъ могучій, подкошенный грозой —
Онъ падаетъ на землю средь гридницы князей.

Съ утра толпа народа спѣшитъ со всѣхъ концовъ,
Съ утра гудятъ уныло всѣ «сорокъ сороковъ».

Какъ мать, лилася сына, какъ горькая вдова —
Оплакиваетъ слезно престольная Москва

Того, кто столь недавно былъ вѣрнымъ ей питомъ,
Кого она съ великимъ встрѣчала торжествомъ.

Зане — по волѣ Божьей, во цвѣтѣ юныхъ силъ —
Почилъ ея защитникъ, князь Скопинъ Михайлъ!

1887 г.

НОВГОРОДЪ.

Великій Новгородъ! Тебя ли предъ собой
Я вижу, съ навсегда понижею главой?
Ты-ль это, исполинъ, когда-то величавый,
Гремѣвшій далеко богатствами и славой —
Стоишь развѣнчанный? И храмы лишь одни
Напоминаютъ намъ твои былые дни!

Святая Сѡфія! отъ этихъ гордыхъ словъ
 Какъ бились радостно сердца твоихъ сыновъ!
 А мы, внимая имъ съ улыбкой сожалѣнья,
 Читаемъ лишь однѣ страницы разрушенья
 Когда-то гордыхъ стѣнъ и башенъ боевыхъ —
 Величья прежняго свидѣтелей нѣмыхъ...

Да, грозенъ былъ, кровавъ печальный твой конецъ,
 Разрозненныхъ славянъ надежда и боець;
 Не могъ ты отстоять наслѣдье Ярослава,
 Померкнула въ бояхъ испытанная слава,
 Ты ихъ не пережилъ, замолкъ... и навсегда
 Затмилась вольности блестящая звѣзда!

Замолкнулъ громкій звонъ на башнѣ вѣчевой,
 Народа гордый вличъ не слышенъ боевой, —
 И молча ты стоишь, какъ памятникъ унылый,
 Надъ этой славною безвременной могилой.
 И только Волховъ, твой старѣйшій, лучший сынъ,
 Къ тебѣ по-прежнему ласкается одинъ...

1884 г.

ПАМЯТИ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА.

Какъ въ «оны дни», когда явился въ міръ Спаситель,
 Неся съ собой завѣтъ прощенья и любви, —
 Толпой былъ осужденъ Божественный Учитель
 На казнь, какъ воръ, убійца иль грабитель,
 И, обагренная въ святой Его крови,
 Слѣпая чернь, глумясь, влекла Его на муки —

Такъ на тебя, нашъ Царь, поднять дерзнула руки
 Орда безумная свирѣпыхъ палачей...
 Тебѣ, кто даровалъ и милость и свободу
 Закрѣпощенному, безправному народу,
 Кто властію державною своей
 Славянъ освободилъ отъ вѣковыхъ цѣпей, —
 Тебя, котораго, волненіемъ объятыхъ,
 Склоненнымъ видѣли надъ раненымъ солдатомъ.
 Тебя — великаго и кроткаго Царя,
 Кого вся Русь, любовію горя,
 Звала не иначе какъ: Царь-Освободитель —
 Мы, близорукіе, увы, не сберегли!
 И — жертвой за грѣхи своей родной земли
 Ты палъ, великій Искушитель...

Въ тотъ чудный день, когда въ твоёмъ первопрестольномъ,
 Старинномъ городѣ, при звонѣ колокольномъ
 Привѣтствовалъ тебя единомушный кликъ
 Народа твоего, что сталъ отнынѣ вольнымъ —
 Какъ свѣтель былъ твой благородный ликъ!
 Какъ многіе вокругъ отъ счастья рыдали!
 И матери, пришедшія съ дѣтьми,
 Ихъ на рукахъ своихъ высоко поднимали,
 Чтобъ и они Царя того благословляли,
 Кто сдѣлалъ ихъ, рабовъ, свободными людьми!..

Въ другой великій день, когда, побѣдоносный,
 Предпринялъ ты свою крестовую войну,
 Вступивъ среди дружинъ, какъ воинъ вѣнценосный,
 Въ освобожденную славянскую страну, —
 Въ тотъ день, когда въ церквахъ ея опустошенныхъ
 Воздвиглася опять святыня алтаря,

И тысячи людей, отъ гибели спасенныхъ,
 Моленья вознесли за русскаго Царя, —
 Ты снова счастливъ былъ, и облако печали
     Исчезло съ кроткаго лица,
 И не предвидѣлъ ты тогда въ грядущей дали
 Грозящаго тебѣ ужаснаго конца!..

Увы, нашъ кроткій Царь! До твоего престола,
 Съ котораго не разъ виновныхъ ты прощаль,
 Ползкомъ добралася злодѣйская крамола

    И скорби часть, позора часть — насталь!
 О, Русь! Не смоешь ты кровавыми слезами
 Сознанье жгучее позора своего, —
 Намъ въ душу врѣзалось глубокими чертами
 Оно, и въ немъ — враговъ отчизны торжество...
 Прости же намъ, нашъ Мученикъ Державный,
 Что, увлекаяся игрой страстей безславной,
 Забыли мы завѣтъ священнѣйшій отцовъ:
 Нашъ долгъ святой и честь, къ отечеству любовь!
 Что, въ сердцѣ загасивъ свѣтильникъ чистой вѣры,
 Добро мы различить не въ силахъ ото зла,
 Что беззаконіямъ свершеннымъ нѣту мѣры
     И нѣтъ числа...

О, Царь! Въ сознанья часть, изъ глубины могильной
 Намъ помощи свернуть съ неправаго пути,
 И Божій гнѣвъ — правдивый и всесильный
     Молитвою твоей любвеобильной
 Отъ насъ, заблудшихъ, отврати!..

1887 г.

ПАМЯТИ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

(Пятилѣтняя годовщина).

Какъ свѣтлый лучъ, какъ метеоръ блестящій,
 Ты промелькнулъ во мракѣ нашихъ дней,
 Блеснувъ на мигъ звѣздой путеводящей —
 И стала тьма съ тѣхъ поръ еще мрачнѣй...
 Судьба тебя не много баловала,
 Ты дорого купилъ ея привѣтъ,
 И клеветы и ненависти жало
 Всю жизнь тебѣ нещадно отравляло
 Всѣ радости, все торжество побѣдъ.

И тѣ, кто связь порвалъ съ своимъ народомъ,
 Кто жилъ, далекъ отъ мысли и труда,
 Склоняясь предъ чиномъ иль доходомъ —
 Вся честолюбцевъ праздная орда —
 Съ нахальнымъ лбомъ и совѣстью продажной,
 Тебя давно травила не щадя,
 Смѣясь твоей энергіи отважной
 И подвигамъ народнаго вождя.

Но не для нихъ, всѣ силы напрягая,
 Ты къ цѣлямъ шель завѣтнымъ, дорогимъ,
 И, русскій стягъ высоко поднимая,
 Душой служилъ ты родинѣ — не имъ!
 Ты дорогъ былъ не въ княжеской палатѣ,
 Средь шумнаго веселья и пировъ —
 Ты былъ своимъ въ простой, мужицкой хатѣ,
 Въ кругу солдатъ, у лагерныхъ востровъ.

Ты зналъ ихъ міръ, ихъ скорби и печали,
 Къ тебѣ они съ своей бѣдою шли
 И въ смертный часъ тебя благословляли.
 Они молву о «бѣломъ генералѣ»
 Несли во всѣ концы родной земли.

Народа гласъ — правдивый и могучій—
 Призналъ въ тебѣ Руси богатыря,
 Оплотъ ея въ часъ горя неминуцій...
 Среди небесъ, покрытыхъ черной тучей,
 Ты намъ сіялъ, какъ ясная заря.

Но ты угасъ... Жестоко Божья кара
 Постигла Русь, и дрогнула она
 Отъ страшнаго, неожиданнаго удара,
 До глубины души потрясена.
 И словно смерть боялася героя
 Не одолѣть въ открытой съ нимъ борьбѣ —
 Она пришла не въ упоеньи боя:
 Безжалостно въ часъ мира и покоя
 Она, какъ тать, подкралася къ тебѣ.

И въ первый мигъ, испуганы, объаты
 Глубокою печалью и тоской,
 Поражены громадностью утраты,
 Клялися мы завѣтъ исполнить твой.
 Но годы шли... и, лаврами повитый,
 Ты спишь, герой, своимъ послѣднимъ сномъ,
 Повеяся въ могилѣ позабытой,
 А влвета со злобой ядовитой
 Шипятъ вокругъ въ усердіи слѣпомъ.

Ужели все такъ скоро позабыто:
 И подвиги, и славныя дѣла?
 Но гдѣ друзья, съ ихъ пылкою защитой?
 Ужель въ твоей могилѣ знаменитой
 Тропа быльемъ навѣки поросла?

Но часъ придетъ — и въ грохотѣ сраженій,
 Въ чаду борьбы, подѣ огненнымъ дождемъ
 Мы вспомнимъ вновь, могучій русскій геній,
 Объ имени прославленномъ твоёмъ;
 Измученныхъ на подвигъ призывая,
 Какъ молнія — по дрогнувшимъ рядамъ —
 Оно, сердца солдатъ воспламеняя
 Промчится вновь отъ края и до края,
 На страхъ Руси недремлющимъ врагамъ!

1884 г.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНѢ СМЕРТИ А. С. ПУШКИНА.

— Не стало Пушкина!

Давно, какъ гулъ набата,
 Вѣсть эта пронеслась, но, словно въ первый день,
 Такой же свѣжею намъ кажется утрата
 Незамѣнимая, и чтится такъ же свято
 Твоя страдальческая тѣнь...

Полвѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ ты кровавой
 Окончилъ смертію великую борьбу,
 И юноша поэтъ возсталъ для мести правой

И сонмъ враговъ твоихъ — безстыдный и лукавый —
Стихомъ онъ пригвоздилъ къ позорному столбу.

Напрасно въ слѣпотѣ упорной
И лжеучители, и грубая толпа
Надъ гениемъ твоимъ глумилися позорно,
Пытаясь «памятникъ» разбить «нерукотворный», —
Къ нему не заросла «народная тропа».

Безслѣдно смолкъ ихъ крикъ назойливый и бурный;
Какъ осенью желтѣеть листь,
Такъ поблѣднѣлъ ихъ ореолъ мишурный, —
А твой вѣнокъ пѣвца прекрасенъ и душистъ...
Разсѣялся туманъ и вновь очамъ прозрѣвшимъ
Явился образъ твой въ сіяющихъ чертахъ,
Зажглись свѣтильники во храмѣ опустѣвшемъ,
И снова хоръ святой звучить въ его стѣнахъ.

Твой всеобъемлющій и чисто русскій геній
Своеобразенъ и великъ,
Какъ Русь сама! Пророкъ трехъ нашихъ поколѣній,
Ты мысль народную и самый нашъ языкъ
Освободилъ отъ вѣковаго гнета,
Ты вликнулъ влечь — и началась работа,
И пѣсней, полною непобѣдимыхъ силъ,
Ты Русь, какъ спящую царевну, разбудилъ!

Та пѣснь, гармоніи исполненная дивной,
Пусть намъ звучить, какъ вѣщая струна,
Какъ благовѣсть, какъ «гласъ вождя призывный»
Смѣла, правдива и сильна.

1887 г.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ КОНЧИНЫ А. С. ПУШКИНА.

Шесть лѣтъ назадъ, средь грома ликованій,
Открылся намъ твой памятникъ, поэтъ!
Казалось, въ восторгѣ упованій,
Что послѣ дней всеобщихъ ожиданій
Блеснетъ изъ мглы давно желанный свѣтъ.

И онъ блеснулъ! Съ тѣхъ поръ иная эра
Для русскаго искусства началась,
Воскресли вновь: поэзія и вѣра,
Борьба враждебныхъ партій улеглась...

Твой духъ, поэтъ, какъ свѣтлый ангелъ мира
Явился намъ — какъ животворный лучъ;
Родную Русь твоя воспѣла лира
И звукъ ея безсмертенъ и могучъ.

Въ немъ все слилось: и смѣлый крикъ титана,
И новый міръ, и грезы старины,
Русалки пѣснь и жалобы Татьяны,
Могучій взмахъ богатыря Руслана
И юности заманчивые сны...

Въ немъ — ширина степей необозримыхъ,
Небесъ родныхъ сіяющій просторъ,
Кипѣнье силъ души несокрушимыхъ,
Добру и злу правдивый приговоръ!

Сегодня — день печальной годовщины;
И въ хижинѣ и въ княжескомъ дворцѣ

Да будетъ онъ — днемъ скорби и кручины
 Поминками по дорогомъ пѣвцѣ!

Безжалостно, нахально оскорбленный,
 Преслѣдуемъ клеветниковъ толпой —
 Ты палъ, убить — злодѣйски умерщвленный
 Бреттера свѣтскаго рукой...

Шутъ пролилъ кровь священную поэта,
 Она горитъ — но не на немъ одномъ:
 На лицахъ всѣхъ ледовъ большого свѣта,
 Кѣмъ ссора ихъ — искусно разогрѣта —
 Зловѣщимъ вспыхнула огнемъ...

Ты палъ, поэтъ! но творческое слово
 Твое живить всѣ лучшія сердца,
 Оно — символъ всего намъ дорогаго,
 И Русь всегда отделивуться готова
 На звукъ рѣчей народнаго пѣвца!

1887 г.

НА МОТИВЫ

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ

НЕАПОЛИТАНСКАЯ ПѢСНЯ.

Я, гуляя въ часъ заката
У залива между скаль —
(Непонятная утрата!)
Сердце какъ-то потерялъ...

Къ морякамъ въ моей печали
Приходилъ съ вопросомъ я,
И они мнѣ отвѣчали,
Что вчера его видали
У тебя, краса моя.

Такъ не будь же безразсудна
И признай мои права,
Мнѣ прожить безъ сердца трудно,
А тебѣ къ чему же два?

Знаешь, Нипа, перемѣну
Предложилъ бы я тебѣ:
Мнѣ свое отдай въ замѣну,
А мое — оставь себѣ!

1887 г.

СЪ ВОСТОЧНАГО.

Въ чанъ съ желѣзомъ раскаленнымъ
Дождевая капля пала —
И чрезъ мигъ ея не стало.

На цвѣтокъ въ саду зеленомъ
Павъ росинкою — другая
Въ немъ заискрилась сіяя,
Словно жемчугъ драгоцѣнный.

Третья въ часъ благословенный
На морское дно упала —
И жемчужиною стала.

1888 г.

ОТКЛИКЪ.

(На мотивъ изъ С. Прюдома).

Въ часы унынія, когда порой такъ страстно
Ты жаждешь теплаго пожатія руки,
Межъ тѣмъ какъ всѣ въ толпѣ знакомыхъ безучастной,
Всѣ кажутся тебѣ такъ страшно далеки, —
И одиночество больное сердце гложетъ
Средь окружающихъ, чужихъ тебѣ людей —
Повѣрь, что даръ пѣвца ужъ приобрѣлъ, быть можетъ,
Тебѣ невѣдомыхъ, но искреннихъ друзей.

Повѣрь, не замерли безслѣдно эти звуки,
Но отклики встрѣтили въ сочувственныхъ сердцахъ,

Затѣмъ, что ихъ борьбу, ихъ радости, ихъ муки
 Съумѣлъ ты передать, излить въ своихъ стихахъ.
 Порою стихъ одинъ, одно живое слово,
 На раны старыя пролившись, какъ бальзамъ —
 Отъ равнодушія спасаетъ напусенного,
 И волю вновь даетъ мечтаніямъ былого
 И облегчающимъ слезамъ.

Порой тѣ образы, что смутно и туманно
 Являлись имъ — ты въ плоть и кровь съумѣлъ облечь,
 И къ цѣли, многими давно уже избранной
 Была проводникомъ твоя живая рѣчь!

Вотъ къ этимъ-то друзьямъ — невѣдомымъ, далекимъ,
 Которымъ все же ты и близкій и родной,
 Ты, чувствуя себя порою одинокимъ,
 На мигъ перенесись отрадною мечтой.
 И вѣрь, что если ты, смертельно пораженный,
 Падешь когда нибудь въ предпринятой борьбѣ —
 Не здѣсь, но тамъ, въ глуши безвѣстной, отдаленной
 Съ любовью вспомнятъ о тебѣ!

1887 г.

ЭМИРЪ И ЕГО КОНЬ.

(Баллада).

Истекавшаго кровью изъ множества ранъ,
 Пораженнаго тѣжко мечемъ христіанъ —
 Уносили мориски эмира;
 Сотни разъ онъ у Эбро крутыхъ береговъ

Поражалъ безошадно ислама враговъ
И сверкала героя сѣкира.

За своимъ господиномъ шелъ конь боевой,
Конь любимый, съ опущенной внизъ головой,—
Эль-Моранъ, жеребецъ бѣлоснѣжный;
Сотни разъ онъ носилъ господина въ бояхъ
Въ грозныхъ битвахъ на Эбро крутыхъ берегахъ
И отъ смерти спасалъ неизбѣжной.

Изъ воротъ тихо вышла эмира жена
И, супруга узнавъ, зарыдала она
Отъ судьбы рокового удара;
Обвивая любимаго мужа рукой:
«О, спасите его!» — съ безпредѣльной тоской
Воскликала въ слезахъ Гюльнагара.

Врачъ сѣдой, выступая, промолвилъ тогда:
«Со врагами не биться ему никогда,
Глубокой нанесенныя раны,
Если-жъ ты исцѣленья желаешь ему,
То совѣту послѣдуй теперь моему:
И доспѣхи, и мечъ его бранный, —

Все, что тѣшило взоры лихого бойца,
Убери изъ покоевъ роскошныхъ дворца.
И, забывъ о любимой забавѣ,
Пусть эмиръ ничего не увидитъ кругомъ,
Что напомнить невольно могло-бъ о быломъ,
О величьи прошедшемъ и славѣ...

Удали, госпожа, навсегда изъ дворцовъ
Воспѣвавшихъ его благородныхъ пѣвцовъ,

Удали — чтобы ихъ пѣснопѣнья
 Не звучали, какъ славы могучей призывъ,
 Позабитыя чувства въ душѣ пробудивъ
 И минувшихъ побѣдъ упоенье.

А затѣмъ господину ты въ чашу налей
 Этихъ капель волшебныхъ, что силой своей
 Поселяютъ навѣки забвенье,
 Все, что такъ волновало и мучило насъ:
 Часъ восторга и скорбный страданія часъ —
 Мы въ одно позабудемъ мгновенье».

И, наливъ ему капель волшебныхъ, жена
 Удалилась туда, гдѣ царить тишина,
 Гдѣ цвѣтеть неизмѣнное лѣто,
 Успокоивъ больного подъ сѣнью деревь,
 Посреди ароматныхъ весеннихъ цвѣтовъ,
 Далеко отъ людей и отъ свѣта.

Оправлялся онъ долго отъ тягостныхъ ранъ.
 Два раза, изъ чужихъ появляясь странъ,
 Приходила весна молодая,
 И когда въ третій разъ появилась весна —
 Старика на лугу увидала она,
 Что бродилъ, межъ цвѣтовъ отдыхая.

Это былъ — столь могучій когда-то эмиръ!
 И рука, въ дни былые пугавшая міръ, —
 Полевыми играла цвѣтами,
 И глаза, что сверкали побѣднымъ огнемъ, —
 Засвѣтились подъ сада зеленымъ шатромъ,
 Гдѣ деревья сплелись вѣтвями.

Съ нимъ была и жена. «Отвѣчай, мой супругъ,
Ты здоровъ? Миновалъ ли тяжелый недугъ?»
Вопрошала красавица нѣжно. —
«Что съ тобою, скажи?» — Я вполне исцѣленъ,
Но чего-то ищу... — тихо вымолвилъ онъ
И поникъ головой безнадежно.

«Отчего, мой супругъ, такъ печалишься ты?»
— Я не знаю... порой, погружаясь въ мечты,
Я не въ силахъ припомнить чего-то...
Это чувство я въ сердцѣ лелѣялъ моемъ,
Но исчезло оно и, тоскуя по немъ,
Я страдаю теперь безъ отчета. —

Такъ сидѣлъ онъ однажды подъ сѣнью деревъ,
Посреди ароматныхъ цвѣтущихъ луговъ,
Со своей Гюльнагарою рядомъ.
Но внезапно, какъ будто стрѣлой пораженъ,
Внѣ себя и блѣднѣя приподнялся онъ
И вскочилъ, съ загорѣвшимся взглядомъ.

«Что за шумъ непонятный мнѣ слышится тамъ?»
Онъ воскликнулъ, дрожа и въ высокимвъ стѣнамъ
Простирая въ волненіи руки.
Издали, словно моря шумящій приливъ,
Какъ трубы боевой громогласный призывъ —
Доносились какіе-то звуки...

И промчались они, по степи разносясь.
Трижды громко звучалъ призывающій гласъ,
Нарушая собою молчанье,
И воскликнулъ эмиръ: «Осѣдлайте коня,

Дайте мечъ, Эль-Моранъ призываетъ меня,
 Это онъ, я узналъ его ржанье!..»

Тутъ глубокія раны раскрылися вновь,
 Заструилась изъ нихъ благородная кровь,
 И, прощаясь съ рыдавшей женою:
 «Дорогая, не плачь», онъ съ улыбкой шепталъ,
 «Я нашелъ, что, казалось, навѣкъ потерялъ,
 И теперь воскресаю душою...»

1886 г.

ВЪ ТЕАТРѢ.

(На мотивъ изъ Ф. Коппѣ).

Оркестра громъ смѣнился тишиной;
 Здѣсь «tout Paris» всѣхъ первыхъ представленій:
 Аристократъ и современный геній —
 Тузъ-финансистъ, съ красавицей женой,
 Jeunesse dorée, «блистательныя дамы»,
 Крикунъ поэтъ и желчный журналистъ, —
 Всѣ налицо, въ рукахъ ихъ — участь драмы.
 Но автору теперь не страшень свистъ
 И приговоръ суда ихъ непреложный:
 Давно въ борьбѣ, мучительно тревожной,
 Онъ палъ — и спитъ глубокимъ, вѣчнымъ сномъ.
 (Тѣмъ лучше: къ мертвымъ зависть невозможна
 И пьесу ждетъ сочувственный приемъ...)

О. ЧУМИНА-МЕХАЙЛОВА.

8

Начался актъ, и въ тишинѣ глубокой
 Раздались ясно первыя слова.
 Среди ночей, въ мансардѣ одинокой
 Онъ ихъ писалъ... пылала голова,
 Въ душѣ его горѣлъ огонь священный
 Поэзіи, волною вдохновенной
 Лились стихи, и, словно сбросивъ гнетъ,
 Рвалася мысль настойчиво впередъ.
 Казалось, что стѣна мансарды тѣсной
 Раздвинулась... и міръ иной, чудесный
 Воскресъ предъ нимъ: сраженья... звонъ мечей,
 Побѣдный кличъ, восторгъ толпы народной
 И форумъ... гулъ ораторскихъ рѣчей...
 Вотъ славный вождь, вѣнчанный всенародно...
 Красавицъ рой, цвѣты, роскошный пиръ...
 Борьба рабовъ и звонъ веселый лиръ...
 Весь древній Римъ, въ величіи суровомъ,
 Возсталъ предъ нимъ, какъ мощный исполнительъ:
 Бѣднякъ-поэтъ, теперь онъ — властелинъ,
 Богатъ, могучъ... Своимъ волшебнымъ словомъ
 Онъ вдругъ призвалъ изъ глубины вѣковъ
 Забытый міръ героевъ и рабовъ...
 Въ чаду надеждъ и радужныхъ мечтаній
 Онъ счастливъ; да, онъ вѣритъ въ свой успѣхъ!..
 А завтра — вновь безплодный рядъ скитаній,
 Отказовъ рядъ, и часто — грубый смѣхъ...
 . . . . .

Успѣхъ насталъ — громадный, «небывалый»!
 Журнальный міръ, beau-monde и полу-свѣтъ
 Увлечены..., конца восторгамъ нѣтъ.
 (Хвалебный хоръ, немного запоздалый!)

И, право, жаль, что глухъ къ нему поэтъ,
 Что онъ борьбы не вынесъ малодушно,
 Угасъ, судьбу и свой талантъ вляня —
 Тогда какъ могъ, голодный, благодушно
 Дожить легко до радостнаго дня...

1885 г.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

(На мотивъ изъ А. Додэ).

На выставку спѣша, весь поглощенъ
 Стремленіемъ къ общественному благу,
 Летѣлъ префектъ, парадно облеченъ
 Въ мундиръ и шарфъ; не замедляя шагу
 Неслися вѣны. Прогоняя сонъ,
 Онъ разложилъ передъ собой бумагу,
 И, упоенный сладостью труда,
 Въ мигъ начерталь:—«Привѣтъ мой, господа!»

Но дальше что? Подъ знойными лучами
 Изякъ, увы, блестящихъ фразъ потокъ!
 Сановникъ хмурился и пожималъ плечами,
 Но продолжать онъ рѣчь свою не могъ.
 А лѣсъ манилъ зелеными вѣтвями,
 Въ травѣ журчалъ такъ сладко ручеекъ —
 И вдругъ, его подавнись краснорѣчью,
 Пошелъ префектъ туда съ своею рѣчью.

Въ лѣсу, блестя, кружились мотыльки,
 Благоухали вѣтви дикой сливы...

Но онъ вошелъ — и стихли ручейки,
 Замолки пташекъ пѣвчихъ переливы,
 Цвѣты тотчасъ свернули лепестки —
 (Сановникъ былъ невиданное диво
 Средь нихъ), и всѣхъ смутилъ вопросъ одинъ:
 Кто-бъ могъ быть этотъ важный господинъ?

Въ тѣни дубковъ, гдѣ было такъ прохладно,
 Улегся онъ, доставъ свой бѣлый листъ
 (И разстегнувъ слегка мундиръ парадный).
 Малиновка шепнула: «Онъ артистъ!»
 — Скорѣе принцъ, вѣдь онъ такой нарядный;—
 Рѣшилъ снигирь, издавъ чуть слышный свистъ,
 И, не сходяся никогда во мнѣнья, —
 Между собой они вступили въ пренья...

— «Ничуть не принцъ, онъ только нашъ префектъ»,
 Вдругъ произнесъ тутъ соловей бывалый,
 И рѣчь его произвела эффектъ.
 — Но онъ не золь? — со страхомъ прошептала
 Фиалка. — «Нѣтъ, прекраснѣйшій субъектъ!»
 И успокоясь, словно не бывало
 Его межъ нихъ, раскрылись вновь цвѣты,
 И птичекъ хоръ раздался съ высоты.

Стремяся трудъ свершить оффиціальнй,
 Префектъ съ пафосомъ началъ: — «Господа!»
 Но тотчасъ смѣхъ раздался музыкальный,
 И, обернувшись, онъ узрѣлъ дрозда,
 Чтò на вѣтвяхъ качаяся нахально,
 Кричалъ ему со смѣхомъ: — Ерунда!

— «Какъ ерунда?» воскликнулъ тотъ со страхомъ,
Прогнавъ дрозда руки сердитымъ взмахомъ.

Но, вотъ, цвѣты изъ травки изумрудной
Манять его, вивая головой,
И пѣнье птицъ волной несется чудной,
И сводъ небесъ блистаетъ синевою;
Мѣшать ему исполнить подвигъ трудный
Здѣсь стоворилось все между собой,
И — ароматомъ рощи опьяненный,
Онъ позабылъ въ отчизнѣ долгъ законный.

О, муза выставоѣ, на этотъ разъ
Тебѣ уйдти приходится съ позоромъ!
Когда въ лѣсу явился черезъ часъ
Слуга — своимъ онъ не повѣрилъ взорамъ:
Префектъ лежалъ, небрежно развалясь,
И, недоступный совѣсти уворамъ,
Онъ (да простить ему Господь грѣхи),
Онъ сочинялъ... любовные стихи!..

1885 г.

РОДИНЪ.

(Съ малороссійскаго).

О, моя родина, нѣжно любимая,
Край незабвенный, Украина родимая!
Родина милая, чудная, дальняя,
Родина столь горделиво-печальная,

Много ужъ лѣтъ я страдаю душой
Въ долгой, невольной разлукѣ съ тобой.

Много ужъ лѣтъ твои пѣсни сердечныя
Мнѣ навѣваютъ мечты безконечныя!
Сердце невольно въ груди надрывается,
Сердце невольно къ тебѣ норывается,
Тщетны желанья, напрасны мольбы —
Счастья не вымолить мнѣ у судьбы.

Много ужъ лѣтъ мои думы глубокия
Рвутся съ любовью на степи широкія,
Вольною птицей подъ Кіевомъ носятся,
Слезы наружу горячія просятся...
Дѣтскіе годы, отеческій кровь —
Все предо мною является вновь.

Вижу я: домикъ подъ крышей тесовою,
Дворъ, весь поросшій травою шелквою,
Хлѣбное поле далеко теряется,
Плодь золотистый въ саду наливается,
Клонятся вѣтви фруктовыхъ дерѣвъ,
Въ воздухѣ слышится пѣснь соловьевъ.

Все вижу я, все въ душѣ сохранилося,
Чудное время прошло — не забылося;
Игры привольныя, ласки любимыя
Въ памяти свято, глубоко хранимыя —
Вы далеко... но минуютъ года,
Я не забуду о васъ никогда.

О, незабвенная, о, ненаглядная!
Душу терзаетъ мнѣ мысль безотрадная,

Краской невольно лицо покрывается,
 Сердце бесплодно въ груди надрывается...
 Вырось твой сынъ отъ тебя вдалебъ —
 Шлетъ свой привѣтъ на чужомъ языкѣ...

1884 г.

ИСПОВѢДЬ.

(На мотивъ изъ Шпильгагена).

Часъ насталь навсегда отдохнуть отъ заботъ,
 Отъ борьбы и вседневной тревоги,
 Скоро съ жизнью я кончу печальный расчетъ, —
 Подвести лишь осталось итоги.

Чей же это немолчный, язвительный смѣхъ
 Мнѣ зловѣщимъ звучитъ приговоромъ?
 Тѣ, что мой воспѣвали когда-то успѣхъ,
 Изрекають проклятiя хоромъ...

О, безумный! Мечталъ я низвергнуть оплотъ
 Произвола, неправды, насилья,
 Прямо къ солнцу направить могучiй полетъ, —
 Но мои надломилися крылья.

Какъ стрѣлой пораженный внезапно орель,
 Съ высоты я спустился лазурной
 Въ бездну горькихъ страданiй, безчисленныхъ золь,
 Въ бездну жизни пустой и мишурной.

Съ пылкой вѣрой въ груди я возсталъ, какъ боецъ,
 На защиту великой идеи, —
 Предо мной, въ глубинѣ ихъ трусливыхъ сердецъ,
 Трепетали лжецы-фарисеи.

Выступая одинъ на могучихъ враговъ,
 Обличилъ я ихъ ложь и обманы,
 Съ нихъ сорвалъ я блестящій, роскошный покровъ,
 Обнаживъ безобразныя раны.

Все я отдалъ: души благороднѣйшій жаръ,
 Молодую кипучую силу,
 И любви я нанесъ беспощадный ударъ, —
 Самъ ей вырылъ навѣки могилу...

Все великому дѣлу я въ жертву принесъ!
 Почему же въ безмолвіи ночи
 Вижу я, сквозь туманъ набѣгающихъ слезъ,
 Съ укоризной глядящія очи?

Снова вижу: прозрачныя воды ручья,
 Вѣтви ивы, печально склоненной,
 Неподвижное мертвое тѣло ея
 И съ тоской къ небесамъ обращенный
 Тусклый взоръ...

Я остался одинъ межъ людей
 И съ борьбою своею, и съ печалью,
 Я не могъ раздѣлить убѣжденья друзей,
 Примириться съ ихъ узкой моралью.

Я не могъ подвигаться избитой тропой;
 Оставаяся твердъ и спокоенъ,

Я лишь понялъ теперь, побѣжденный судьбой,
 Что «одинъ въ чистомъ полѣ — не воинъ!»

И въ неравной борьбѣ я упалъ — побѣжденъ,
 Разлетѣлися мечъ мой и латы,
 Мигъ блестящій успѣха исчезъ, будто сонъ,
 И моментъ наступаетъ расплаты...

Я готовъ... Только мысли, какъ искры въ золѣ,
 Еще тлѣютъ, неясно мерцающа...
 Но угаснуть онѣ въ наступающей мглѣ,
 И вокругъ тишина гробовая

Воцарится... Замретъ наболѣвшая грудь,
 Все замолкнетъ — уворъ и молитвы...
 Какъ отрадно мнѣ будетъ навѣкъ отдохнуть
 Послѣ яростной жизненной битвы!..

1885 г.

ВАСИЛЁКЪ.

Сказка для дѣтей.

(На мотивъ изъ Ф. Коппѣ).

I.

Жилъ на свѣтѣ князь богатый,
 Но скупой — не тароватый,
 Накопившій денегъ тьму.
 Въ златоверхомъ терему,
 Красотою разцвѣтая,
 Дочь его жила родная,
 Добродушна и скромна —

Василькомъ звалась она.
 Но жилося ей, бѣдняжкѣ,
 Сиротливо, словно пташкѣ,
 Въ клѣткѣ тѣсной. Князь-отецъ,
 Бросивъ сумрачный дворецъ,
 На охотѣ за звѣрями
 Пропадаетъ съ егерями,
 И несется изъ лѣсовъ
 Гулъ охотничьихъ роговъ.
 Или занять онъ дѣлами,
 Иль воюетъ онъ съ врагами,
 А княжна сидитъ одна,
 Пригорюнясь, у окна.

Всѣ въ странѣ ее любили
 И жалѣли, и хвалили;
 Съ сердцемъ, полнымъ доброты,
 Вида горькой нищеты
 Василѣкъ не выносила,
 Ей всего обиднѣй было,
 Что она — скупого дочь —
 Не могла ничѣмъ помочь
 Неимущимъ и увѣчнымъ.
 Съ сокрушеніемъ сердечнымъ
 Видя горе бѣдняковъ —
 Сиротъ, вдовъ и стариковъ —
 Василѣкъ терпѣла муки;
 Князь, навапливать спѣша
 Груды денегъ, ни гроша
 Не давалъ бѣдняжкѣ въ руки
 И она въ тиши ночной
 Горько плакала порой.

II.

Какъ-то утромъ въ день воскресный
Отъ обѣдни шла княжна,
Молчалива и блѣдна.
Бѣдняки толпою тѣсной
Собралися у дверей
Ожидать ее. Скорѣй,
Встрѣчи съ ними избѣгая,
Вышла дѣвушка. Другая,
Оказалось, дверь была,
Что прамехонько вела
Къ полю зрѣющей пшеницы.
Опустивъ свои рѣсницы,
Шла печально Василѣкъ,
Направляясь въ лѣсокъ.
Вдругъ старуха — вся сѣдая,
Изможденная, худая,
Въ бѣдномъ платьѣ и платѣ,
Но съ жезломъ въ одной рукѣ —
Подошла къ ней и сказала:
«Воротись. Всему, что ты
Дашь отъ сердца полноты —
Какъ ничтожно и какъ мало
Не казалось бы оно —
Превратиться суждено
Въ цѣнный даръ. Ну, Богъ съ тобою!»
И старуха за лѣсною
Чащей скрылася изъ глазъ.
Василѣкъ, понявъ тотчасъ,
Что волшебница являлась

Передъ ней — не испугалась
 И рѣшилася идти
 Вновь во храмъ. По пути,
 Проходя зеленой чащей,
 Погруженная въ мечты,
 Василёкъ рвала цвѣты...
 Вдругъ ей слышится молящій
 Женскій голосъ. «Боже мой!
 Надъ несчастною вдовой
 Сжальтесь! Прежде я, бывало,
 Здѣсь колосья подбирала,
 Чтѣ остались на поляхъ,
 А теперь лежу больная.
 Сжальтесь, барышня родная!»
 Со слезами на глазахъ
 Подала княжна несмѣло
 Ей цвѣты. — «Со мною нѣтъ
 Ни копѣйки, но букуетъ
 Мой возьмите». Посмотрѣла
 Съ изумленіемъ вдова,
 Но воснулася едва
 До букуета розъ душистыхъ —
 Какъ увидѣла, дивясь,
 Что исчезъ онъ, превратясь
 Въ снопъ колосьевъ золотистыхъ!

III.

Изъ цвѣтовъ сплетя вѣнокъ,
 Шла все дальше Василёкъ
 Съ облегченною душою.
 Вдругъ на встрѣчу ей съ мольбою

Мальчикъ — бѣдный сирота
 Выбѣгаетъ: «Ради Бога,
 Сжался, барышня, немного
 Дай намъ хлѣбца... Нищета,
 Голодъ въ хатѣ... Мы не ѣли
 Двое сутокъ. Дѣдъ съ постели
 Не встаетъ!»

— И я бѣдна;—

Грустно молвила княжна:—
 Подарить, увы, одними
 Лишь цвѣтами полевыми
 Я могу тебя.— «Давай!»
 И предъ нимъ въ одно мгновенье
 Совершилось превращенье:
 Изъ вѣнка сталъ каровой!

О, восторгъ! О, даръ чудесный!
 И, ликуя, Василѣкъ
 Все идетъ, сорвавъ цвѣтокъ
 Бѣлой лиліи прелестный.
 Передъ ней, среди долины —
 Дубъ, столѣтній исполинъ,
 А подъ дубомъ — изможденный
 Старый воинъ, утомленный
 И страдающій отъ ранъ.
 Молить жалобно бѣдняга:
 «Я усталъ и изнемогъ,
 Но вина одинъ глотокъ
 Оживить меня бы могъ,
 Да пуста, на горе, фляга,
 А деревня далека».
 — Я схожу, а вы пока

Эту лилю возьмите
 И меня здѣсь подождите, —
 Отвѣчала Василѣвъ.
 Но едва успѣлъ цвѣтокъ
 Взять изъ рукъ ея бѣдняга —
 Передъ нимъ явилась фляга
 Драгоцѣнная, полна
 Искрометнаго вина!

IV.

Князю старому извѣстнымъ
 Стало вскорѣ о чудесномъ
 Дарѣ дочери, и онъ
 Былъ не мало восхищенъ.
 «То-то, — думаетъ онъ: — съ нею
 Я теперь разбогатѣю!»
 И къ себѣ зоветъ ее:
 «Дочка! счастье свое
 Испытать хочу я тоже,
 Чай, отецъ тебѣ дороже,
 Чѣмъ другіе... Ну, дружковъ,
 Дай мнѣ этотъ черепокъ,
 Пусть-ка станетъ онъ алмазомъ,
 Изумрудомъ, иль топазомъ».
 — Право, батюшка, — вняжна
 Отвѣчаетъ, смущена:—
 Это было бы напраснымъ:
 Я, вы знаете, должна
 Помогать однимъ несчастнымъ.
 «Что за глупыя слова!
 Дай скорѣ!» но едва

(Ну, не правда ли какъ странно?)
 Старый князь до черепка
 Привоснулся — въ пауза
 Превратился тотъ неожиданно
 Ядовитаго, и князь,
 Перепуганный ужасно,
 Сбросить гадину напрасно
 Хочетъ самъ... Княжна сейчасъ
 Подошла безъ опасенья
 И свершила превращенье:
 Въ тотъ же мигъ паузъ пропалъ —
 Черепкомъ, какъ прежде, сталъ!
 Князь вознесъ благодаренье
 Небесамъ, и съ этихъ поръ
 Смѣло шли къ нему на дворъ
 Неимущіе толпою:
 Всѣхъ отцовскою казною
 Одѣляла Василёвъ!

Миновалъ еще годовъ
 И прошла молва по царству,
 По всему по государству,
 Что красавица княжна
 И привѣтна, и скромна,
 И добра, какъ ангелъ Божій,
 И что нѣтъ ее пригожѣй!
 Царь объ этомъ услыхалъ
 И гонцовъ туда послалъ.
 Къ князю старому въ палаты
 Отъ царя явились сваты, —
 Далъ согласье князь-отецъ,
 А затѣмъ — и подъ вѣнецъ!

Свадьбу справили такую,
Что и «въ сказкѣ не сказать,
И перомъ не описать»,—
И царицу молодую
Царь новезъ къ себѣ домой,
Въ златоглавый теремъ свой.
Царь съ царицей долго жили
И добро одно творили.
Часто въ зимній вечерокъ
И теперь, среди бесѣды,
Вспоминаютъ наши дѣды
О царицѣ Василѣвѣ!

1888 г.

ПЕРЕВОДЫ
ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

ИСКУССТВО.

Въ искусствѣ — слава и свобода!
Чело великаго народа
Оно украсило вѣнцомъ,
Сіяя дивно надъ вселенной,
Какъ блескъ созвѣздій неизмѣнный
Предъ Вседержителемъ Творцомъ.

Искусство — гимнъ души чудесный;
Его гармоніей небесной
Полны долины и лѣса.
Оно — языкъ любви могучій,
Гдѣ въ хорѣ сладостныхъ созвучій
Сдѣлись природы голоса.

Искусство — геній обновитель!
Оно — великій побѣдитель,
Вносящій свѣтъ и красоту
И отражающій природу.
Рабамъ даетъ оно свободу,
Свободнымъ — счастья высоту.

1885 г.

*

ИЗЪ ФРАНСУА КОППЕ.

ПОТЕРПѢВШІЙ КРУШЕНІЕ.

(LE NAUFRAGÉ).

I.

У рейда на холмѣ виднѣется кабакъ.
Жанъ Гоэлдъ старикъ, но бравый молодчина,
Служившій мѣрсовымъ и опытный морякъ
(Съ рукой, оторванной ядромъ у Наварина),
Здѣсь лѣтнимъ вечеромъ просиживалъ не разъ,
Прихлебывая грогъ лѣнвыми глотками,
И съ трубею въ зубахъ, онъ заводилъ разговоръ
Передъ внимавшими усердно новичками.

«Тому лѣтъ шестьдесятъ, какъ сталъ я морякомъ
И принять былъ на бортъ «Прекрасной Онорины»,
Дрянного корабля, лишь годнаго на сломъ.
Мы плыли въ Гамбію съ попутнымъ вѣтеркомъ;
Хоть съ дѣтства я знавалъ невзгоды и кручины, —
Я выросъ босивомъ, лоя у нашихъ скалъ
Креветокъ; мой старикъ — его я дядей звалъ —
Былъ каждый вечеръ пьянъ и билъ меня нещадно, —
Но здѣсь, на кораблѣ, совсѣмъ ужъ безотрадно

Пришлось, — и я терпѣть безъ жалобы привыкъ.
 Невольничьимъ судомъ нашъ оказался бригъ,
 Свой экипажъ держалъ въ ежовой рукавицѣ
 Нашъ капитанъ, а мнѣ, какъ водится, сторицей
 Отплачивали всѣ — ударовъ цѣлый градъ
 На юнгу сыпался впопадъ и невпопадъ...
 Ни въ комъ не встрѣтилъ я ни капли состраданья,
 Въ ту пору часто въ ходъ пускались наказанья,
 И каждый ревностно работалъ кулакомъ,
 Чтобъ сдѣлать мальчика заправскимъ морякомъ.
 Я плавать пересталъ — мнѣ слишкомъ тяжело было —
 И вѣрно бы не снесъ моей судьбы постылой,
 Когда бы самъ Господь въ могуществѣ Своемъ
 (А въ Божій промыселъ мы вѣруемъ на морѣ),
 Мнѣ друга не послалъ въ моемъ сердечномъ горѣ:
 Среди лихихъ людей нашелся добрый песъ;
 Подобно мнѣ, и онъ не мало перенесъ;
 Мы скоро сдѣлались старинными друзьями.
 Тегге-пеуве громаднѣйшій, съ блестящими глазами,
 Весь черный, оттого его прозвали Блэкъ,
 Онъ полюбилъ меня, какъ будто человѣкъ.
 И часто въ тишинѣ, среди ночной прохлады,
 Когда сіяли звѣздъ блестящихъ мириады
 Надъ палубой давно затихшей корабля,
 Гдѣ виденъ былъ матросъ, стоявшій у руля,
 Усѣвшись въ уголеѣ у мачты, за мѣшками
 И Блэка охвативъ обѣими руками,
 Я сердце облегчалъ потокомъ горькихъ слезъ.
 Да, убаюканный ласкающей волною,
 Я плакалъ въ тишинѣ, а онъ, мой вѣрный песъ,
 Онъ понималъ меня и, сидя предо мною,

Лизаль мое лицо шаршавымъ языкомъ...
Бѣдняга Блэкъ! Не разъ я вспоминаль о немъ!

II.

«Сначала вѣтеръ дуль попутный, настоящій.
Но вотъ однажды (зной тогда стояль палящій)
Нашъ старый капитанъ — онъ былъ свирѣбный скотъ
Но опытный морякъ — матросу молвилъ:

«Вотъ
Ты видишь облако, чтѣ тамъ идетъ... лѣвѣе?»
— Да, кажется, оно готовитъ намъ сюрпризъ.
«Ну что-жь! мы ждемъ его...

Людей къ снастямъ! Живѣе!
Скрѣпляйте паруса! Тани бомъ-еливеръ внизъ!..»
Гремѣли бѣшено порывы урагана,
Мы довѣрялися искусству капитана,
И дружно экипажъ за дѣло принялся:
Скрѣпили марсели, спустили паруса,
Но бригъ старенежъ былъ и дѣло шло къ развязкѣ.
Онъ закружился вдругъ въ какой-то адской пляскѣ;
Мы все работали подѣ возроставшій шумъ
И грохотъ, но вода ужъ наполняла трюмъ,
И думать намъ пришлось о собственномъ спасеннѣ.
Промокнувъ до костей и въ страшномъ утомленнѣ,
Отвязывать нашъ ботъ мы принялись тотчасъ,
Но вдругъ, какъ будто залпъ изъ тысячи орудій,
Раздался трескъ... и насъ, какъ видно, не спросаясь,
Разсѣлась палуба!.. Въ одно мгновенье люди
Съ погибшимъ кораблемъ, какъ пласть, пошли ко дну.
Не весело нырнуть въ морскую глубину!
Подобно молннѣ, мелькнуло предо мною

Пропедашее: нашъ портъ, верхушки мачтъ и храмъ,
 Нашъ берегъ, гдѣ босой ходилъ я по скаламъ,
 Рядъ раковинъ морскихъ...

Громадною волною

Мнѣ залило глаза, — я плавать не умѣлъ.
 Но вѣрный Блэкъ тотчасъ на помощь подоспѣлъ
 И крѣпко за воротъ схватилъ меня зубами,
 А шлюпка, къ счастью, качалась передъ нами
 Невдалекѣ, и мы, хотя не безъ труда,
 По грознымъ бурунамъ добрались туда.
 Да, странную судьба придумала затѣю:
 Изъ многочисленной команды корабля
 Лишь спасся мальчуганъ съ собакою своею
 Въ пустомъ челнѣ, безъ мачтъ, безъ весель, безъ руля!
 Хоть съ раннихъ лѣтъ я былъ рѣшительнаго нрава
 И не трусливъ, но все-жъ, судя о дѣлѣ здраво,
 Я понялъ, если вдругъ не встрѣтится судно,
 То здѣсь погибнуть мнѣ навѣрно суждено.
 Я былъ одинъ среди пустыни океана!
 И съ Блэкомъ мы спаслись отъ гнѣва урагана
 Лишь только для того, чтобъ — строго говоря —
 Погибнуть съ голоду: нигдѣ ни сухаря,
 Ни капельки воды!.. Три долгихъ, долгихъ ночи,
 Три безконечныхъ дня по волѣ бурныхъ волнъ
 Носился, какъ листокъ, нашъ злополучный челнъ.
 Терзаемъ голодомъ, вперивъ съ тоскою очи
 Въ синѣющую даль, при яркомъ свѣтѣ дня,
 Въ сіяньи звѣздъ ночныхъ, съ собакой сидя рядомъ,
 Глядѣвшей грустными глазами на меня,
 Я паруса искалъ полубезумнымъ взглядомъ.
 Увы, лишь океанъ я видѣлъ предъ собою
 И дальній горизонтъ, блиставшій синевою!

III.

На третій день я былъ охваченъ лихорадкой.
 Томимый жаждою и внутреннимъ огнемъ,
 Увидѣлъ я, что Блэкъ слѣдитъ за мной украдкой,
 И что-то странное тотчасъ замѣтилъ въ немъ:
 Онъ весь дрожалъ, въ углу забившись отдаленномъ,
 Глаза его, углѣмъ подобно раскаленнымъ,
 Сверкали...

— «Что съ тобой? Ты, кажется, не радъ
 Товарищу?» Я всталъ, протягивая руку,
 Чтобъ приласкать его, но странный гнѣвъ и муку
 Прочелъ въ его глазахъ; онъ подался назадъ,
 Готовый укусить, и съ яростнымъ ворчаньемъ.
 И я увидѣлъ тутъ съ несказаннымъ страданьемъ,
 Что зубы онъ вонзилъ въ обшивку изъ досокъ,
 И тотчасъ изо рта струя злобщей пѣны
 Вдругъ хлынула... Я зналъ причину перемѣны
 И сомнѣваться въ ней ужъ болѣе не могъ:
 Онъ сталъ добычею ужаснаго недуга —
 Мой Блэкъ, въ комъ я нашелъ товарища и друга,
 Кто спасъ меня изъ волнъ, лелѣялъ и берегъ —
 Единственный мой другъ, любимый, неизмѣнный...
 Вы въ силахъ ли понять весь ужасъ этой сцены:
 Челнокъ, затерянный межъ небомъ и водой,
 И солнца южнаго лучи надъ головой
 Ребенка, чтд дрожить предъ звѣремъ разъяреннымъ,
 Готовымъ кинутся въ безумьи изступленномъ?..
 Полусознательно я вытащилъ винжалъ
 (Одинъ лишь мигъ еще — и было бы ужъ поздно),
 Безумные глаза его блеснули грозно,

Онъ бросился ко мнѣ и страшно зарычалъ.
 Я увернулся... самъ схватилъ его за шею
 И придавилъ къ землѣ всей тяжестью своею.
 Я слышалъ съ ужасомъ какой-то странный хрипъ,
 Онъ бился подо мной... Дрожа какъ въ лихорадкѣ,
 Я въ горло ножъ ему вонзилъ до рукоятки —
 И мой единственный, мой первый другъ погибъ!..
 Какъ позже я безъ чувствъ найденъ былъ моряками
 Съ французскаго судна, моими земляками —
 Не все-ль равно?

Съ тѣхъ поръ не разъ пришлось мнѣ
 Пролить людскую кровь: недолго на войнѣ
 Привыкнуть ко всему; я даже безъ боязни
 Присутствовалъ всегда при совершеньи казни,
 Въ сраженьяхъ наносилъ врагу не мало ранъ:
 Я руки обрубилъ десятку англичанъ,
 Цѣплявшихся за бортъ въ бою у Трафальгара,
 И, право, не страдалъ нисколько отъ кошмара...
 (Командовалъ тогда контръ-адмиралъ Магонъ).
 Въ Плимутъ, не спросясь, покинулъ я понтонъ,
 Оставивъ свой кинжалъ въ боку у часового,
 И, фортъ возьми! о томъ не сожалѣлъ ничуть!
 Но, вспомнивъ этотъ мигъ изъ дальняго былого,
 Я знаю: ночью мнѣ навѣрно не заснуть...

Ну, полно!.. Эй, гарсонъ! стаканъ чегонибудь!»

1885 г.

ДВѢ МАТЕРИ.

(Поэма).

I.

Оставшись сиротой, жила она въ прислугахъ.
 Здоровую, какъ волъ, проворную въ услугахъ,
 Ее цѣнили всѣ. Когда въ Ивановъ день
 Фермеры шли толпой изъ ближнихъ деревень
 Для найма служащихъ, то видъ ея фигуры,
 Дышавшей силою, и честнаго лица
 Смягчалъ невольно ихъ угрюмыя натуры,
 И всѣ, до самаго суроваго скупца,
 Спѣша нанять ее, дарили ей обнову.
 Красы особенной въ ней не было, но къ слову
 Сказать, была она пригожа и мила,
 Съ глазами темными, румяна и бѣла,
 И съ черными, какъ смоль, густыми волосами
 Подъ шелковымъ платкомъ. Съ проворными руками
 Она была вездѣ: за стиркой и станкомъ,
 На кухнѣ, въ садикѣ, ходила за скотомъ,
 Домашней птицею, копалась въ огородѣ
 И каждый Божій день вставала на восходѣ.
 Любила ли она? Загадочный вопросъ.
 Тутъ затруднялися рѣшительнымъ отвѣтомъ
 Всѣ кумушки села, и только прошлымъ лѣтомъ,
 Когда гурьба крестьянъ идетъ на сѣнокосъ,
 Она, охвачена какой-то лихорадкой,
 Плѣнилась безъ ума красивымъ молодцомъ —
 Плохимъ работникомъ. Усы его вольцомъ,
 Въ связи съ нахальною и дерзкою хваткой

Доставили ему въ деревнѣ рядъ побѣдъ
 (Недаромъ онъ служилъ въ гусарахъ восемь лѣтъ...)
 Не страшно-ль? Дѣвушка, рабочей и смирной,
 Понравился, увы, герой ея трактирный,
 Который въ кутежахъ прослылъ за знатока,
 И свадьбу справили веселую. Пока
 Онъ тратилъ денежки, накопленныя ею,
 Ихъ быстро превративъ въ бутылкоу батарею —
 Все было хорошо, а тамъ пошелъ разладъ
 (Извѣстны каждому подобныя развязки)...
 Побои грубые, смѣняющіе ласки,
 Обидныя слова, ну, словомъ, цѣлый адъ...
 Затѣмъ и нищета...

Но тутъ случилось хуже.
 Инстинкты звѣрскіе таились въ этомъ мужѣ,
 И въ день, когда дитя явилось на свѣтъ,
 Онъ средство пріискалъ избавиться отъ бѣды:
 Чтобъ скромный домикъ ихъ, посуду и корову
 Спасти отъ описи, рѣшилъ онъ, что жена
 Наняться въ городъ кормилицей должна,
 Чтобъ, повинуюся рѣшительному слову,
 Оставила она, согбенная стыдомъ,
 Ребенка, спавшаго своимъ невиннымъ сномъ!
 Его не испугалъ отказъ ея упорный —
 Онъ убѣжденіемъ и ласкою притворной
 Подѣйствовать сумѣлъ: — «Вѣдь я теперь отецъ,
 Такъ, значить, кутежамъ да праздникамъ — конецъ!
 Сыночка изъ рожа мы вскормимъ превосходно,
 Не бойся, не умреть онъ смертію голодной,
 Сосѣдка добрая поможетъ приглядывать».
 И мать съ тоской въ душѣ отправилася въ путь.

II.

Кто может описать весь ужас этой ночи,
 Когда потоки слезъ, туманившіе очи,
 Мѣшали ей глядѣть въ синѣющую даль,
 А на-сердцѣ росла безумная печаль,
 И въ шумѣ поѣзда, отчетливо и звонко,
 Все слышался ей плачь голоднаго ребенка?..
 Солдаты пьяные, къ ней ближе пересѣвъ,
 Смѣясь, горланили бессмысленный напѣвъ...
 Такъ прибыли они въ Парижу на разсвѣтѣ;
 Тамъ ждалъ ее лакей, пріѣхавшій въ каретѣ.
 Великолѣпіемъ отеля смущена,
 Въ роскошныхъ комнатахъ явилася она;
 Въ ней сердце дрогнуло при видѣ колыбели
 Въ шелку и кружевахъ, стоящей у постели —
 При видѣ матери прелестной, молодой,
 Не знавшейся вѣкъ ни съ горемъ, ни съ нуждой.
 И рядомъ съ гнѣздышкомъ богатаго дитяти
 Другая колыбель — изъ прутьевъ ивняка —
 Представилася ей, а рядомъ на кровати —
 Храпѣвшій пьяница, сейчасъ изъ кабака
 Вернувшійся домой...

Она взяла на руки
 Чужого мальчика, и тутъ вошелъ отецъ —
 Банкиръ-милліонеръ, извѣстнѣйшій дѣлецъ;
 Внимательный къ женѣ, съ отгнѣномъ легкой скуки
 Въ чертахъ, онъ произнесъ небрежно:

— «Недурна...

Замужняя?» — О, да. — «Откуда же она?»

— «Нормандка!» — «Кажется, вамъ медики южанеу

Совѣтовали взять?» — Ну, что же? Въ поселянку Изъ Арля мы ее чудесно превратимъ. Брюнетка... ей пойдетъ нарядъ въ подобномъ родѣ, Притомъ же на водахъ костюмы эти въ модѣ... Отлично?.. — И она смѣялася своимъ Сребристымъ хохотомъ. — «Конечно, дорогая, Что-жь? Забавляйтесь». Отвѣтилъ ей, шагая Къ двери, съ насмѣшкою изысканной банкиръ.

Какъ чуждъ кормилицѣ казался этотъ міръ! Ребенокъ также былъ болѣзненный и хилый; Недаромъ на балу почувствовала мать, Что скоро ей нельзя ужъ будетъ танцовать, И думала о томъ съ досадою унылой. Отецъ же, услыхавъ негаданную вѣсть (Бумаги важныя какъ разъ на той недѣлѣ Понизились въ цѣнѣ), промолвилъ: «Въ самомъ дѣлѣ?» Но тотчасъ послѣшилъ съ эффектомъ произнестъ: «Я очень, очень радъ!» волненіемъ объятый. (Жена его была наслѣдницею богатой).

III.

Кормилица съ своимъ питомцемъ на рукахъ, Закутаннымъ, какъ принцъ, въ шелку и кружевахъ, Бродила, словно тѣнь, по длинной амфиладѣ Покоевъ и съ тоской глубокою во взглядѣ Считала тихо дни изгнанья своего. Ребенокъ не встрѣчалъ любви ни у кого: Мать занималася кокетствомъ и балами, Отецъ — лишь биржею и важными дѣлами; Онъ изъ любезности порою говорилъ

Женѣ за завтракомъ: — «Сынокъ вашъ очень милъ»,
 Но, недовольная какимъ нибудь нарядомъ,
 Окидывала мать немилостивымъ взглядомъ
 Малютку, говоря: — «Кормилица, Гастонъ,
 Мнѣ кажется, усталъ. Пускай ложится онъ!»
 Но что за дѣло ей, кормилицѣ наемной,
 До окружающей испорченной среды?
 И чахлое дитя, носящее слѣды
 Недуга, самый домъ, роскошный и огромный,
 Наполненный толпой съ зари и до зари,
 Катанья вѣчныя, прогулки въ Тюльери,
 Куда кормилица являлась разодрѣта
 Въ костюмы пестрые, достойные балета, —
 Всѣ эти мелочи чтѣ значать для нея?
 Тогда какъ и душа, и помыслы ея
 Стремятся за письмомъ къ деревнѣ отдаленной,
 Откуда матери, разлукой огорченной,
 Приходить изрѣдка желаемый отвѣтъ:
 «Ребенокъ живъ, здоровъ, но денегъ больше нѣтъ».
 И, примиряясь съ своею горькой долей,
 Спѣшила съ радостью обманутая мать
 Всѣ деньги кровныя скорѣе отослать,
 Добытыя, увы, тяжелою неволей!

IV.

Спектакли! Вечера! Вернулась зима
 И съ ней обычная веселья кутерьма.
 Ребенокъ захирѣлъ. Отъ кашля исхудалый,
 Онъ таялъ, какъ свѣча, и взоръ его усталый
 Порою вспыхивалъ болѣзненнымъ огнемъ.
 Тоскливо, медленно тянулся день за днемъ...

Однажды вечеромъ, безъ боли и мученья,
 Онъ тихо на рукахъ кормилицы угасъ.
 Разряженная мать, съ большого представленья
 Какой-то оперы иль драмы возвратясь,
 Нашла дитя свое недвижнымъ, охладѣлымъ...
 И ей съ усиліемъ немалымъ удалось
 Въ присутствіи врача пролить потоки слезъ
 Надъ этимъ крошечнымъ, почти усохшимъ тѣломъ.

Кормилица теперь была имъ ненужна
 И къ сыну своему отправилась она.
 Какое счастье найдти его здоровымъ!
 Зима съ морозами и холодомъ суровымъ,
 Покрытый тучами угрюмый сводъ небесъ,
 И стаи вороновъ, и обнаженный лѣсъ —
 Для бѣдной матери все кажется прекраснымъ.
 Конецъ изгнанію и мукамъ ежечаснымъ!
 Онъ скоро будетъ съ ней... Сквозь рощицы просвѣтъ
 Въ вечернихъ сумракахъ мелькаетъ силуэтъ
 Ихъ церкви... Боже мой! Свистомъ локомотива —
 Они пріѣхали.

Зачѣмъ же такъ тоскливо
 Кружатся по вѣтру опавшіе листы
 Средь наступающей глубокой темноты,
 И стонетъ старый лѣсъ, растущій у дороги?
 Зачѣмъ душа ея исполнена тревоги?
 Зачѣмъ въ такую ночь любимый край родной
 Ее съ холодностью встрѣчаетъ ледяной?
 Но вотъ она въ селѣ. До путницы усталой
 Доносится лишь лай разбуженныхъ собакъ.
 Вотъ церковь старая, а рядомъ и кабакъ,
 Откуда къ ней напѣвъ несется разудалый.

Блѣднѣя, замерла она передъ окномъ,
 Ей голосъ пьяницы, въ несчастію, знакомъ...
 Онъ снова въ кабацѣ! Сомнѣнья невозможны.
 Итакъ, слова его и вкляты были ложны?
 Онъ пьянствуетъ опять, а тамъ несчастный сынъ
 Томится въ хижинѣ — заброшенъ и одинъ!..
 И мать, охвачена безумною тревогой,
 Слѣпнуть по улицѣ. Изъ хижины убогой
 Не слышно голосовъ и дверь незаперта...
 Скорѣй, скорѣй огня! Какая темнота...
 При свѣтѣ ночника, среди каморки грязной
 Постыдные слѣды попойки безобразной
 Увидѣла она. И матери глазамъ,
 Испуганнымъ такой зловѣщею картиной,
 Предстала вся въ пыли, обвита паутиной,
 Въ углу, куда давно выдали старый хламъ —
 Пустая колыбель умершаго дитяти!..
 . . . . .
 Кормилица безъ чувствъ упала у кровати.

V.

Въ ближайшемъ городѣ есть зданіе и въ немъ
 Я видѣлъ женщину, съ безумія огнемъ
 Въ блуждающихъ глазахъ — безмолвную, сѣдую,
 Хотя еще на видъ довольно молодую;
 Несчастная, присѣвъ на жалкую постель,
 Качаетъ цѣлый день пустую колыбель...

1886 г.

МАЛЕНЬКАЯ ЗВѢЗДА.

(Поэма).

Посвящается Н. С. Васильевой.

I.

Порой въ углу сыромъ и мрачномъ давъ ростокъ,
Вдругъ распускается негаданно цвѣтокъ.

Отецъ ея служилъ давно уже суфлеромъ,
А мать — привратницей въ театрѣ, на которомъ
Всѣ пьесы новыя, къ несчастью, постигалъ
Фатальнымъ образомъ рѣшительный провалъ.
И свѣтъ увидѣла — (свѣтъ газа, безъ сомнѣнья) —
Ихъ дочка вечеромъ, во время представленья.
Артистки съ теплотой къ событью отнеслись
И, шлейфами шума, не разъ сбѣгали внизъ —
Больную навѣстить. Воспользовавшись сценой,
Когда, сраженная жестокою измѣной
Героя, инертная, недвижна и блѣдна,
У будки въ обморокъ упасть была должна, —
Суфлеру прошептать могла она беззвучно:
«Вамъ дочку Богъ послалъ! и все благополучно...»
День этотъ, вообще, явился свѣтлымъ днемъ,
И драма, полная кровавыхъ преступленийъ,
Нежданно встрѣтила сочувственный приемъ
И выдержала сто двѣнадцать представленийъ.
Вся труппа ревностно ребенкомъ занялась:
Подписку для него устроили тотчасъ,
Въ дѣвчурѣхъ бутафоръ явился съ колыбелью

о. чюмина-михайлова.

И крошку окрестить рѣшили всѣ Аделью,
 А въ воспріемники назвался самъ «премьеръ».
 Крестины праздновать отправились въ Анберъ
 Большой компаніей и, послѣ угощенья,
 Вернулись въ театръ къ началу представленья.

II.

Актерамъ свойственна нерѣдко доброта.
 Когда привратница бывала занята,
 Возились съ крошкой безъ устали актрисы,
 Таская дѣвочку съ собою за кулисы,
 Съ ней нянчились, твердя: «агушеньки, агу!...»
 «Субретка» бойкая, отвѣтя въ нетерпѣнны
 На режиссера зовъ: «Я слышала... бѣгу!»
 Спѣшила передать съ рукъ на руки дуэньѣ
 Свою любимицу. Когда же подросла
 Адель, и лепетать она ужъ началà —
 Актрисы, распаясь, на мѣсто: «папы», «мамы»,
 Учили дѣвочку словамъ изъ мелодрамы,
 И крошка тоненькимъ пицала голоскомъ:
 «О, небо, помоги въ несчастіи моемъ!»
 Но мѣстная «звѣзда», весьма религіозной
 Въ театрѣ слышная и женщиной серьезной,—
 Съ ней часто «Отче нашъ» твердила наизусть,
 Внимая лепету ея наивныхъ устъ.

А годы шли да шли обычной чередой.
 Сроднившись съ этою искусственной средой,
 Почти не знавшая и солнечнаго свѣта,
 Но общимъ баловствомъ и ласкою согрѣта,
 Адель — (ей миновалъ восьмой уже годовъ) —

Рѣзвилася порой какъ пестрый мотылекъ
Иль бабочка, запертая въ подвалѣ...

III.

Театру не везло. Случалось, что играли
Три мѣсяца подъ-рядъ при пустовавшей залѣ.
И «фееріи» всѣ и драмы постигаль
Полнѣйшій неуспѣхъ. Директоръ начиналъ
Ужъ голову терять, подавленный долгами.
Но въ счастью режиссеръ вдругъ выручилъ словами:
«Вотъ мысль! А «Сироту» возобновить бы намъ?» —
Директоръ подскочилъ на мѣстѣ отъ волненія
И крикнулъ: «Эврика!» — въ порывѣ восхищенія.
(Она была одной изъ старыхъ мелодрамъ,
Любимыхъ публикой, и на нее билеты
Бралися на расхватъ). Но кто же роль Сюзеты
Сыграетъ — дѣвочки, попавшейся къ ворами,
Чьи зловлюченія у слабонервныхъ дамъ
Потоки горькихъ слезъ когда-то исторгали?
Директоръ хлопоталь: — «Послушайте, едва ли
Малютку мы найдемъ, способную сыграть,
Какъ Сильвія, но та ужъ замужемъ и мать
Пяти-шести ребятъ...» — Отдайте роль Адели,
Воскликнулъ режиссеръ: — не даромъ съ колыбели
Мы знаемъ дѣвочку... Бѣдовая! Она,
Я поручуся вамъ, для сцены рождена!

IV.

У дѣвочки тотчасъ пошла кругомъ головка.
Какъ? Роль? Ей роль дадутъ! Костюмъ и гримировка,

Все «настоящее», все будетъ у нея!
 Дивились многіе способностямъ ея:
 Адель блистательно держалась и ходила
 И каждой фразою эффектъ производила.
 Успѣхъ предчувствуя, прибѣгъ антрепренеръ
 Къ газетамъ, и вездѣ явилася реклама.
 Глупѣе глупаго была, конечно, драма,
 Но что-жъ изъ этого? Дала бы только сборъ!
 Но вотъ настала и день великій представленья,
 И чудо-дѣвочка, при первомъ появленіи
 Своимъ, всю публику игрою увлекла.
 Нѣтъ, не игрою, нѣтъ! То не игра была,
 А правда, жизнь сама! Не женщины и дѣти —
 Мужчины плакали въ той сценѣ, гдѣ въ Сюжетѣ,
 Не ѣвшей цѣлый день, приходятъ бѣдняки,
 Прося о помощи, и дѣвочка цвѣтѣи
 Несчастнымъ раздаеть... Среди рукоплесканій,
 Несчетныхъ вызововъ, букетовъ и рыданій
 Спустился занавѣсъ надъ маленькой звѣздой!
 Одинъ приѣзжій принцъ съ большою теплотой
 Поцѣловалъ ее и двадцать рецензентовъ
 Осыпали Адель милльономъ комплиментовъ.
 Кассиръ же съ радости лишь руки потиралъ...

V.

Живя среди конфетъ, букетовъ и похвалъ,
 Адель твердила все про головныя боли;
 Однажды вечеромъ, когда, одѣвшись въ роли,
 Она сошла въ фойе, всѣмъ бросился въ глаза
 Румянецъ дѣвочки. — «Послушай, вѣдь нельзя
 Такъ мазаться!» сказалъ ей комикъ добродушно.

«Я не румянилась, мнѣ просто очень душно
 И голова болить... но я играть могу!»
 Спектабль окончился, и въ ту же ночь въ мозгу
 У бѣдной дѣвочки открылось воспаленье.
 Актеры были всѣ въ ужасномъ огорченьи
 И сборъ понизился. Директоръ въ кабинетъ
 Къ себѣ перенести велѣлъ безъ замедленья
 Больную — у нея открылся сильный бредъ —
 И ей мѣнялъ всю ночь холодные компрессы.
 Бѣдняжка бредила тирадами изъ пьесы,
 Освѣдомлялася: хорошъ ли сборъ иль нѣтъ?
 И раскупается-ль теперь ея портреть?
 Какъ всѣ тревожились! Но вотъ въ концѣ недѣли
 Ей лучше сдѣлалось и, сидя на постели,
 Толпой товарищей своихъ окружена,
 Съ друзьями чокалася съ улыбкою она,
 Провозглашая тость: «За сотню представленій!»

VI.

Чтобъ дать ей отдохнуть отъ всякихъ тревоженій,
 Рѣшили дѣвочку на дачу отвезти
 Къ Клориндѣ. Былъ июнь и розы разцвѣсти
 Успѣли въ садикѣ миниатюрной виллы
 И зелень обвила гирляндами перилы...
 Малютку вынесли въ качальѣ на балконъ;
 Она увидѣла далекій небосклонъ,
 Сіявшій синевою, цвѣточныя куртины...
 «А! Декорація двѣнадцатой картины!» —
 При видѣ садика воскликнула Адель.
 Когда-жъ малиновки послышалася трель
 И солнышко съвозъ шаль пригрѣло ей колѣни —

Она произнесла, закрывъ глаза свои:
 «Какъ славно!» Шли часы, и въ сладкомъ забытѣ,
 Вся отдаваясь какой-то чудной лѣни,
 Она хотѣла-бъ тутъ остаться цѣлый день...
 «Какъ грѣтъ солнышко! Какъ хороша сирень!»
 Клоринда слушала, и странная тревога
 Вдругъ овладѣла ей: «Пойдемъ-ка мы домой!»
 Просила ingénue, обвивъ ее рукой.
 «О, нѣтъ, побудемъ здѣсь... Еще, еще немного!»
 Съ закатомъ въ комнату вернулась Адель,
 И съ дрожью сильною легла въ свою постель...
 Малютка бредила о ландышахъ, о лѣтѣ,
 И, не придя въ себя, скончалась на разсвѣтѣ...

То былъ во тьмѣ ночной взлелѣянный цвѣтокъ —
 И солнечныхъ лучей онъ вынести не могъ!

1886 г.

С Ы Н Ъ.

(Поэма).

I.

Когда они пришли осматривать квартиру
 Въ четвертомъ этажѣ, швейцаръ сказалъ кассиру
 Знакомому, свои заплывшіе зрачки
 Прищуривъ: — Ну, сейчасъ видать, что бѣдняки.
 Подростокъ мальчуганъ, съ блестящими глазами,
 Въ которыхъ искренность свѣтилася и умъ,
 Глядѣлъ увѣренно, и траурный костюмъ

Его былъ очень простъ. Съ увядшими чертами
 Казалась мать его старухой — въ тридцать лѣтъ.
 На слѣдующій день явились чуть свѣтъ
 Жильцы и мебель ихъ. Увидѣвъ скарбъ убогій,
 Тотчасъ же принялъ видъ презрительный и строгій
 Швейцаръ. Онъ произнесъ: — Конечно, это — голь,
 И съ ними хлопотать да нянчиться изволь! —
 Но плата ихъ всегда вносилась аккуратно
 И онъ, смягчаяся, женѣ неоднократно
 Говаривалъ! — Ну да, бѣдныя, слова нѣтъ,
 Но честныя...

Вдова вставала очень рано,
 Давая въ городѣ уроки фортепяно
 И пѣнія; сама готовила обѣдъ,
 Когда являлся сынъ усталый и голодный
 Изъ школы... Въ праздники и въ каждый день свободный
 Они ходили въ паркъ, кормили лебедей,
 Довольствуясь своей прогулкою обычной;
 Ну, словомъ, бѣдность ихъ вполнѣ была приличной
 И помощи они не ждали отъ людей.
 Швейцаръ кидалъ на нихъ сочувственные взгляды,
 Когда же ученикъ всѣ первыя награды
 Съ экзамена принесъ, онъ молвилъ: «Въ добрый часъ!
 Для нашей дочери, пожалуй, онъ какъ разъ
 Годился-бъ въ женихи»...

А юноша, счастливый,
 Бѣжалъ по лѣстницѣ, спѣша скорѣй обнять
 Въ порывѣ радости взволнованную мать.
 И тутъ у женщины, съ печалью молчаливой,
 Съ покорностью судьбѣ страдавшей столько лѣтъ —
 Невольно вырвался хранимый ей секретъ.

II.

Онъ выслушалъ ее въ волненьи напряженномъ,
 И скоро онъ узналъ, что мать передъ закономъ
 Вдовою не была. Оставшись сиротой
 Лѣтъ восемнадцати, она уроки пѣнья
 Давала... Сынъ семьи богатой... увлеченье —
 Романъ обиденный, печальный и простой!
 Виновный не успѣлъ заглавить преступленье,
 Онъ умеръ. Вѣчному стыду обречена,
 За нимъ послѣдовать хотѣла и она,
 Но у нея былъ сынъ.

— Теперь тебѣ извѣстно

Несчастіе мое. Трудились мы честно,
 Но я уже стара и силъ недостаетъ...
 Ты — мальчикъ. Что-жъ потомъ, о, Господи, насъ ждешь?
 Нашъ юноша мечталъ о воинской отвагѣ,
 О славномъ будущемъ, о почестяхъ и шпагѣ;
 Лишь тутъ увидѣлъ онъ, что трудъ — его удѣлъ
 И онъ несчастную утѣшить захотѣлъ:
 — Не плачь, прошу тебя. Въ казенномъ управленьи
 Мы знаемъ нѣсколько начальника бюро
 И онъ уже не разъ хвалилъ мое перо,
 Онъ не откажетъ мнѣ теперь въ опредѣленьи...
 Притомъ же недурнымъ слыву я скрипачемъ
 И кто мѣшаетъ мнѣ давать уроки скрипки?
 Разсмѣйся же, мамъ, и видъ твоей улыбки
 Порадуетъ меня. Я чувствую, ключемъ
 Кипятъ во мнѣ теперь и мужество и силы,
 Ну, полно хмуриться. Подобный видъ унылый
 Вамъ, право, не къ лицу...

Какъ солнечнымъ лучомъ

Лицо ея на мигъ улыбкой озарилось
 И тотчасъ же она невольно прослезилась,
 Прижавъ его въ груди. Когда же мать и сынъ
 Простились вечеромъ, оставшися одинъ,
 Онъ съ горечью въ душѣ, серьезный и печальный,
 На книги устремилъ послѣдній взоръ прощальный
 И съ юною мечтой разстался навсегда.

III.

Все было рѣшено, и такъ — прошли года...
 Онъ утро проводилъ, работой поглощенный
 По службѣ; а потомъ, въ кофейнѣ освѣщенной
 Аккомпанировалъ пѣвицамъ и пѣвцамъ,
 Бульварной публики излюбленнымъ жрецамъ.
 Съ тѣхъ поръ какъ онъ — въ труду сухому непривыченъ —
 Съ прошедшимъ разорвалъ, отрекся отъ всего,
 Онъ какъ-то захирѣлъ, и самый ростъ его,
 Какъ самолюбіе, остался ограниченъ...
 Когда-же о такомъ рѣшеніи недостойномъ
 Швейцаръ былъ извѣщенъ, съ презрѣніемъ спокойнымъ
 Онъ высказалъ свое сужденіе: — Признаюсь,
 У этихъ бѣдняковъ бываетъ странный вкусъ,
 Возвыситься они никакъ не въ состояннн,
 Я даже нѣсколько обмануть въ ожиданнн:
 Онъ много обѣщаль. А, знаете, въ зятя
 Когда-то прочила его жена моя...
 Никто не ждалъ тогда подобной перемѣны:
 А нынче нашу дочь готовимъ мы для сцены...

И въ скоромъ времени узналъ примѣрный сынъ
 Тоску ужасную, невыносимый сплинъ

Своей профессіи: угаръ отъ сѣверной печки,
 Начальства воркотню, забавныя словечки
 По поводу того, что вовсе не смѣшно,
 И взгляды зависти сквозь тусклое окно,
 Закуску скромную селедкою копченой
 И бесполезный трудъ — уныло-монотонный,
 Сознаніе, что жизнь — безцѣльна и скучна,
 Прогулки дальнія, обѣдъ весьма невкусный...
 А дома мать его всегда казалась грустной
 (Съ годами сдѣлалась придирчивой она).
 Увидѣвъ, что порой предлога ищетъ въ ссорѣ
 Она, онъ весь блѣднѣлъ и, съ грустію во взорѣ,
 Страдая за нее, вставалъ изъ-за стола.
 Притомъ же въ этотъ часъ всегда его ждала
 Обязанность, и онъ, со скрипкою въ футлярѣ,
 Спѣшилъ въ кафе-шантанъ знакомый на бульварѣ,
 Гдѣ рядомъ съ нимъ гудѣлъ неистовый тромбонъ;
 И юноша бросалъ разсѣянные взгляды,
 Когда являлися ередь маленькой эстрады
 Пѣвица блѣдная и толстый баритонъ,
 А комикъ, фаворитъ хорошенькой брюнетки,
 Скандировалъ слова бульварной пансонетки.
 Къ двѣнадцати часамъ, уставшій какъ старикъ,
 Домой онъ приходилъ и, взявъ одну изъ книгъ,
 Пытался почитать, но въ комнатѣ отъ печи
 Струилась теплота, и онъ, жалѣя свѣчки,
 Спѣшилъ скорѣй заснуть.

IV.

И такъ прошли, увы,
 Пятнадцать долгихъ лѣтъ! Пятнадцать разъ сирени
 Цвѣли среди ковра зеленой муравы,

И въ часъ, когда вокругъ длиннѣй ложатся тѣни
 И льютъ свой ароматъ весенніе цвѣты —
 Дордогой онъ встрѣчалъ влюбленныя четы.
 Онъ быстро проходилъ въ волненіи уныломъ,
 Завидуя въ душѣ фланёрамъ и кутиламъ,
 Сидѣвшимъ у кафе съ сигарами въ зубахъ.
 Онъ въ жизни зналъ одно: заботу о грошахъ,
 И все-жъ не безъ труда сводилъ концы съ концами.
 Пѣвица блѣдная, съ льняными волосами,
 Давно уже — тому двѣнадцать лѣтъ назадъ,
 Украдкой на него бросала нѣжный взглядъ,
 Но онъ застѣнчивъ былъ... и блѣдная пѣвица
 Карьеру кончила на улицѣ Bréda...
 Забыть о ней вполне не могъ онъ никогда
 И съ той поры ему дней скучныхъ вереница
 Казалася еще печальнѣй и грустнѣй...
 А мать его? Пришлось несчастному и съ ней
 Разстаться. Какъ-то разъ, часу въ четвертомъ ночи,
 Онъ самъ заврылъ ея измученныя очи.
 Она въ агоніи жестокой умерла.
 И смерть ея, какъ жизнь, печальною была.
 Когда же, проводивъ до вѣчнаго жилища
 Останки матери, вернулся онъ съ кладбища
 Въ пустыя комнаты — вдругъ сдѣлалось ему
 Понятнымъ, что онъ самъ, не нужный никому,
 Остался мальчишкой — съ сѣдыми волосами!..
 Что съ этими въ тоскѣ протекшими годами
 Ушли и молодость, и счастье, и свѣтъ...
 Что въ будущемъ ему надежды больше нѣтъ —
 Больному, хилому, съ навѣкъ остывшей кровью!..
 Что онъ, произнося съ нѣжнѣйшею любовью
 Лишь слово: матушка! любви иной не зналъ.

Освобожденья часъ немного запоздалъ;
 Привыкнувъ навсегда къ своей пассивной роли,
 Живеть онъ и теперь, какъ въ дни своей неволи:
 Скрипѣніе перомъ, прогулка и смычекъ.
 А въ домѣ, гдѣ свое влачить онъ прозябанье,
 Давно забыли всѣ его существованье,
 И поздно вечеромъ, узнавъ его звонокъ,
 Швейцаръ — сѣдой старикъ — порядкомъ одрахла́вшивъ
 И съ памятью отъ лѣтъ серьезно ослабѣвшей,
 Бормочеть, ото сна внезапно пробужденъ:
 — Несносный мальчуганъ! Опять проплялся онъ!..

1886 г.

ВПЕРЕДЪ!

(Поэма).

I.

Въ одеждѣ траурной, со скорбію во взорѣ
 У хижины своей сидятъ, смотря на море,
 Вдова погибшаго недавно моряка
 И сынъ ея. Печаль несчастныхъ глубока.
 Воспоминаніе о страшномъ ураганѣ,
 Надѣлавшемъ бѣды у береговъ Бретани,
 Преслѣдуетъ вдову... Теперь морская гладь
 Недвижна и тиха, и кто бы могъ узнать
 Въ ея поверхности — спокойной и лазурной —
 Могучій океанъ, безжалостный и бурный,
 Сгубившій осенью до двадцати судовъ,
 Разбитыхъ бурей у самыхъ береговъ?

Но тѣмъ свѣтлѣе день и солнышко яснѣе,
Тѣмъ сердце у вдовы сжимается больнѣе
При мысли о быломъ.

— «Мой бѣдный муженекъ!—

Вздыхаетъ женщина, — а право — не въ упрекъ

Ему будь сказано — отчасти

И самъ онъ виноватъ... Обязаны въ несчастьи

Мы ближнимъ помогать — я знаю, да къ чему

Бросаться въ омутъ самому

И Бога искушать? Давно такого шевала

Не видывали здѣсь, къ обѣду я собирала,

Когда сказалъ, нахмурился, Матвѣй:

«А жаль мнѣ тѣхъ, кто на морѣ... Ей-ей!»

И вышелъ. Несмотря на бурную погоду,

У пристани собралось народу

Не мало. Рыбаки, толкуя межъ собой,

Смотрѣли издали на волнъ морскихъ прибой —

Какъ вдругъ, замѣтивъ судно,

Что гибло на мели у Сентъ-Ромэнскихъ скалъ,

Матвѣй не выдержалъ и громко закричалъ:

— «Эй, лодку!» — Это безразсудно, —

Сказали многіе, а онъ на весь народъ

Какъ крикнетъ, разсердясь: — «Кажися, между нами

Трусисекъ не было, а съ вѣтромъ да волнами

Управимся, небось... Спускайте-ка мой боть,

Недаромъ носить онъ названіе: «Впередъ!»

Они отчалили... Блѣднѣя отъ волненья,

Мы ждали ихъ, но всѣ безъ исключенья,

Всѣ тамъ остались, — не спасся ни одинъ...

И ни куска отъ лодки злополучной

Найти мы не могли!.. Жанд, мой милый сынъ,

Ты обѣщалъ остаться неразлучно

При матери, сказать, что морякомъ
 Не сдѣлаешься ты?.. Латинскимъ ~~языкомъ~~
 Займися съ батюшкой, какъ самъ онъ предлагаетъ,
 Но въ море не ходи... Оно меня пугаетъ!
 Учись прилежнѣе, а тамъ,
 Богъ дастъ, священникомъ ты сдѣлаешься самъ».

II.

Но сынъ молчитъ. И сумраченъ, и тихъ,
 Онъ думаетъ о сверстникахъ своихъ,
 Которые, уѣхавъ на разсвѣтѣ,
 Въ заливѣ, тамъ, закидываютъ сѣти...
 Онъ прежде былъ проворнѣйшимъ изъ нихъ,
 За то теперь скучаетъ онъ жестоко!
 Освободясь въ обѣду отъ урока,
 Какъ любить онъ на берегу морскомъ
 Бродить одинъ, иль съ хохотомъ и визгомъ
 Каравкаться на скалы босикомъ
 И подставлять морскимъ соленымъ брызгамъ
 Свое лицо! У сына моряка
 Является глубокая тоска
 По челнокамъ съ рыбацкими снастями,
 Чтò вдалекѣ бѣгутъ подъ парусами,
 Гонимые попутнымъ вѣтеркомъ,—
 И все же онъ не будетъ морякомъ!

III.

Но дни идутъ. Въ осеннее ненастье
 Опять у береговъ случилось несчастье;
 Когда замѣтили тонувшій въ морѣ бригъ —
 Среди собравшихся раздался дружный крикъ:
 «Эй, лодеу! Да живѣй! Готовьтеса, ребята!»

И снова мать Жанн, тревожно объята,
 Блѣднѣетъ вся: «Останься, не ходи!»
 Не отвѣчая ей, съ отчаяньемъ въ груди,
 Съ расширенными завистью зрачками,
 Ребенокъ, внѣ себя, слѣдитъ за рыбаками,
 Колебляся... Но вдругъ огромная волна
 На берегъ хлынула, и въ массѣ гнѣны бѣлой
 Съ собою вынесла со дна
 Обломокъ челнока — прогнившій, почернѣлый,
 Съ истертой надписью: «Впередь!»
 Сомнѣнья нѣтъ! Отецъ его зоветъ!
 И мальчикъ, вырвавшись, съ рѣшимостію смѣлой
 Бѣжитъ къ челну, беретъ себѣ весло.
 «Отчаливай!» И лодку понесло!

Какъ бьются всѣ сердца, отъ страха замирая!
 Плынуть! Смотри... Ахъ, Дѣва Пресвятая!
 На встрѣчу имъ — громадная волна!..
 Нивакъ ихъ залило?.. Нѣтъ, лодка все видна...
 Подходить къ кораблю... Ну, въ-время поспѣли!
 Несчастный бригъ держался еле-еле!
 Смотрите-ка! Плынуть уже назадъ...
 А боть полнѣхонецъ... Бросайте имъ канатъ!
 Что? Всѣ ли спасены?— «Всѣ, братцы!»— Неужели?
 Ну, слава Господу! Табаньте, молодцы!»

Когда спасенные, а съ ними и гребцы
 Ступили на берегъ, — Жанн сказалъ рыдавшей
 Отъ счастья матери, его благословлявшей
 Своей дрожащею рукой:
 «Родная, не горюй! Отецъ доволенъ мной!»

1888 г.

ВИЮЛЕЕМСКАЯ ЗВѢЗДА.

Когда во мглѣ холодной этой ночи
Блеснула вдругъ священная звѣзда,
Къ ней возвели благоговѣнно очи
Лишь пастухи, стерегшіе стада.

И Господа Всевышняго возславя
И въ руки взявъ дорожный посохъ свой
Они — овецъ и возъ своихъ оставя —
Пошли во слѣдъ за чудною звѣздой.

Другіе же — искавшіе наживы —
Свое добро остались стеречь,
И бѣдняковъ восторги и порывы
Ихъ не могли на новый путь увлечь.

Когда же тѣ, вернувшись, объявили,
Что за звѣздой, которая, блестя,
Свѣтила имъ, во хлѣвъ они вступили
И въ ясляхъ тамъ покоилось Дитя, —

Дитя-Христось! — Надъ ихъ глубокой вѣрой
Глумилися: богатый и гордецъ,
Твердя: «Пока гнались вы за химерой —
У васъ самихъ расхитили овецъ!»

II.

Но бѣднякамъ — апостоламъ Христовымъ,
Не страшною казалась нищета,

Имъ — отдавать послѣднее готовымъ,
Дѣлиться всѣмъ отъ имени Христа.

И, слѣдуя закону всепрощенья,
Безропотно въ смиреніи своемъ
Апостолы сносили оскорбленья
И всѣмъ за зло платили лишь добромъ.

Гонимые — подъ сѣнью ивъ плакучихъ
Они въ ночи молилися Творцу,
И на плечахъ, согбенныхъ, но могучихъ
Несли домой заблудшую овцу...

Какъ Самъ Христось, врачаю бѣсноватыхъ,
Врачаю боль и тѣла, и души,
Они всегда прощали виноватыхъ,
Сказавъ: «Иди и больше не грѣши».

Другіе же — скупцы и фарисей,
Дрожавшіе надъ золотомъ своимъ,
Преслѣдуя апостоловъ идеи,
Въ душѣ своей завидовали имъ,

Трудящимся, великимъ во смиреніи,
Несущимъ гнетъ страданій и нужды,
Имъ — бѣднякамъ, въ чьихъ взорахъ отраженъ
Свѣтилося евангельской звѣзды!

III.

И въ наши дни является порою
Звѣзда любви, добра и красоты

И въ міръ иной зоветь насъ за собою
Изъ міра жи и пошлой суеты.

И ты, поэтъ, живущій лишь мечтою,
Чья плоть слаба, но чей безстрашенъ духъ —
Иди вослѣдъ за этою звѣздою,
Какъ въ оны дни евангельскій пастухъ.

Иди—глухой къ ихъ оргіи нахальной,
Не преклонясь предъ капищемъ боговъ —
Въ тотъ Вилеємъ священный, идеальный,
Гдѣ миръ царить, гдѣ — правда и любовь.

И если ты, идя во мракѣ ночи,
Не разглядишь зіяющей обрывъ —
Умри, бѣднякъ, восторженныя очи
Къ своей звѣздѣ священной устремивъ.

1887 г.

ADAGIO.

Глухая улица. Безмолвіемъ объята,
Она веда къ полямъ, и лѣтомъ, въ часъ заката,
Изъ города спѣша, я проходилъ по ней
Съ мечтою, спутницей обычною моею.
Тамъ на углу былъ домъ, казавшійся тюрьмою.
Вечерній вѣтерокъ прохладною струею
Съвозъ ставень запертый не проникалъ туда;
Но, мимо проходя, я слышалъ тамъ всегда
Исполненный рукой артистки неизвѣстной

Мотивъ *adagio*—старинный и прелестный.
 Царила тишина. Я шель, нотупивъ взоръ,
 Смотри разсѣянно на зелени коверъ
 И грустный, что подчасъ случается съ влюбленнымъ.
 Оттѣнеомъ розовымъ, порой блѣдно-зеленымъ,
 Окрашивалась даль, и въ этотъ тихій часъ
 Мелодія ко мнѣ знакомая неслась.
 Рояль, казалось, пѣлъ взволнованно и нѣжно;
 Онъ полонъ былъ тоски и грусти безнадежной—
 Воспоминанія печальнаго о томъ,
 Кого ужъ нѣтъ, и звукъ чуть замиралъ потомъ
 Въ какомъ-то горестно-восторженномъ экстазѣ...
 Я представлялъ себѣ цвѣты въ старинной вазѣ,
 Благоуханье ихъ, зеркаль угрюмый радъ,
 Въ углу мужской портретъ, его надменный взглядъ,
 Узоры строгіе на драпировкѣ темной,
 Въ тѣни лампы свѣтъ, мерцающій и скромный,
 Рояля клавиши, съ ихъ тусклой бѣлизной...
 Прохладой, музыкой, вечерней тишиной
 Былъ воздухъ напоенъ, и въ ихъ очарованьи
 Здѣсь изливалось незримое страданье.
 Но съ каждымъ днемъ рояль слабѣлъ и замиралъ,
 И осенью его я больше не слыхалъ...

Съ тѣхъ поръ я прохожу дорогою иною,
 Встрѣчаться не люблю я съ шумною толпою,
 И жаль мнѣ отъ души завѣтный уголокъ.
 Въ немъ много переменъ случилось въ этотъ срокъ,—
 Рѣзвиться и шумѣть тамъ дѣти полюбили,
 А изъ другихъ домовъ доносятся кадрили...

1885 г.

ВЪ ЛУВРЪ.

Однажды—это былъ проступокъ необычный—
 По Лувру проходя, среди красотъ античной
 Скульптуры, я мечтой причудливой моей
 Унесся далеко. Покинутый музей
 Въ палящій лѣтній жаръ исполненъ былъ прохлады,
 Дышали мраморы божественной Эллады
 Неувядаемой, чудесной красотой,
 И забывался миръ — тревожный и пустой.

Передъ Полимніей, въ іюльскій вечеръ знойный,
 Я увидалъ ее; она рукой спокойной
 Чертила, заноса въ подержанный альбомъ
 Эскизъ. Бѣдняжка! Съ пей остались мы вдвоемъ;
 Неловко примостясь на узкомъ табуретѣ,
 Она работала, и въ скромномъ туалетѣ
 Видѣлись бѣдности знакомыя черты:
 Поношенный манти, убогіе цвѣты
 На шляпѣ, — все объ ней твердило очевидно.
 Но блѣдное лицо казалось миловидно
 Съ роскошной рамкою каштановыхъ волосъ,
 И, имъ любуясь, я не рѣшилъ вопросъ —
 Что было въ ней вполне классически прекрасно?
 Глубокіе глаза глядѣли дѣтски ясно,
 Сіяя творчества священнаго огнемъ;
 Встрѣчая этотъ взоръ, угадывалъ я въ немъ
 Всю повѣсть краткую судьбы ея смиренной.
 Отецъ, конечно, былъ какой нибудь военный
 Въ отставкѣ, матери лишилася она,
 А потому всегда бывала здѣсь одна.

Вначалѣ дѣвушка не сознавала чувства
 Античной красоты, но скоро міръ искусства
 Раскрылся передъ ней, и прежній тяжкій трудъ
 Ей много даровалъ счастливейшихъ минутъ.
 Весь отдаваясь какой-то смутной грезѣ,
 Я представлялъ себя въ поношенной варѣзѣ
 Художника. Въ виду Полимній и Діанъ
 Завязывался здѣсь наивный нашъ романъ.
 Рисунокъ послужилъ предлогомъ для сближенья...
 О, взгляды, полные восторга и смущенья!
 Ихъ часто прерывалъ непрошенный приходъ
 Какихъ-то зрителей; но время шло впередъ,
 И мы сближались (ее пугалъ вначалѣ
 Нашъ сторожъ, на скамьѣ всегда дремавшій въ залѣ).
 Все улыбалось намъ — надежды и труды...
 Порою, съ красками я приносилъ плоды
 Въ рабочемъ ящикѣ (они немного мялись),
 Но, раздѣляя ихъ, мы весело смѣялись
 Подъ покровительствомъ классическихъ боговъ —
 Свидѣтелей давно исчезнувшихъ вѣковъ!
 Они улыбкой насъ, казалось, поощряли,
 Мечтая о любви наивной пасторали...

1885 г.

ФАРАОНЪ.

Египта властелинъ скончался. Онъ со славой
 Навѣки опочилъ подъ сѣнью величавой
 Гробницы царственной и въ траурѣ Мемфисѣ.
 Но вотъ на тронъ отца вступилъ Аменофисъ.

Въ вѣнцѣ, украшенномъ виперою священной,
 Со взоромъ огненнымъ, недвижный и надменный,
 Съ какимъ-то мраморнымъ спокойствіемъ въ чертахъ,
 Съ улыбкой странною, застывшей на устахъ,
 Выслушиваетъ онъ въ палатѣ золоченой,
 Гдѣ вьется легкій дымъ куреній благовонный,
 Привѣтствія жрецовъ и воиновъ изъ Оивъ.
 Грамматиковъ глава, колѣна преклонивъ,
 Сулить во всемъ успѣхъ и славу фараону:
 — «Привѣтъ тебѣ, нашъ царь! Со всей земли ко трону
 Стекаяся твоему, мы шлемъ тебѣ привѣтъ.
 Цари же надъ страной Египта много лѣтъ,—
 Лишь милостью твоей на нильскія долины
 Шлютъ изобиліе Изида, Фрей и Пта.
 Тебѣ — всѣ радости и счастья полнота,
 Къ ногамъ твоимъ падутъ вожди и властелины.
 Недостигаемой достигнувъ высоты —
 Скажи, повелѣвай, чего желаешь ты?
 Всѣ жатвы, всѣ дары Изиды плодородной
 Тебѣ принадлежать, и смертію голодной
 Ты могъ бы уморить обширную страну.
 Прикажешь — мы начнемъ кровавую войну,
 И плѣнные вожди въ оковахъ вереницей
 Пойдутъ за царскою твоею колесницей.
 Наслѣдственныхъ земель расширишь ты предѣлъ,
 Свершивъ со славою ряды великихъ дѣлъ.
 Но если любишь ты изящныя искусства,
 Чарующія взоръ, ласкающія чувства, —
 Подай лишь знакъ одинъ, — и сотни молодыхъ
 Невольницъ Азіи въ уборахъ дорогихъ,
 Блистая красотой, съ богатою повязкой
 Въ роскошныхъ волосахъ, своей восточной пляской

Готовы развлекать тебя, о фараонъ!
 Но если, жаждою безсмертья увлеченъ,
 Ты хочешь памятникъ воздвигнуть величавый,
 Съ которымъ на ряду казалась бы забавой
 Пустою каждая изъ древнихъ пирамидъ,—
 Приказывай скорѣй, и подданныхъ мильоны
 Воздвигнуть зданія гигантскаго колонны.
 Все, славный фараонъ, тебѣ принадлежитъ:
 Бѣднякъ-ремесленникъ, сидящій за работой,
 И воинъ-гражданинъ въ кольчугѣ съ позолотой,
 Всѣ люди, отъ раба до главнаго жреца.
 Твое могущество — безъ мѣры и конца,
 Приказывай скорѣй. Нашъ долгъ — повиновенье».

Онъ смолелъ, и всѣ кругомъ, въ нѣмомъ благоговѣннѣ
 Простерлись предъ царемъ. Но, бросивъ гнѣвный взоръ,
 Въ которомъ вспыхнули презрѣнныя и укоръ
 Невольный, на рабовъ простертыхъ вереницу,
 Онъ громко произнесъ:

«Постройте мнѣ гробницу!»

1886 г.

ПѢСНЬ О КЛЕЙМОРѢ.

(Изъ драмы «Якобиты».)

Съ тѣхъ поръ, какъ утрачена сила
 И смолкнулъ рожокъ боевой,
 Шотландія мечъ схоронила
 Въ степи, подъ высокой травой.
 Въ ущельѣ, далеко отъ взора,
 Гдѣ грозно царить тишина, —

Лежить подь землю влеймора
И мщенія жаждетъ она.

Тебя отнимають, влеймора,
Какъ взяли у насъ короля,
Но часъ твой ужъ близоеъ и скоро
Возстанетъ родная земля!
Мы смоемъ сознанье позора,
Ты вновь заблесташь въ борьбѣ.
Да будетъ отнынѣ, влеймора,
Честь наша — ножнами тебѣ.

На горной вершинѣ туманной
Орлы обитають одни,
Отчизна вѣрна постоянно,
Вѣрна и храбра, какъ они.
И снова, для мести сзывая
Къ оружью ея сыновей,
Ты явишься, сталь боевая,
Возставъ изъ могилы своей.

1886 г.

МЕНУЭТЪ.

I.

Графиня! Тотъ завѣтный менуэтъ,
Что вы со мной когда-то танцовали, —
Онъ не забыть? И дворъ, и высшій свѣтъ
Признали васъ царицею на балѣ,

Восторговъ дань неслася вамъ во слѣдъ,
 А скрипки такъ божественно звучали,
 Напѣвъ ихъ былъ плѣнительно-игривъ,
 Какъ нашихъ душъ сочувственный мотивъ...

II.

Среди дубравъ, такую нотой чистой
 Звучить, порой, далекая свирѣль,
 Такъ льется въ высь, съ зарею золотистой,
 Пѣвца весны раскатиная трель,
 И ключъ журчитъ струею серебристой!
 Мотивъ Рамд мнѣ памятенъ досель:
 Такъ могъ писать маэстро знаменитый,
 Теперь, увы! конечно, позабытый...

III.

Вы красотой чарующей своей
 Плѣняли всѣхъ: солидные особы
 И молодежь склонялися предъ ней...
 Восторги ихъ вы видѣли (еще бы!)
 И съ граціей полувоздушныхъ фей,
 Чуть-чуть поднося края роскошной робы,
 Скользили вы подъ музыки мотивъ,
 А я мечталь, о таятъ забывъ...

IV.

Лукаво свой вы потупляли взоръ,
 Когда въ толпѣ соперницъ миловидной
 Украдкой вамъ шептали приговоръ

Уста подругъ съ улыбкою ехидной...
 И при большой репризѣ въ la mineur,
 Любуясь ихъ досадою очевидной,
 Вы пропустить изволили кадансъ,
 Забывъ, увы! исполнить реверансъ!..

1886 г.

ТРИ ЖЕЛАНІЯ.

Я голубя просилъ: — О, взвейся надъ полями
 И мнѣ добудь любви таинственный цвѣтокъ,
 Чтò разцвѣтаетъ тамъ, за дальними краями...

Онъ отвѣчалъ: — «Нѣтъ, слишкомъ путь далекъ!»

И я просилъ орла: — Направь полетъ чудесный,
 Къ бѣгущимъ облакамъ, чтò мчатся на востокъ,
 И для меня съ высотъ добудь огонь небесный...

Онъ отвѣчалъ: — «Нѣтъ, къ небу путь высокъ!»

Я коршуна просилъ: — О вырви, умоляю,
 Зловѣщую любовь, чтò словно лютый звѣрь
 Терзаетъ сердце... Я въ борьбѣ изнемогаю? —

Онъ отвѣчалъ: — «Не поздно ли теперь!..»

1886 г.

РОМАНСЪ.

Если вижу я чудныя розы,
 Сердце больно сожмется на мигъ,
 И невольныя выступятъ слезы:

Я, при взглядѣ на чудныя розы,
Вспоминаю возлюбленный ликъ.

Если вижу звѣзду золотую, —
Меркнетъ яснаго неба просторъ
Предо мной — я безумно тоскую,
И, увидѣвъ звѣзду золотую,
Вспоминаю возлюбленный взоръ.

Если ласточекъ рѣзвая стая
Къ берегамъ отлетаетъ инымъ, —
Сердце тяжело болитъ, замирая,
И, увидѣвъ, какъ вьется ихъ стая,
Надъ изгнаннымъ я плачу моимъ.

1886 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Не то, чтобы вполнѣ классически прекрасна
Казалась она, —
Но въ пору юности всегда любовь опасна,
Когда цвѣтетъ весна.

Не то, чтобы она казалась надменной, —
Но страхъ я испыталъ,
Когда слова любви, почтительно смиренной,
Ей на ухо шепталъ.

Не то, чтобы восторгъ блаженства безпредѣльный
Звучалъ въ ея рѣчахъ, —

Но я — я имъ внималъ съ любовью неподдѣльной
И съ пламенемъ въ очахъ.

Не то, чтобы она казалася жестокой, —
Но былъ я позабытъ...
И сердце, послѣ дней печали одинокой,
Все ноетъ и болитъ.

1886 г.

ПОДЪ ВѢТВЯМИ.

Утомленная нѣгою бала,
Дорогая подруга меня
До калитки въ саду провожала,
Гдѣ мой конь ожидалъ у плетня.

Несмотря на призывъ ригурнели,
Запоздали мы съ нею въ саду,
И неслышно минуты летѣли
Въ очарованномъ, сладкомъ бреду.

Проходили мы дальней дордгой,
Проходили дордгой лѣсной,
Сердце странною билось тревогой,
Я сжималъ ея руку порой...

Поцѣлуйи подѣ свѣжею сѣнью
Были звучною риемой для словъ...
И, блестя межъ душистой сиренью,
Загорались огни свѣтляковъ.

Подъ навѣсомъ листвы изумрудной
 Было тихо: не дрогнуль листокъ...
 Словно грѣзы таинственно-чудной
 Потревожить не смѣлъ вѣтерокъ.
 1886 г.

МИЛОСТЫНЯ.

Пороку вечеромъ, куря свою сигару,
 Я видѣлъ изъ окна, какъ шла по троттуару
 Та женщина, чтò всѣ продажною зовуть.
 А тутъ же, у воротъ найдя себѣ пріютъ,
 Дремала дѣвочка — фіалокъ продавщица,
 Которыми полна блестящая столица.
 И что же? Женщина безъ чести и стыда
 Ждала, когда заснетъ бѣдняжка, и тогда,
 Тогда лишь, подойдя походкой торопливой
 Къ бездомной дѣвочкѣ, заснувшей мирнымъ сномъ, —
 Ей милостыню дать старалася тайкомъ...

Вѣдь ты простишь ее, о Боже справедливый?
 1888 г.

ЛИЛІЯ.

Въ уборной на столѣ лучи косые свѣта
 Скользили змѣйкою по золоту браслета,
 По чуднымъ яхонтамъ, алмазамъ, жемчугамъ...
 И отъ сіянія всѣхъ этихъ ожерелій,

Камеевъ дорогихъ, изъ золота издѣлій
Мнѣ больно дѣлалось глазамъ!

А рядомъ, на окнѣ, забыта въ вазѣ скромной,
Полускрываясь за драпировкой темной
Высокаго окна,
Какъ будто этотъ блескъ нахальный презирая —
Большая лилія склонилась, увядая,
Задумчиво блѣдна!

1888 г.

ИЗЪ СЮЛЛИ ПРЮДОМА.

ОТРЕЧЕНІЕ.

Я бытъ желалъ бы во вселенной
Потомкомъ славныхъ королей,
Что блескомъ власти неизмѣнной
Царятъ надъ массамаи людей.

Я бытъ желалъ бы властелиномъ
Далекихъ Азіи племень,
Гдѣ рабъ доселѣ господиномъ
Къ повиновенью приученъ.

Я жажду почестей кумира,
Чтобъ, трепеща передо мной,
Склонились въ прахъ двѣ трети міра,
Какъ поле ржи передъ грозой.

Чтобъ, въ видѣ дани, отовсюду
Судовъ тянулася гурьба,
Неся: плодовъ заморскихъ груды
И винъ старинныхъ въ погреба;

Сребра и золота — въ палаты;
Въ конюшни — рѣзвыхъ скакуновъ,
И мрамора запасъ богатый,
И драгоценнѣйшихъ ковровъ!

Толпу красавицъ побѣжденныхъ
Я скрылъ бы въ комнатахъ дворца —
Прелестныхъ плѣнницъ, уведенныхъ
Отъ мужа, брата или отца.

И безъ соперниковъ страню
Я бы обширною владѣлъ,
Не зная, что придетъ за мною
И гдѣ могуществу предѣлъ...

Тогда бы я (о мигъ прекрасный!) —
Собравъ народъ и пышный дворъ,
Передъ толпой подобострастной
Сорвалъ блистающій уборъ.

Излилъ богатства, какъ бѣгущій,
Съ вершины хлынувшій, потокъ,
Чтобъ изъ него всякъ неимущій
Рукою полной черпать могъ.

И всѣмъ, томящимся въ чужбинѣ
Подъ игомъ плѣна роковымъ,
Отчизну-бъ я вернулъ огниѣ —
И самымъ знатнымъ, и простымъ.

Богатый выкупъ образцовымъ
Своимъ войскамъ я-бъ отдалъ въ даръ

И виночерпѣямъ дворцовымъ
Дозволилъ пить изъ царскихъ чаръ.

Черезъ рвы и башенныя стѣны
Рабовъ, по прихоти своей,
Я самъ бы выпустилъ изъ плѣна,
Какъ стаю вольныхъ голубей.

Прелестнымъ дѣвушкамъ и вдовамъ
Я-бъ даровалъ свободу всѣмъ
И распустилъ единымъ словомъ
Свой многочисленный гаремъ. —

Дабы могли онѣ свободно
Къ роднымъ вернуться очагамъ,
Къ труду и жизни благородной,
Туда, гдѣ мѣста нѣтъ рабамъ...

А я — мечтатель убѣжденный,
Что любить солнце и просторъ,
Кому и вольно заключенный
Тяжелъ бываетъ договоръ —

На дальнемъ островѣ, безбурно,
Провелъ бы я остатокъ дней,
Гдѣ небо чисто и лазурно
Надъ гладью свѣтлою морей;

Гдѣ посреди песковъ прибрежныхъ
Не становились якоря,
И надъ пучиной водъ безбрежныхъ
Встаютъ лишь тучи да заря;

Куда душевные недуги
 Не проникаютъ никогда.
 — «Пойдемъ, — сказалъ бы я подругѣ, —
 Изъ міра шумнаго туда,

Гдѣ пальмы въ лѣсѣ полутемномъ
 Цвѣтутъ, съ ліанами сплетясь,
 И гдѣ въ одномъ цвѣтѣѣ огромномъ
 Мы оба спрячемся какъ разъ...»

1885 г.

ПОЭТАМЪ БУДУЩАГО.

Пѣвцы грядущаго! Всѣ тайны міровыя
 Отъ васъ вселенная узнаетъ наконецъ,
 И ярко озаритъ свѣтильнигъ вашъ впервые
 Причины дѣйствія, начало и конецъ.

Вашъ стихъ — онъ освѣтитъ безсмертныя идеи,
 Когда закроетъ насъ могильная плита,
 И мы сойдемъ во мракъ, ничтожныя пигмеи,
 И смолкнетъ голосъ нашъ, закроются уста...

Но вспомните, что мы поемъ любовь и розы
 Въ суровый вѣкъ, когда орудій слышенъ громъ,
 Для тѣхъ, кому въ удѣлъ даны судьбою слезы:
 Жалѣйте же о насъ, боровшихся со зломъ;
 Толпою къ вамъ сойдутъ счастливейшія грезы
 И міръ страданія вамъ будетъ незнакомъ.

1885 г.

У Р Ъ К И.

Слѣдить вдвоемъ, какъ между берегами
     Блестить рѣва;
 Какъ тѣнь бѣжить надъ синими холмами
     И облака;
 Какъ вьется дымъ изъ хижинъ; за оградой
     Идетъ обозъ —
 И жадно пить, съ вечернею прохладой,
     Дыханье розъ;
 Внимать, когда несется изъ обрыва
     Трель соловья
 И, наклонясь, чуть слышно шепчетъ ива
     У водъ ручья;
 Забыть, пока продлится сновидѣнье,
     Часовъ полеть,
 Забыть весь міръ въ волшебномъ упоеньи
     И жизни гнеть;
 Узнать, что все пройдетъ невозвратно,
     Какъ рядъ годовъ,
 И что горить въ душѣ неугасимо
     Одна любовь!

1885 г.

ИЗЪ ПОЛЯ ДЕРУЛЕДА.

РАЗГОВОРЪ.

КАПИТАНЪ.

Здорово, рекрутъ. Молодчина!
Кто родомъ ты? Откуда взять?
Знакомъ ли съ долгомъ гражданина?
Слыхалъ, что значить: дисциплина
И званье славное: солдатъ?
Не унывай, къ чему кручина?
Ну, подойди же, молодчина!
Кто родомъ ты? Откуда взять?

РЕКРУТЪ.

Въ Турени былъ я винодѣломъ,
Прощенья просимъ, капитанъ!
У насъ любимъ въ селеньи дѣломъ —
(Мы родомъ, значить, изъ крестьянъ)
Я счастливъ былъ, всегда за дѣломъ...
Зачѣмъ меня изъ нашихъ странъ,

Гдѣ былъ я мирнымъ винодѣломъ,
Въ солдаты взяли, капитанъ?

КАПИТАНЪ.

Мой другъ, но что же тутъ дурного?
Зачѣмъ не любишь ты войны?
Намъ нѣтъ отечества другого,
Единой Франціи сыны —
Въ защиту края, намъ родного,
Соединиться мы должны.
Мой другъ, но что же тутъ дурного,
Зачѣмъ не любишь ты войны?

РЕКРУТЪ.

Въ войнѣ я толку вижу мало
И мнѣ не нравится она.
Я жилъ въ углу своемъ, бывало,
Гдѣ всюду миръ да тишина.
Солдатомъ быть мнѣ не пристало,
А гибель каждому страшна...
Въ войнѣ я толку вижу мало,
И мнѣ не нравится она.

КАПИТАНЪ.

Такъ вотъ ихъ цѣли и стремленья!
Такъ вотъ желанье ихъ сердець!
Для нихъ ничто — освобожденье,
Лишь бы скорѣй войнѣ конецъ!
Пусть мы выносимъ оскорбленья,
Отчизна гибнетъ, наконецъ...
Такъ вотъ ихъ цѣли и стремленья,
Такъ вотъ желанье ихъ сердець!

О, жалкій умъ! Скажи, несчастный,
 Иль ты сознанія лишенъ?
 Беречь себя въ борьбѣ опасной,
 Когда врагомъ ты побѣжденъ!
 Войну находишь ты ужасной,
 А врагъ — тебѣ милѣе онъ?
 О, жалкій умъ! Скажи несчастный,
 Иль ты сознанія лишенъ?

РЕКРУТЬ.

Но въ битвахъ этихъ неужели
 Не обошлся бы безъ насъ?
 Отецъ мой бродить еле-еле,
 Въ хозяйствѣ нуженъ глазъ да глазъ.
 Зачѣмъ я рослый, въ самомъ дѣлѣ?
 Другихъ-то развѣ нѣтъ у васъ?
 И въ битвахъ этихъ неужели
 Не обошлся бы безъ насъ?

КАПИТАНЪ.

Къ служенью родинѣ избранный,
 Пойми, мужикъ, что это — честь,
 Ты призванъ быть ея охраной
 И долгъ бойца со славой несть.
 Пусть часъ придетъ давно желанный
 И мы свершимъ святую месть!
 Къ служенью родинѣ избранный —
 Пойми, мужикъ, что это — честь.

РЕКРУТЬ.

Прощенья просимъ, не взыщите,
 Коль я неладное сказалъ.

У насъ болтали такъ, подите!
 Спроста я то же повторялъ.
 А словъ о чести да защитѣ
 Я отродясь и не слыхалъ...
 Прощенья просимъ, не взыщите,
 Коль я неладное сказалъ.

КАПИТАНЪ.

Ты видишь крестъ передъ собою,
 Прочти, на немъ лишь пара словъ:
 Отчизна, честь! — для насъ съ тобою
 Въ нихъ — долгъ, обязанность, любовь!
 Вотъ знамя наше, надъ странкою
 Оно — священнѣйшій покровъ.
 Ты видишь крестъ передъ собою,
 Не забывай же этихъ словъ.

РЕВРУТЬ.

Сознаюсь прямо: грамотѣмъ
 И не бывалъ я никогда.
 Читать мы дома не умѣемъ —
 Вотъ въ этомъ, видно, и бѣда:
 Понявъ «отчизну», мы успѣемъ
 И «честь» осилить безъ труда;
 А я, признаться, грамотѣмъ
 И не считался никогда.

КАПИТАНЪ.

Сознайся ты безъ замедленья —
 Я-бъ извинилъ тебя тотчасъ, —
 Душой ты ищешь просвѣщенья,
 И ты найдешь его у насъ.

Невѣжество — не преступленье,
 За дѣло! Твой настанетъ часъ!
 Сознайся ты безъ замедленья —
 Тебя я понялъ бы тотчасъ.

1886 г.

ГООНИИЛЪ.

(Повѣсть).

I.

Въ Месопотаміи царилъ тогда Хузанъ,
 Во власть котораго и предалъ Іудею
 Разгнѣванный Господь, народъ Израильтянъ
 Жестоко покаравъ десницею Своею.

Съ тѣхъ поръ не для себя трудился въ полѣ жнецъ
 И пасъ не для себя пастухъ въ долинѣ стадо,
 Въ домахъ не для себя прядла шерсть овецъ
 И выжимался сокъ изъ гроздій винограда.

Сѣкиру острую и дальнобойный лукъ —
 Все отняли враги, оставивъ побѣжденнымъ
 Взамѣнъ оружія лишь заступы да плугъ,
 Снабженный на концѣ желѣзомъ заострѣннымъ.

Неволя длилася ужъ болѣе трехъ лѣтъ —
 И возрощалъ народъ подъ бременемъ печали.
 Когда старѣйшины сошлись на совѣтъ,
 Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Довольно мы страдали.

Карая насъ, Господь намъ даруетъ затѣмъ
 Прощеніе. Но гдѣ найти Гоооніла,
 Которымъ былъ сраженъ въ бою Хусарсаемъ?..»
 — «Рука Всевышняго героя сохранила, —

Сказалъ одинъ левитъ: живетъ Гооонілъ, —
 Убѣжимъ ему родныя служить горы,
 Въ разщелинѣ скалы свой мечъ онъ схоронилъ,
 А вѣрное копье — у корня сивоморы».

— «Живетъ Гооонілъ! — въ толпѣ со всѣхъ сторонъ
 Послышалось, — избрать вождемъ Гоооніла,
 Кѣмъ былъ Хусарсаемъ когда-то побѣжденъ,
 И съ нимъ вернутся къ намъ могущество и сила».

Немедля ото всѣхъ двѣнадцати колѣнъ
 Двѣнадцать посланныхъ отправились гонцами.
 — «Повѣдайте ему про нашъ поворный плѣнъ,
 Побѣда будетъ съ нимъ, когда онъ будетъ съ нами».

Блуждая по лѣсамъ, гонцы на пятый день
 Пришли къ ущелію, гдѣ высились стѣною
 Уступы грозные, вокругъ бросая тѣнь...
 Какой-то человѣкъ стоялъ надъ крुтизною.

Орлиный взоръ его задумчивъ былъ и строгъ;
 Съ оружіемъ въ рукахъ и полуобнаженный,
 Съ сѣдою бородой, спокоенъ какъ пророкъ
 И грозенъ, какъ боецъ, въ сраженьяхъ заваленный,

Къ гонцамъ онъ подошелъ и тотчасъ же они
 Поверглися во прахъ, страшась его отказа:

— «Хвала Всевышнему! Придутъ иные дни!
Къ тебѣ, Гоѳонилъ — великій сынъ Кенаса,

Израиль насъ послалъ. Мы вѣруемъ и ждемъ.
По слову твоему дружины выйдутъ въ поле;
Скажи, готовъ ли ты, явися ихъ вождемъ,
Спасти родимый край отъ тягостной неволи?»

Но, мрачно покачавъ сѣдою головой,
Гоѳонилъ, храня все тотъ же видъ суровый,
Исчезъ за темною нависшею скалой,
Отвѣтивъ посланнымъ: «Нельзя. Вы не готовы».

II.

Израиля сыны, отвѣтъ его узнавъ,
Пришли въ смятеніе, мудрѣйшіе же, сами
Размысливъ обо всемъ, рѣшили: «Да, онъ правъ,
Господь намъ говоритъ учителя устами.

Да, надо вѣровать, надѣяться, желать,
Нужны усилія и время, и терпѣнье;
Вождя избрали мы — составимъ прежде рать
И втайнѣ совершимъ свои приготавленья».

И вотъ, по всей странѣ — въ долинахъ и горахъ
Работа началась, полночною порою
Желѣзо плавилъ въ громаднѣйшихъ кострахъ,
И свѣтъ ихъ погасалъ лишь съ утренней зарею.

Два года минуло, два раза на лугахъ
Успѣли отцѣсти роскошныя лилеи.

И снова тѣ-жь гонцы, съ оружіемъ въ рукахъ,
Пошли на поиски въ пустыню Іудей.

И снова ихъ очамъ предсталъ Гоѳоніилъ,
У свѣтлыхъ водъ ручья, колѣнопреклоненный,
Старинное копьѣ о камень онъ точилъ
И тутъ же мечъ лежалъ, недавно заостренный.

Счастливымъ этотъ знакъ порадовалъ гонцовъ.
— «Отецъ,—сказалъ левитъ: рѣчей твоихъ значенье
Мы такъ ли поняли? Мы создали бойцовъ.
Народъ вооруженъ и ждетъ освобожденья».

Гоѳоніилъ молчалъ. — «Отецъ! тебя моля,
Стоять сыны твои, веди же въ бой дружины.
Верни свободу намъ, и жатвы, и поля,
Зеленые лѣса, цвѣтуція равнины.

Верни намъ мирный сонъ подъ сѣнію шатровъ,
Трапезы братскія, при свѣтѣ звѣздъ лучистыхъ,
И, пурпуромъ одѣтъ, пускай омоетъ кровь
Израиль нашъ въ волнахъ потока серебряныхъ.

О, вождь, избавь народъ отъ горя и обидъ,
Сними съ сыновъ твоихъ позорныя оковы!» —
И вновь Гоѳоніилъ, храня суровый видъ,
Отвѣтилъ посланнымъ: «Нельзя. Вы не готовы».

III.

Узнавъ отвѣтъ его, Израиль возопилъ:
— «Не слушайте его! Къ оружію!» — Но снова

Рѣшили мудрые: «Нѣтъ, правъ Гоэонилъ,
И нынѣ, какъ тогда, не все у насъ готово.

Мы дѣло довести не сможемъ до конца
Со слабой волею и духомъ развращеннымъ.
Вооруживъ страну, — вооружимъ сердца,
Иль быть Израилю на вѣкъ порабоченнымъ».

Въ народѣ поняли всю правду этихъ словъ
И дружно принялись за дѣло возрожденья,
И каждый повторялъ другому: «Будь готовъ
Когда для насъ придетъ пора освобожденья». —

Два года минуло. И вотъ настали дни
Пасхальные. Народъ по прежнему толпами
Собрался, но мужи явились одни
На этотъ разъ, и всѣ съ тяжелыми мечами.

Усѣвшись вокругъ пылающихъ огней,
Бесѣдовали всѣ о радостной надеждѣ —
Но безъ надменности упорной прежнихъ дней,
Безъ легкомыслія опаснаго, какъ прежде.

— «Когда Всевышній Богъ, уже пославшій намъ
Могущество, пошлетъ побѣду надъ врагами —
Пусть наши бѣдствія являются сынамъ
Урокомъ, и они не повторятъ съ годами

Ошибки ихъ отцовъ. Стумѣемъ, сохранивъ
Священный миръ, вкусить всѣ сладости свободы,
Работать надъ собой, трудиться, не забывъ
Во дни величія про испытанья годы!» —

Такъ въ поздній часъ народъ, собравшись, говорилъ,—
 И вдругъ, отерывшись по волѣ Іеговы, —
 Изъ мрака выступилъ впередъ Гооонилъ,
 Съ сѣкирою въ рукѣ, промолвивъ: «Вы готовы!»
 1887 г.

ТРУБАЧЪ.

— «О, нѣтъ, друзья мои, пусть я ничѣмъ не буду!»
 Такъ въ пѣсняхъ повторялъ нашъ Беранже старикъ.
 Его девизъ простой и самъ я не забуду —
 Учителя смиренный ученикъ.
 Не изъ апатіи иль личнаго разсчета
 Я не касаюся рѣшенія задачъ;
 Другіе явятся и закипятъ работа,
 А я — не больше, какъ трубачъ.

Дордою прямой хочу идти я смѣло,
 Свободно чувствовать, открыто думать вслухъ,
 И если я громлю позорнѣйшее дѣло
 Иль съ уваженіемъ касаюся заслугъ, —
 Пускай я каждому сказать имѣю право:
 — Мой судъ прямой и я не льстецъ и не палачъ,
 Дороже мнѣ всего моей отчизны слава,
 И я — не больше, какъ трубачъ.

Въ позорный этотъ часъ, когда, терпя страданья
 Безмолвно сносить ихъ моя отчизна-мать, —
 Пускай я буду тѣмъ, кто будитъ въ ней сознанье
 И можетъ ненависть свободно изливать,

И если я враговъ бичую ежечасно,
 И если вызовъ мой несдержанъ и горячъ, —
 Пусть родина моя тутъ будетъ непричастна:
 Вѣдь я — не больше, какъ трубачъ.

Я въ цѣли избранной стремлюсь неутомимо
 И вижу предъ собой назначенный мнѣ путь,
 Одною думою душа моя томима,
 Одною надеждою живетъ и дышетъ грудь:
 Скорѣе на врага безъ страха и сомнѣнья!
 Возможно-ль воину бояться неудачъ,
 Предвидя вдалекѣ возможность пораженья?
 Но я — не больше, какъ трубачъ.

Другіе думаютъ, что время — примиритель
 Но нѣтъ забвенія, возможна только месть!
 Чрезмѣрно былъ жестокъ и дерзокъ побѣдитель
 И слишкомъ глубоко затронулъ нашу честь.
 Какъ прежнее вернуть? — Пускай рѣшатъ другіе;
 Недугу грозному помочь съумѣетъ врачъ,
 Я-жь бодрость вамъ верну, о братья дорогіе,
 Но я — не больше, какъ трубачъ.

Одной заботою всецѣло поглощенный,
 Съ границы вражеской я не спускаю глазъ,
 Я брежу Франціей моею нераздѣленной,
 Надеждою вернуть отторгнутый Эльзасъ.
 Я десять лѣтъ живу все тѣми же мечтами,
 Но мнѣ не суждено рѣшеніе задачъ:
 Тутъ нуженъ вождь, герой — онъ явится межъ нами,
 А я — не больше, какъ трубачъ.

1887 г.

ИЗЪ ПОЛЯ БУРЖЕ.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

(Поэма).

I.

Сегодня ей минуло тридцать лѣтъ.
И въ этотъ день — для женщины печальный,
Когда красы и молодости цвѣтъ
Сіяетъ ей улыбкою прощальной —
Весь этотъ день, задумавшись, она
Безмолвная сидѣла у окна,
И, не сводя разсѣяннаго взгляда
Съ густыхъ аллей запущеннаго сада,
Гдѣ осыпались желтые листы,
Какъ прежнихъ лѣтъ отрадныя мечты...
Она, блѣдна, съ косою бѣловурой,
Съ изящною и тонкою фігурой,
Вся въ траурѣ...

Вечерняя роса
Легла кругомъ, зардѣлись небеса
Оттѣнкомъ розъ и блѣдной позолоты,
Когда она неспѣшно перешла

Черезъ комнату и, съ круглаго стола
 Взявъ ящичекъ изысканной работы,
 Вернулась съ нимъ въ окошку. На щекахъ
 Разлился вдругъ румянецъ, и въ глазахъ
 Блеснулъ огонь. Она, вздохнувъ, открыла
 Шватулку, гдѣ тринадцать лѣтъ хранила
 Воспоминанія о дорогихъ часахъ,
 Чтѣ были такъ мучительны и сладки,
 И какъ хранить засохшіе цвѣты
 Иль дневника старинные листы —
 Она хранитъ поблекшія перчатки...
 Ихъ — три. Духовъ чуть слышный ароматъ
 Въ ней оживилъ воспоминаній рядъ
 Изъ прошлаго, когда съ наивной вѣрой
 Отъ жизни ждуть и счастья, и добра.

Вотъ съ этою перчаткой свѣтлосѣрой
 Предъ ней встаетъ волшебный часъ утра,
 Старинный паркъ, тѣнистый и зеленый,
 Зеркальный прудъ, цвѣтами окруженный,
 И молодость, и счастье, и весна!
 Невольнаго смущенія полна —
 Она, дрожа какъ будто въ лихорадкѣ,
 Когда на мигъ рука ея въ перчаткѣ
 Коснулась протанутой руки
 Приѣзжаго, который изъ столицы
 Заѣхалъ къ нимъ — потушила рѣсницы...
 А яблони душистые цвѣтки
 Надъ головами ихъ благоухали,
 Струи воды за лодкою бѣжали,
 Безоблачно синѣли небеса,
 Ея подругъ веселыхъ голоса

Неслися въ высь, какъ жаворонка трели.
 Онъ тихо гребъ, глаза его блестяи,
 На блѣдный лобъ спускались волоса...
 На берегу, подъ сѣнью каштана,
 Гдѣ слышалось журчаніе фонтана,
 Ждала ихъ мать. Съ зарей другого дня
 Уѣхалъ гость, но свято сохраня
 Перчатку ту, которой онъ рукою
 Коснулся разъ — наединѣ съ собою
 Сказать: люблю! не смѣла бы она...

II.

Прошли года. Примѣрная жена
 И мать—она казалась примиренной
 Съ судьбой своей, и муки затаенной
 Въ ея душѣ не угадалъ бы свѣтъ.
 Ей двадцать семь исполнилось лѣтъ,
 На видъ она была вполне счастливой;
 Лишь иногда ей память прихотливо
 Являла вдругъ любимыя черты,
 И отгонять подобныя мечты
 Ей было жаль... Обуреваемъ сплиномъ,
 Скитался онъ «свободнымъ гражданиномъ»
 Въ чужихъ краяхъ, бездѣліемъ томимъ,
 Не зная самъ, что ею былъ любимъ
 Въ былые дни... И вотъ, на шумномъ балѣ
 Они въ толпѣ другъ друга повстрѣчали.
 Онъ подошелъ, опять въ своихъ рукахъ
 Онъ сжалъ ея трепещущую руку.
 Какъ описать восторгъ ея и музу?
 Но все-жъ она сдержала на устахъ

Слова любви: казалася безстрастной,
 Холодною... Онъ сильно постарѣлъ,
 Но взоръ его глубочайшъ глазъ горѣлъ
 И чаровалъ какою-то нѣгой властной...
 Испугана, душою смущена,
 Черезъ восемь дней уѣхала она
 Изъ города, по увезла съ собою
 Перчатку ту, которой онъ рукою
 Коснулся въ тотъ блаженно чудный часъ,
 Когда они, подъ звуки уносясь
 Волшебные, кружилися по залѣ —
 Счастливые на этомъ скучномъ балѣ.

III.

И вотъ предъ ней лежитъ еще одна —
 Послѣдняя изъ дорогихъ перчатокъ.
 О, еслибъ слезъ горячихъ отпечатокъ,
 Безумныхъ слезъ — могла хранить она!
 Увы! судьба съ насмѣшкой роковою
 Рѣшила все: къ себѣ она вдовою
 Вернулася, ребенка схоронивъ
 И мужа. Въ ней, когда прошелъ порывъ
 Отчаянья — надежда на свиданье
 Воскресла вновь и трепеть ожиданья.
 Тянулись мучительные дни
 И вотъ опять увидѣлись они —
 Но какъ? Въ кружкѣ друзей ея старинныхъ,
 Въ одной изъ тѣхъ интимнѣйшихъ гостиныхъ,
 Куда на дняхъ заѣхала она —
 Сидѣлъ и онъ, а съ нимъ — его жена!
 Онъ былъ женатъ почти уже полгода.

Женать! Къ чему-жь ей повдняя свобода?
 О, тайныхъ мукъ тяжелые года!
 Жена его любима, молода...
 И въ первый разъ тоски ревнивой жало
 Кольнуло грудь. Соперницу желала
 Она найдти ужасною... но та
 Такъ весела, привѣтлива, проста
 Казалася, такъ дѣтски миловидна —
 Что ей въ душѣ тотчасъ же стало стыдно!
 Мужъ также былъ безпечень и влюбленъ;
 Съ ней дружески разговорился онъ,
 Болталъ, шутилъ — счастливый безотчетно.
 И лишь, когда, прощаяся, она
 Приподнялась серьезна и блѣдна —
 Глаза его печалью мимолетной,
 Противорѣчившей улыбкѣ беззаботной,
 Подернулись... Возможно ли, чтобъ могъ
 Онъ сожалѣть? Иль это былъ упрекъ?..
 Не ей рѣшить подобную загадку!
 Да и къ чему? Но черную перчатку,
 Которая въ тотъ вечеръ на рукѣ
 Ея была — въ завѣтномъ уголкѣ
 Она хранить и бережетъ ревниво...

Спустилась ночь — тиха и молчалива,
 Какъ тихая, безмолвная печаль.
 Вдова глядитъ въ темнѣющую даль
 Изъ глазъ ея струятся тихо слезы.
 О, свѣтлыя утраченные грѣзы —
 Какъ жалко ихъ, какъ безконечно жаль!
 Безумная! Къ чему во имя долга
 Она съ собой боролася такъ долго!

Вся жизнь прошла безъ счастья, безъ любви,
 Безъ радостей! Стремленія свои
 Она въ душѣ сурово заглушила,
 И ей судьба жестоко отомстила:
 Года борьбы, волненій и тревогъ,
 Мучительной душевной лихорадки,
 Три старыя ненужныя перчатки —
 Вотъ жизнь ея, вотъ радостей итогъ!

1887 г.

У ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

Поэма.

I.

Ночною мглой, какъ саваномъ одѣта,
 Съ Распятіемъ, чернѣвшимъ на стѣнѣ,
 Печальною казалась келья эта,
 Гдѣ разговоръ вели наединѣ
 Чуть слышный двѣ подруги-инокини.
 Въ одной изъ нихъ твердило о кручинѣ
 Глубокой все: и блѣдныя уста,
 Гдѣ скорбная видѣлася черта,
 И взоръ очей, горѣвшихъ лихорадкой.
 Съ отрадою мучительной и сладкой
 Она душой жила еще въ быломъ,
 И этихъ грѣзъ молитвой и постомъ
 Она изгнать доселѣ не успѣла.
 Другая — вся сіяла чистотой

Душевною и вешней красотой;
 Она, любви не знавшая, всецѣло
 Себя отдать рѣшилася Творцу.
 И все-жъ теперь, подобная пловцу,
 Чтѣ бездною невольно привлеченный
 Стоитъ надъ ней у берега смущенный,—
 Она, дрожа, готовилась разсказъ
 Сестры своей услышать первый разъ...
 «Двѣнадцать лѣтъ,—ей молвила другая,
 Прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, изнемогая,
 Пришла сюда, но память о быломъ
 Живеть во мнѣ: предъ Божьимъ алтаремъ
 Я не нашла желаннаго забвенья,
 Не охладилъ холодный мраморъ плить
 Того огня, чтѣ все еще горить
 Въ груди моей. Молитвенное гнѣне
 Тяжелый вздохъ души не заглушить,
 И мысль моя стремится за ограду,
 Она летитъ къ тому земному аду,
 Чтѣ раемъ былъ когда-то для меня, —
 Летитъ къ тому, кого любила страстно,
 Кого люблю и разлюбить не властна».

Какъ юный лѣсъ при первомъ свѣтѣ дня
 Трепещетъ весь, внезапно пробужденный,
 Такъ дѣвушка съ тревогой затаенной
 Рѣчамъ такимъ внимала въ первый разъ,
 Желая знать и знанія боясь...
 Тутъ старшая внезапно сжала руки
 Ея въ своихъ: «Прости, я не тебѣ
 Должна-бъ сказать... но, Боже, эти муки
 Такъ много лѣтъ таила я въ себѣ,

Такъ жаждала сочувствія порою!
Прости, дитя. Я все тебѣ открою.

II.

«Въ Парижѣ томъ, гдѣ жизнь кипитъ включемъ,
Волнуясь, какъ вспѣнное море —
Есть уголокъ, чтѣ многимъ незнакомъ.
Тамъ дышется привольно на просторѣ
Большихъ садовъ, и куполы церквей
Издалека сіяютъ межъ вѣтвей.
Нашъ домъ стоялъ среди большого сада,
Гдѣ я бродить порой бывала рада
По цѣлымъ днямъ. Прозрачнѣй чѣмъ листы
Весенніе цвѣли тогда мечты
Въ душѣ моей. Не разсуждая много,
Опекуномъ воспитанная строго,
Въ семнадцать лѣтъ я вышла за того,
Кто мнѣ въ мужа назначенъ былъ. Его
Я всей душой глубоко почитала,
Но умеръ онъ — и я вдовою стала
Наивною, какъ дѣвочка. Вполнѣ
Счастливой жизнь тогда казалась мнѣ.
Цвѣты, рояль и бѣдныхъ посѣщенья,
Кружокъ друзей — иного развлеченья
Не знала я. Въ то время я была
Такъ радостно, такъ дѣтски весела,
Что многіе невольно принимали
Меня — вдову — за барышню... Теперь
Себя узнать я не могу, повѣрь.

Но день насталъ, и этотъ день едва ли
Забуду я... Къ обѣднѣ я въ соборъ

Спокойно шла, когда невольно взоръ
 Скрестился мой съ другимъ глубокимъ взоромъ
 Рѣшительныхъ и властныхъ сѣрыхъ глазъ —
 И я любовь узнала въ первый разъ:
 Восторгъ ея волшебный, о которомъ
 Джульетта намъ и Гретхенъ говорятъ.
 Весь этотъ день одна за фортепьяно
 Я провела, и незнакомца взглядъ
 Являлся мнѣ, какъ будто изъ тумана...
 Когда-жъ опять на слѣдующій день,
 Поднявшись на первую ступень
 Собора, я увидѣла въ притворѣ
 Его лицо, и также въ этомъ взорѣ
 Прочла любовь — не помню, чтѣ со мной
 Тутъ было: какъ рѣшился онъ сначала
 Заговорить, какъ я ему внимала,
 Какъ сдѣлалъ онъ игрушкою, рабой
 Меня своей, и всю могучей волѣ
 Какъ подчинилъ — теперь не помню болѣ.
 Я отдалась вполнѣ моей любви,
 Она была грѣхомъ, но отчего же
 Ты въ душу намъ вложилъ ее, о, Боже,
 И жаръ ея зажегъ у насъ въ крови?
 Мы видѣлись въ его уединенной
 Квартирѣ. Тамъ, у яркаго огня,
 Онъ ожидалъ съ волненіемъ меня...
 Онъ узнавалъ — счастливый, возбужденный —
 Мои шаги и, дверь пріотвора,
 Слѣшилъ во мнѣ на встрѣчу, говоря:
 «Ты-ль это?» — Я. — О, чудныя мгновенья!
 Они прошли, но нѣтъ душѣ забвенья...

III.

Порою мы обѣдали вдвоемъ
 Тамъ, у меня. Въ часы такіе — нѣжной,
 Довѣрчивой, какъ дружба, безмятежной
 Была любовь. О будущемъ своемъ
 Онъ говорилъ довѣрчиво со мною,
 О томъ, что я была-бъ его женою,
 Но надо ждать... Я вѣрила всему,
 Въ одно лишь я не вѣрила — въ разлуку.
 Онъ уходилъ, и долго вслѣдъ ему
 Глядѣла я, прислушиваясь къ звуку
 Его шаговъ по улицѣ глухой.
 Шаги его! Когда въ землѣ сырой
 Я буду спать, и вдругъ надъ головою
 Услышу ихъ — въ гробу воскресну я,
 Чтобъ имъ внимать, дыханье затая.
 О, Боже мой! Какой-то роковою,
 Безумною была любовь моя!
 Чтѣ вынесла, чтѣ выстрадала я,
 Понявъ, что онъ ужъ началъ постепенно
 Охлаждѣвать... Такая пережѣна
 Отъ глазъ моихъ не скрылася; за нимъ,
 Какъ за больнымъ опаснымъ, дорогимъ,
 Слѣдила я... Будь проклято желанье
 Мое узнать всю истину! Ее
 Узнала я, и страшное сознанье,
 Что чувство онъ горячее свое,
 Свою любовь не мнѣ одной всецѣло
 Онъ отдавалъ, что имъ уже владѣла
 Соперница — свело меня съ ума.
 Ускоривши развязку роковую,

Изъ города бѣжала я сама,
 Не видясь съ нимъ, и если здѣсь живу я,
 Живу затѣмъ, чтобъ каждый мигъ страдать, —
 Такъ значить скорбь не можетъ убивать!
 Подъ бременемъ невыразимой муки
 Окаменѣвъ, съ безстрастіемъ тупымъ
 Скиталась я подъ небомъ голубымъ
 Италиі. Тянулись дни разлуки,
 Какъ годы... Онъ писалъ мнѣ за письмомъ
 Письмо, но я ихъ страстно цѣловала
 И, не раскрывъ, обратно отсылала.
 Тогда онъ самъ явился, и въ своемъ
 Отчаяннѣ, бояся искушенья, —
 У алтаря искала я спасенья.
 Пять лѣтъ прошло, и я узнала миръ,
 Спокойствіе; казалось, внѣшній міръ
 Мнѣ чуждымъ сталъ... Но вотъ, молясь въ капеллѣ,
 Однажды я задумалась. Въ придѣлѣ
 Сосѣднемъ лучъ заката золотой
 Лился струей свозъ стекла росписныя,
 И вдругъ во мнѣ, простертой предъ святой
 Мадонною, вновь помыслы земные
 Проснулись... Господь, съ того же дня,
 Съ минуты той, покинулъ Ты меня,
 И на устахъ молитва замираетъ!
 Все тотъ же бредъ опять меня смущаетъ.
 И еслибъ онъ — (безумная мечта!) —
 Явился вдругъ, и вновь его уста
 Къ моимъ устамъ прильнули бы съ любовью,
 Вотъ здѣсь, у ногъ Распятаго Христа,
 Что видитъ насъ, Что истекаетъ кровью —
 Я, можетъ быть... О, Боже мой, прости

Безумную, спаси и защити!
Сестра моя, молися! На волѣни!»

IV.

Алѣлъ востокъ. Давно ночныя тѣни
Разсѣялись въ сіяніи утра,
А въ кельѣ двухъ подругъ еще звучали
Слова молитвъ. Но старшая сестра
Вся отдалась мольбѣ своей, сверкали
И капли слезъ во взорѣ впалыхъ глазъ,
И сладостный мистическій экстазъ.
Она, какъ челнъ у пристани надежной,
Искала въ ней спасенья отъ мятежной
Борьбы страстей, и съ темнаго креста,
Казалось, ликъ страдальческій Христа
Ей говорилъ о мирѣ и забвеньи.
Межъ тѣмъ росли тревога и смятенье
Въ душѣ сестры, внимавшей ей давно
Съ волненіемъ. Какъ узникъ, что въ окно
Взглянувъ свое и взоромъ на мгновенье
Обнявъ просторъ сіяющей степей,
Почувствовалъ весь гнетъ своихъ цѣпей
И рвется въ даль — такъ и она впервые
Почуяла порывы роковые,
И сердце въ ней, проснувшись, рвалось
Къ любви, хотя-бъ цѣною жгучихъ слезъ
Ей заплатить пришлось за науку.
Да, все узнать — и счастье и муку,
И — ринувшись на жизненный призывъ —
Не умереть, блаженства не вкусивъ!

1887 г.

УВЯДШИЯ РОЗЫ.

Я помню, какъ теплою ночью осенней,
 Простившись, бывало, съ тобой,
 Исполненный страстныхъ, нѣмыхъ сожалѣній,
 Я шелъ потихоньку домой.

На улицѣ было темно и безлюдно
 (Въ селѣ съ пѣтухами легли),
 Я шелъ мимо сада большого, гдѣ чудно
 Роскошныя розы цвѣли.

И тамъ, недоступный нескромному взгляду,
 Въ мечты о тебѣ погружень,
 Я долго стоялъ, опершись на ограду,
 Дыханіемъ розъ упоень.

Казалось, что розы, дрожа, замирали
 Подъ ласками лунныхъ лучей...
 Я грезилъ — (тогда какъ въ таинственной дали
 За дюною волны чуть слышно рыдали) —
 О блескъ любимыхъ очей.

Исчезли цвѣтовъ ароматы. Ужели
 Зима ужъ стучится въ окно?
 Зеленые листья кой-гдѣ уцѣлѣли,
 Но розы увяли давно.

1887 г.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЕ ГОРЕ.

Какъ жалко мнѣ всегда дѣтей осиротѣлыхъ!
 Грустна надежда ихъ и радость ихъ — горька.
 И если съ лаской въ нимъ протянется рука —
 Несчастные дрожать: въ сердцахъ, еще несмѣлыхъ
 И преждевременно для горести созрѣлыхъ,
 Нѣтъ вѣры въ счастье и въ радость бытія.

Такъ птичка робкая, что поймана живую,
 Вся бьется и дрожитъ подъ ласковой рукою
 Ребенка. Иногда отчаянье ея
 Необъяснимое бываетъ безгранично —
 И гибнетъ бѣдная отъ ласки непривычной...

1887 г.

ГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Былъ вечеръ. Лодка шла подъ всѣми парусами...
 Вдругъ поцѣлуя звукъ пронесся надъ волнами...
 Въ безлюдіи, окрестъ
 Царившемъ, въ тишинѣ волшебной этой ночи
 Васъ видѣли. Но кто? Насмѣшливыя очи
 Сіявшихъ ярко звѣздъ.

Скользя по небесамъ, одна изъ звѣздъ падучихъ
 Исторію любви и поцѣлуевъ жгучихъ
 Повѣдала волнѣ,
 Волна лазурная тотчасъ же рассказала

Веслу, что серебромъ и жемчугомъ сверкало
При молодой лунѣ.

Волна болтливая — отъ васъ не утаю я —
Открыла все гребцу: и тайну поцѣлуя,
И тайну ласковыхъ рѣчей,
А юноша гребецъ съ краснорѣчивымъ взглядомъ
Пропѣлъ ихъ подъ окномъ, обвитымъ виноградомъ,
Возлюбленной своей.

1887 г.

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

EXCELSIOR.

Кругомъ легла ночная тѣнь,
Когда одной изъ деревень
Альпійскихъ путникъ проходилъ,
Съ хоругвию. Начертанъ былъ
На ней девизъ:

— Эксельсіоръ! —

Онъ блѣденъ былъ, но взоръ очей
Сверкалъ, какъ лезвіе мечей,
Какъ рѣга звукъ невдалекѣ
Звучалъ на чуждомъ языкѣ
Призывъ его:

— Эксельсіоръ! —

Изъ оконъ пламя очаговъ
На скатерть бѣлую снѣговъ
Ложилось отблескомъ, но онъ

Шель мимо нихъ и, словно стонъ,
Срывалось съ устъ:

— Эксельсіоръ! —

«Нейди въ ущеліе, потокъ
Въ горахъ и бѣшенъ, и глубокъ,
Мы бури ждемъ!» сказалъ старикъ,
Но зазвучалъ побѣдный кликъ
Ему въ отвѣтъ:

— Эксельсіоръ! —

Молила дѣвушка: «Постой,
Склонись усталой головой
Ко мнѣ на грудь!» Его глаза
На мигъ увлажила слеза,
Но, обративъ на небо взоръ,
Онъ отвѣчалъ:

— Эксельсіоръ! —

Кричали вслѣдъ ему: «Вернись,
Опасныхъ лавинъ берегись,
Бѣдой грозитъ тебѣ обвалъ».
Но смѣлый голосъ отвѣчалъ
Имъ съ высоты:

— Эксельсіоръ! —

И въ Сенъ-Бернардѣ на зарѣ,
Когда сошла въ монастырѣ
Къ молитвѣ братія — изъ горъ
Вдругъ раздалось:

— Эксельсіоръ! —

Въ горахъ — снѣгами занесенъ —
Былъ путникъ-юноша найденъ,
Въ рукѣ застывшей онъ сжималъ
Хоругвь святую, и стоялъ
На ней девизъ:

— Эксельсіоръ —

Онъ тамъ лежалъ въ холодной мглѣ,
Съ печатью смерти на челѣ,
Въ разцвѣтѣ юной красоты, —
И вдругъ — съ небесной высоты,
Какъ промелькнувшій метеоръ
Пронесся кличь:

— Эксельсіоръ! —

1887 г.

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

АВЕССАЛОМЪ.

(Поэма).

I.

Затихло все. Покровъ сребристой ночи
Одѣлъ собой заснувшій Іорданъ,
И яреихъ звѣздъ сіяющія очи
Блеснули вдругъ съвозъ сумракъ и туманъ.
Какъ спящаго спокойное дыханье,
Вздымались прозрачныя струи,
Въ вѣтвяхъ деревъ затихло трепетанье,
И лиліи, склонивъ цвѣты свои
Къ рѣкѣ, лучомъ луны посеребренной, —
Повоились, подъ ропотъ монотонный
Волны. Кругомъ царила тишина...
О, еслибы могла сойдти она
Въ сердца людей, печалью удрученныхъ!

Не спитъ лишь царь. Съ толпою приближенныхъ
Покинулъ онъ родной Іерусалимъ

И отдыхалъ, усталостью томимъ...
 Чтобъ освѣжить пылающія вѣжды
 Прохладою живительной утра,
 Съ зарей Давидъ явился изъ шатра;
 Онъ не снималъ разодранной одежды
 И блѣденъ былъ его суровый ликъ.
 Народъ, что чтить всегда его привыкъ,
 Собрался вкругъ печальнаго владыки;
 Онъ слышалъ ихъ привѣтственные клики
 И утѣшенья робкія слова...
 У ногъ его пестрѣла мурава,
 А на небѣ, безоблачно лазурномъ,
 Свѣтило дня въ сіяніи пурпурномъ
 Являлося... и царь израильтянъ
 Склонилъ съ мольбой дрожащія колѣни...
 Когда душа истерзана отъ ранъ,
 Какъ сладко гнетъ печали и мученій,
 Тоску души, измученной въ борьбѣ,
 Излить въ слезахъ и искренной мольбѣ!..
 На свой народъ небесъ благословенье
 Онъ съ вѣрою глубокой призывалъ,
 На близкихъ всѣхъ — (тутъ голосъ задрожалъ
 Царя, и въ немъ послышалось волненье)...
 Когда-жъ онъ сталъ молиться за него,
 Надменнаго любимца своего,
 Красу семьи родной — Авессалома,
 Бѣжавшаго изъ отческаго дома,
 Возставшаго преступно на отца —
 Безмѣрною печалію томимый,
 Заплакалъ царь въ тоскѣ неудержимой,
 Моля ему прощенье у Творца.

.....

II.

Свершилъ Свой судъ великій Иегова...
 Подъ складками могильнаго покрова
 Лежалъ въ шатрѣ своемъ Авессаломъ;
 Три воина дежурили при немъ.
 Блѣдный цвѣтъ прозрачнаго лилеи
 Былъ цвѣтъ его прекраснаго чела,
 Гдѣ смерти тѣнь, казалось, не легла,
 И шелкъ волосъ, что дщери Іудей
 Ласкали часто нѣжною рукой —
 Вился такой же мягкою волной.
 У ногъ его, въ пыли, лежало знамя
 И рукоять любимаго меча,
 Гдѣ яхонты сіяли, словно пламя,
 Когда въ бою рубился онъ сплеча...
 Въ безмолвіи, закованные въ латы,
 Стояли тутъ угрюмые солдаты
 Вокругъ его могильнаго одра.
 Минуты шли, но вотъ, вблизи шатра
 Раздался шумъ оружья заглушенный
 И царь взошелъ со свитою, согбенный
 Подъ бременемъ позора и тоски.
 Онъ выслалъ всѣхъ движеніемъ руки,
 Потомъ, среди глубокаго молчанья
 Онъ снялъ покровъ съ холоднаго лица,
 У тутъ изъ устъ несчастнаго отца
 Вдругъ полились невольныя рыданья.

«Увы, похищенъ смертью ты
 Во цвѣтъ юной красоты!
 Печать ея — въ твоихъ чертахъ,

Въ твоихъ сомгнувшихся устахъ,
И ты заснулъ могильнымъ сномъ,
Мой гордый сынъ, Авессаломъ!

Какъ блѣденъ цвѣтъ твоихъ ланитъ!..
Мнѣ ужасъ сердце леденить...
Подъ гнетомъ крышки гробовой
Замолкнетъ чудный голосъ твой;
Не назовешь меня отцомъ,
Мой милый сынъ, Авессаломъ!

Смотри: ливуетъ все вокругъ,
Я слышу арфы нѣжный звукъ,
Я вижу юность и цвѣты;
Увы, съ толпой не выйдешь ты
Въ нарядѣ праздничномъ своемъ
На встрѣчу мнѣ, Авессаломъ!

Прости, любимѣйшій изъ всѣхъ!
Твою вину, твой черный грѣхъ,
Мой бѣдный сынъ, прощаю я,
И нашъ Великій Судія
Пусть въ милосердіи своемъ
Тебя проститъ, Авессаломъ!>

Давидъ замолкъ и, бросивъ взоръ прощальный
Послѣдній взоръ на помертвѣлый ликъ,
Онъ поднялся съ усиліемъ чрезъ мигъ
И, самъ покровъ надвинувъ погребальный —
Оставилъ онъ шатеръ, гдѣ мертвымъ сномъ
Заснулъ навѣкъ его Авессаломъ!

1886 г.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ.

(Валлада).

Весною раннею, въ апрѣлѣ,
 Покрылась розами земля;
 Въ лѣсахъ малиновки запѣли
 И начались карусели
 По приказанью короля.

Маркизы, графы и сеньоры,
 Покинувъ замокъ родовой,
 Свои лѣса, долины, горы —
 Къ Парижу мчались гурьбой.

Подъ звуки тихаго напѣва
 И струнь искусный переборъ —
 Въ саду мечтала королева;
 И съ высоты балкона взоръ

Она къ дорогѣ устремила,
 Гдѣ, съ пышной свитой, въ бронѣ,
 Сень-Клэръ, красавецъ и кутила,
 Скакаль, гарцуя, на конѣ...

Съ перомъ на шляпѣ и со шпагой,
 Съ кудрями черными, какъ смоль,
 Сень-Клэръ, исполненный отвагой,
 Былъ гордъ и статень, какъ король.

За нимъ толпой неслися слуги
 Въ распитыхъ шелкомъ епанчахъ,
 И серебро его кольчуги
 Блистало въ солнечныхъ лучахъ.

И, поравнявшись съ балкономъ,
 Предъ королевою онъ снялъ
 Берётъ, съ почтительнымъ поклономъ,
 Но взоръ его огнемъ пылалъ...

«Кто этотъ рыцарь?» королева
 Пажа спросила своего,
 Подъ звуки нѣжнаго напѣва, —
 «Клянусь, красивѣе его

Я кавалера не видала!»
 — Тутъ утѣшительнаго мало! —
 Вскричалъ ревнующій король;
 — И мнѣ, надѣюсь, не пристала
 Супруга брошеннаго роль? —

— «Какъ? — удивилась королева. —
 «Васъ разсердилъ его поклонъ?»
 Но государь, въ порывѣ гнѣва,
 Рѣшилъ, что рыцарь — осужденъ.

II.

Когда же сонъ объялъ столицу
 И ночь спустилась на поля —
 Сень-Кларъ отправленъ былъ въ темницу
 По приказанью короля.

Съ зарей воздвигнулася плаха
 Среди тюремнаго двора...
 Маркизь Сень-Кларъ глядѣлъ безъ страха
 На ликъ суроваго монаха,
 На блескъ холодный топора.

За взоръ царицы восхищенный,
 За мимолѣтныя слова —
 Увы, подъ сталью заострѣнной,
 Бандита кровью обагрѣнной —
 Его скатилась голова!

1887 г.

С А Ф О.

О, Киприда! безнадежной
 Я измучена тоской,
 Вопль души моей мятежный,
 Вопль страданья неизбѣжный
 Изливаю предъ тобой.

Словно зноемъ раскаленнымъ
 Жжетъ мнѣ сердце и глаза.
 Я мечусь съ безумнымъ стономъ,
 По ланитамъ воспаленнымъ
 Тихо катится слеза.

Чась любви и счастья, гдѣ ты?
 Меркнетъ свѣтъ моей звѣзды...
 Пѣсни прежнія пропѣты —

Дайте мнѣ воды изъ Леты,
Чудодѣйственной воды!..

Помню пиръ: цвѣты и ткани,
Усть пурпурныхъ красота...
И межъ зеленью латаній —
Мраморъ чудныхъ изваяній,
Упоенья полнота...

«Пѣсню! Пѣсню!» громкимъ хоромъ
Отовсюду раздалось,
И, сіявшая уборомъ,
Встала я съ блестящимъ взоромъ
И въ вѣнчѣ изъ алыхъ розъ.

Лиру звонкую взяла я,
Тихо звуки полились,
То звеня, то замирая,
То какъ будто улета
Въ неизвѣданную высь...

Раздался краснорѣчиво
Гуль восторженныхъ рѣчей...
Лишь одинъ молчалъ пытливо
И свѣтился горделиво
Жгучій взоръ его очей.

А потомъ? Съ безумнымъ жаромъ
Повторялъ онъ безъ числа,
Что ему — рѣчей нектаромъ,
Пѣснопѣнья чуднымъ даромъ
Я всю душу обожгла.

А потомъ? любуясь мною,
Восторгался онъ не разъ
Строгой дѣвственной красою,
Чернокудрю косою
И огнемъ глубокихъ глазъ.

Но, увы, минуты счастья
Отлетѣли, какъ мечты,
Приближалось ненастье,
Вихрь безумный сладострастья
Смялъ душистые цвѣты:

Страсть гетеры прихотливой,
Жаръ волненія въ крови —
Предпочель онъ горделивой,
Цѣломудренно стыдливой,
Всепрощающей любви.

Онъ ушелъ!... Душа тоскою
Безъисходною полна
И лишь завистью тупою,
Мелкой злобою людскою
Я, увы, окружена.

Какъ челнокъ въ безбрежномъ морѣ
Въ мѣрѣ цѣломъ я — одна!
Волны ходятъ на просторѣ,
Буря злится... горе, горе,
Захлеснетъ меня волна!..

1886 г.

ПОСЛѢДНІЙ БАРДЪ.

Былъ горный путь угрюмъ и дикъ,
 А менестрель ужъ былъ старикъ,
 Но взоръ его печальныхъ глазъ,
 Гдѣ пламень юности угасъ,
 Его усталыя черты —
 Слѣды хранили красоты,
 И было видимо, что онъ
 Для лучшей доли былъ рожденъ.
 Исчезло все... Лишь арфа та,
 Чтѣ несъ подростокъ-сирота —
 Осталась арфой тѣхъ временъ,
 Когда — пѣвецъ послѣдній — онъ
 О славѣ пѣлъ и о бояхъ,
 О пролетѣвшихъ славныхъ дняхъ.
 Друзья пѣвца въ краю родномъ
 Заснули всѣ послѣднимъ сномъ,
 И часто жаждалъ онъ съ тоской
 Сойдти за ними на покой...

Теперь съ зарей и при лунѣ
 Не мчится онъ на скакунѣ
 И замка жителей порой
 Не тѣшитъ чудною игрой;
 Замолѣ навѣкъ его акеордъ,
 Чтѣ лэди слушала и лордъ —
 Исчезло все, какъ дивный сонъ!
 Престоль Стюартовъ оскверненъ:
 Пришлецъ свой празднуетъ успѣхъ,

Въ его глазахъ искусство — грѣхъ,
 И вотъ, счастливыхъ дней пѣвецъ,
 По свѣту бродить, какъ бѣглець,
 Ему, что тѣшили Карла слухъ,
 Внимають пахарь и пастухъ!

1886 г.

REQUIESCAT.

Глубоко схороненная въ сердцѣ моемъ,
 Спать любовь моя вѣчнымъ, торжественнымъ сномъ;
 Схоронилъ я съ тоскою былую любовь
 И, прощаясь съ ней, опустилъ я покровъ
 Надъ прошедшимъ своимъ навсегда.

Я не плакалъ, и были безмолвны уста,
 Но грядущая даль мнѣ казалась пуста
 И безцвѣтна. Съ смертельною мукой въ груди
 Сознавалъ я, что счастье мое — позади,
 Не вернется оно никогда.

Но живутъ золотыя о прошломъ мечты,
 Распускаясь въ душѣ, какъ весною цвѣты,
 И невидимо льется слеза за слезой,
 И кропитъ о немъ память живою росой,
 Словно зеленъ могильныхъ холмовъ.

И съ молитвой я жду, нетерпѣньемъ томимъ,
 О, когда же ко мнѣ снизойдетъ херувимъ

И введетъ за собою въ чертогъ золотой,
Гдѣ все полно любовью безгрѣшной, святой
Въ мірѣ свѣтлыхъ и чистыхъ духовъ!...

1886 г.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

МИМОЛЕТНО.

LE PASSANT — КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ, Ф. КОППЕ.

(Съ французскаго).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Занетто.

Сильвія.

Дѣйствіе происходитъ въ эпоху Возрожденія.

Лунное освѣщеніе. Направо изящный загородный домъ, построенный на террасѣ, которая отлого спускается къ авансценѣ. У подножія террасы — дерновая скамья. Въ глубинѣ смутно виднѣется Флоренція. Небо усыяно звѣздами.

СЦЕНА I.

Сильвія — въ бѣломъ пеньюарѣ — стоитъ облокотясь на рѣзныя перила террасы и задумчиво смотритъ вдаль.

СИЛЬВІЯ.

Проклятіе любви! Я слезъ не знаю нынѣ!
Толпа вздыхателей проходитъ предо мной,
Мнѣ повлоняются смиренно, какъ богинѣ,
Но я холодностью плачѹ имъ ледяной...
Мнѣ сердце не согрѣлъ хоть искрой увлеченья

Ни разу поцѣлуй почтительный руки.
 И — кто бы думать могъ? порою отъ тоски
 Не въ силахъ Сильвія найти себѣ спасенья!
 Безоблачныхъ небесъ несносная лазурь
 Мнѣ опротивѣла. Два мѣсяца безъ бурь!
 Природа, мнѣ на зло, сочувствуетъ поэтамъ,
 Пѣвцамъ, любителямъ скучнѣйшихъ серенадъ,
 И вдохновляетъ ихъ къ безчисленнымъ сонетамъ,
 Гдѣ имя Сильвіи рѣмуетъ невольно
 Съ названьями цвѣтовъ. Лытецамъ подобострастнымъ,
 Противнымъ мнѣ своимъ усердіемъ напраснымъ,
 Которыхъ я влеку съ презрѣньемъ за собой, —
 Толпа завидуетъ. Добычей боевой
 Обремененный вождь пиратовъ изъ Тосканы,
 Чье имя знаютъ всѣ окрестныя намъ страны,
 Сребро и золото несетъ къ моимъ ногамъ.
 Извѣстный ювелиръ изъ Генуи уборы
 Мнѣ плетъ богатые, и нашъ подеста самъ,
 Соперничая съ нимъ, мои прельщаетъ взоры
 Сіяньемъ жемчуга и камней дорогихъ...
 Какъ ненавижу я и презираю ихъ —
 Въ комъ увлеченіе замѣной служить страсти!
 Мнѣ тяжело! Жизнь моя безцвѣтна и горька,
 Жизнь безъ любви и грезъ восторженныхъ о счастья!
 Въ моемъ альбомѣ нѣтъ ни блѣднаго цвѣтка,
 Ни локона волосъ... Съ волненьемъ непримѣтнымъ
 Не вспомню я порой о словѣ томъ завѣтномъ,
 Чтò, свято въ глубинѣ души своей храня,
 Такъ цѣпить женщина... Ни горя, ни отрады,
 И даже, даже слезъ нѣтъ больше у меня!
 О, какъ мнѣ тяжело!

(Показывая на городъ).

Среди ночной прохлады
 Чуть дремлетъ вдалекѣ Флоренція, и вотъ,
 Быть можетъ, въ этотъ часъ, въ своей каморѣ тѣсной,
 Задумчиво смотря на дальній неба сводъ,
 Какой нибудь бѣднякъ, учитель неизвѣстный
 И видѣвшій меня всего одинъ лишь разъ, —
 Мечтаетъ обо мнѣ... Увы, я недостойна
 Любви, но все-жъ, когда-бъ судьба столкнула насъ,
 Я счастье свое не отдала-бъ спокойно!
 И если на пути онъ встрѣтится моему —
 Наивный юноша, что съ жизнью незнакомъ,
 Останусь я глуха къ призывамъ состраданья,
 И онъ, подобно мнѣ, извѣдаетъ страданья!

ЗАНЕТТО (поетъ за сценой).

О, милый другъ! Насталъ апрѣль,
 Волною въ высь несется трель,
 А въ гнѣздахъ — говоръ и движенье;
 Вездѣ цвѣты, лазурь ясна,
 Идетъ красавица-весна —
 Пора любви и возрожденья!

СИЛЬВІЯ.

Сильнѣе и сильнѣй тоска меня гнететъ,
 И гнѣіе теперь вдвойнѣ невыносимо:
 Весна противна мнѣ, а онъ ее поетъ!

ЗАНЕТТО (голосъ котораго все прибли-
 жается).

Мой другъ, чтобъ видѣться со мной,
 Приди дорогою лѣсной,
 Гдѣ соловья несутся трели!

Я жду тебя, — приди туда,
 Въ зеленый лѣсъ, гдѣ у пруда
 Всегда сбѣгаются газели!

СИЛЬВІЯ.

И голосъ, и напѣвъ — полны неуловимой
 Гармоніи, но мнѣ смѣшонъ любовный бредъ...
 Уйдемъ скорѣе. Здѣсь — несчастнымъ мѣста нѣтъ!

Сильвія медленно поднимается на террасу, разсѣянно смотря въ ту сторону, откуда слышенъ голосъ. — Занетто, съ гитарой черезъ плечо и съ плащомъ на рукѣ, весело входитъ, не замѣчая Сильвіи.

СЦЕНА II.

Сильвія — на террасѣ. Занетто.

ЗАНЕТТО.

Да здравствуетъ ночей весеннихъ тишина!
 Поужинавъ въ селѣ, у хижины убогой,
 Подъ сѣнью свѣжихъ лозъ, когда взойдетъ луна—
 Пускаюся я въ путь. Случается дорогой,
 За пѣсенкой своей я все забыть готовъ —
 Усталость и ходьбу: она даетъ мнѣ силы.
 Да здравствуетъ же ночь и чудныя свѣтила,
 Чтѣ улыбаются сквозь кружево листовъ!
 Да здравствуютъ сердца, гдѣ мѣсто есть надеждъ!
 Таеъ вотъ Флоренція — моихъ стремлений цѣль!
 Я завтра буду знать: найдетъ ли здѣсь, какъ прежде,
 Радущее и привѣтъ бродячій менестрель?
 Однако, отдохнуть немного до разсвѣта
 Мнѣ не мѣшало бы... Но если чрезъ плечо
 Вы лютню носите и если вы одѣты

Въ поношенный костюмъ — не очень горячо
Хозяинъ приметъ васъ!

(Замѣчаетъ скамейку).

А! Вотъ скамья изъ дѣрна,
И, право, мнѣ заснуть хотѣлось бы пока.
Немного жестко здѣсь... за то какъ ночь мягка!..
И утромъ солнышко согрѣетъ благотворно
Скитальца, если онъ измоетъ отъ росы.
И прежде я знавалъ подобные часы,
Когда небесный сводъ одинъ служилъ мнѣ кровомъ!
Я знаю — не слыветъ хозяиномъ суровымъ
Господь, и у Него всегда найдешь кредитъ!..

(Ложится на скамью, закутавшись плащомъ, и закрываетъ глаза).

СИЛЬВІЯ (слѣдя за нимъ съ террасы).

Бѣдняжка! За него душа моя болитъ.
Скитальца приютить мы всѣ должны охотно;
Сердилась я сейчасъ, что ночи такъ теплы,
О, Боже, какъ порой мы всѣ бываемъ злы!
Поддавшись прихоти пустой и мимолетной,
Готовы мы забыть обиженныхъ судьбой,
Бездомныхъ странниковъ.

(Спускается съ террасы).

Позвать его съ собой?

(Увидѣвъ спящаго Занетто).

Но онъ уже уснулъ! Какъ странно! Непонятной
Тревогою я вся невольно смущена.
Заснувшій юноша... просторъ... и тишина,
Дыханье вѣтерка и ночи ароматной —
Волнуютъ душу мнѣ сильнѣе и сильнѣй,
И что-то новое теперь проснулось въ ней...

(Наклоняясь, чтобы разсмотрѣть Занетто).

Но онъ — мечты моей живое воплощенье!

(Взавъ его за руку).

Проснитесь! Сыро здѣсь.

ЗАНЕТТО (просыпаясь, смотритъ на Сильвию съ восторженнымъ изумленіемъ).

А!.. Фея!.. Безъ сомнѣнья,
Въ волшебныхъ грѣзахъ мнѣ являлася она,
И сонъ мой полонъ былъ сіяющихъ видѣній!

СИЛЬВІЯ.

Тѣ свѣтлый лучъ игралъ на зелени растеній.

ЗАНЕТТО.

О, нѣтъ, и голосъ вашъ узналъ я. Въ тихомъ снѣ
Порой нисходитъ даръ предвѣдѣнья, чудесный,
И звуки, полные гармоніи небесной,
Сейчасъ я слышалъ здѣсь: они знакомы мнѣ.

СИЛЬВІЯ.

Быть можетъ—тѣ, чтѣ вамъ казалось словами,
Былъ легкій вѣтерокъ, играющій листьями,
Который улетѣлъ въ заоблачную высь...

ЗАНЕТТО.

Но кто же вы тогда, скажите?

СИЛЬВІЯ.

Я — сюрпризъ.

Пойдемте. У меня васъ ждетъ ночлегъ и ужинъ.
Вамъ, безъ сомнѣнія, хорошій отдыхъ нуженъ?

ЗАНЕТТО (продолжая смотрѣть на нее).

О, нѣтъ. Благодарю. Заснуть не въ силахъ я
И поздно ужиналъ.

СИЛЬВІЯ (въ сторону).

Не будь къ нему жестока!

Ты знаешь, что любовь безжалостна твоя,
А онъ — еще дитя... Останься безъ упрека!..

(Громко).

Скажите, кто же вы, — заснувшій мирнымъ сномъ
Такъ скоро подъ моимъ раствореннымъ окномъ?

ЗАНЕТТО.

О, въ имени моемъ, конечно, нѣтъ секрета.
Предъ вами — музыкантъ, зовутъ меня — Занетто,
И съ дѣтства раннаго я къ жизни кочевой
Привыкъ. Вся жизнь моя — прогулка, и едва ли
Двѣ ночи я провелъ подъ кровлею одной...
Повсюду проходя безъ горя и печали,
Я знаю даже три, четыре ремесла,
Ненужныхъ никому и все-жъ необходимыхъ:
Я правлю челнокомъ при помощи весла;
Привыкъ я объѣзжать коней неукротимыхъ,
Охотиться въ лѣсу со сворою собакъ
Борзыхъ; среди аллея развѣсистаго сада
Съумѣю межъ вѣтвей повѣсить я гамакъ
Въ тѣнистомъ уголѣ, гдѣ царствуетъ прохлада.
Теперь сознаюсь вамъ: отчасти я — поэтъ
И риемой звонкою кончаю свой сонетъ;
Не смѣю умолчать еще о скромномъ дарѣ:
Я, сверхъ всего, даю уроки на гитарѣ.

СИЛЬВІА (улыбаясь).

Съ профессіей такой обѣдать не всегда
Приходится...

ЗАНЕТТО.

О, нѣтъ. Бываетъ иногда
И выгода. Но я, къ несчастью, непрактиченъ:
Моихъ обѣдовъ часъ весьма проблематиченъ,
Порою мнѣ забыть приходится о немъ.
Когда не повезетъ, миряся съ неуспѣхомъ,
Какъ бѣлка, я въ лѣсу обѣдаю орѣхомъ;
Но чаще я встрѣчалъ радушнѣйшій пріемъ
(По правдѣ говоря: немного мнѣ и надо).
Когда спускается вечерняя прохлада,
Вхожу я въ замокъ, гдѣ собралася семья
За полнымъ яствъ столомъ, прося о дозволеньи
Пропѣть имъ что нибудь; во время исполненья
Романса нѣжнаго, когда увижу я
Фазановъ и куски поджаренной дичины —
Все слаще и нѣжнѣй польются каватины,
На столъ кидаю я порою пылкій взоръ, —
Меня поймутъ сейчасъ и ставятъ мнѣ приборъ!

СИЛЬВІА.

Такъ вы въ Флоренцію идете, безъ сомнѣнья!

ЗАНЕТТО.

Какъ: безъ сомнѣнья? Нѣтъ. Я странствовать привыкъ
По волѣ прихоти, по волѣ вдохновенья!
Одна фантазія — мой вѣрный проводникъ.
Я странствую, какъ листъ, оторванный грозою,

Какъ лѣтнихъ облаковъ туманная града,
 Не зная самъ, зачѣмъ несусь я, и куда?
 И цѣли я нигдѣ не вижу предъ собою.
 Я тотъ, кого зовутъ: безумецъ и поэтъ,
 Который жаждетъ лишь свободы и простора.
 Гдѣ раньше я бывалъ, туда явлюсь не скоро...
 Мнѣ кажутся легки мои шестнадцать лѣтъ;
 Порой за мотылькомъ или птицей перелетной
 Я слѣдую въ пути, срываю беззаботно
 Цвѣтокъ, и вновь иду тропинкою лѣсной,
 Гдѣ только свѣтляки мелькаютъ предо мной.
 Во время лѣтнихъ грозъ я прячусь подъ листвою,
 Но если солнышко блеснетъ надъ головою —
 Бѣгу въ ту сторону, гдѣ радуги узоръ
 Сіяетъ на небѣ. Съ фортуной горделивой
 Знакомства не ищу, и съ нею до сихъ поръ
 Не встрѣтился. Я — тотъ бѣднякъ неприхотливый,
 Чтѣ пить изъ ручейка, проходить рѣку въ бродъ,
 Не знаетъ отдыха и все не устаетъ...

СИЛЬВИЯ.

Скажите мнѣ: ужель, когда, въ чаду мечтаній,
 Вы шли, все далѣе и далѣе стремясь, —
 Объ отдыхѣ вы и не вспомнили хоть разъ?
 Ужели никогда среди своихъ скитаній
 Вы не замѣтили уютный бѣлый домъ,
 Обвитый розами и сѣтью виноградной,
 Гдѣ дремлетъ старый песъ лѣниво подъ окномъ,
 Гдѣ счастьемъ дышетъ все и прелестью отрадной?
 Ужели у окна, межъ зелени и розъ,
 Головку дѣвушки вамъ видѣть не пришлось,
 Которая даритъ прохожаго улыбкой?

ЗАНЕТТО.

Случалось. Но, увы, моей гитары звучь
 Отцовъ и матерей повергнулъ бы въ испугъ
 (Что было бы весьма плачевною ошибкой)...
 Таеъ камень, брошенный гурьбою шалуновъ,
 Подниметь невзначай всю стаю воробьевъ...
 Съ моей наружностью бродяги и цыгана
 Мнѣ трудно укротить домашняго тирана;
 Я имъ не нравлюся, они противны мнѣ —
 Таеъ лучше мы семью оставимъ въ сторонѣ.

СИЛЬВІЯ.

И вы не увлеклись о счастья мечтами,
 Когда красавицы видали въ васъ цвѣтами?

ЗАНЕТТО.

Къ чему? Съ улыбкою я мимо проходилъ.
 И, право, еслибъ я, къ несчастью, полюбилъ —
 Со страхомъ думаю: что сталося бы со мною!
 Свобода и просторъ мнѣ дороги вдвойнѣ,
 Я радъ ихъ сохранить. Подумайте, — вѣдь мнѣ,
 Привыкшему бродить съ гитарой за спиною, —
 Тяжелой ношею покажется любовь!..

СИЛЬВІЯ (улыбался).

Васъ — птичку вольную — не сдѣлаешь ручною?

ЗАНЕТТО.

О, нѣтъ!

СИЛЬВІЯ.

И все-жъ она подъ сѣнію деревъ
 Советъ себѣ гнѣздо когда нибудь...

ЗАНЕТТО.

Едва ли.

Любви страшуся я... и еслибы вы знали,
Какъ весело идти, рѣзвиться, отдохнуть,
Подобно мотыльку, и вновь пускаться въ путь,
Когда захочется...

СИЛЬВІЯ.

Но счастье — не въ этомъ.

Итакъ, случайно вы явились сюда?
Васъ путь лѣсной манилъ? Сіяя мягкимъ свѣтомъ,
Свѣтила вамъ съ небесъ вечерняя звѣзда?
Иль слѣдовали вы за ласточкой залетной,
Такой же рѣзвою, такой же беззаботной,
Которая сюда неслась издалека?

ЗАНЕТТО.

Почти.

СИЛЬВІЯ.

Такъ вашъ приходъ отчасти не случайный.
У васъ есть планы?

ЗАНЕТТО.

Да, лишь смутные пока...

СИЛЬВІЯ.

И все же?

ЗАНЕТТО.

Будущность моя покрыта тайной.

СИЛЬВІЯ.

Могу я вамъ помочь?

ЗАНЕТТО.

Мнѣ помощь не нужна,
 И, можетъ быть, мои кончаются свитанья;
 Вы знаете, — мнѣ мысль явилася одна:
 Воспитанный въ семьѣ чужой, изъ состраданья —
 Кто былъ моимъ отцомъ? сказать я не могу —
 Маркизь или дровосѣкъ? Но я порой весенней
 Увидѣлъ Божій свѣтъ; и въ этомъ нѣтъ сомнѣній.
 Какой-то свѣтлый лучъ живетъ въ моемъ мозгу,
 И я забылъ о томъ, что выросъ сиротою.
 Но вы, синьора, вы съ сердечной теплою
 Къ скитальцу отнеслись, и съ ласкою сестры,
 И я, начавъ мечтать о счастья отдаленномъ,
 Почувствовалъ себя впервые утомленнымъ...
 Съ подобной красотой, конечно, вы добры,
 И вашимъ я готовъ послѣдовать совѣтамъ.
 Оставьте-жъ у себя и сдѣлайте ручнымъ
 Лѣсного соловья: клянусь, я буду имъ!
 Ужель, синьора, вы откажете мнѣ въ этомъ?
 Все прошлое забывъ — о, еслибы я могъ
 Съ гитарой проводить часы у вашихъ ногъ,
 Когда, внимая струнъ дрожащимъ переливамъ,
 Вы отдавались бы мечтаніямъ счастливымъ
 И грѣзамъ!..

СИЛЬВІЯ (грустно).

Вы — дитя.

(Въ сторону).

Зачѣмъ же этотъ страхъ,
 Волненье это? Онъ остался бы со мною
 И былъ бы счастливъ... Я читала бы въ глазахъ

Его привязанность. Съ любимою мечтою
Зачѣмъ разстаться мнѣ?

ЗАНЕТТО.

Такъ вы хотите, да?

СИЛЬВІЯ (въ сторону).

Хочу ли я? О, нѣтъ, несчастный! Никогда!

ЗАНЕТТО.

Я многого прошу, не правда ли, синьора?

СИЛЬВІЯ (въ сторону).

Прошедшее мое узнаешь слишкомъ скоро,
Несчастный юноша...

ЗАНЕТТО.

Прошу въ послѣдній разъ

Отвѣта вашего.

СИЛЬВІЯ (глухо).

Вы встрѣтите отказъ.

ЗАНЕТТО.

За что же? Почему?

СИЛЬВІЯ.

Отказъ — весьма понятный.

Меня считали вы богатою и знатной
Синьорой, что могла-бъ среди своихъ дворцовъ
Роскошно принимать артистовъ и пѣвцовъ,
Отплачивая имъ богатою наградой?..
Но я — незнатная, къ несчастью, госпожа...

ЗАНЕТТО.

У васъ нѣтъ свиты?

СИЛЬВІЯ.

Нѣтъ.

ЗАНЕТТО.

Какъ? Даже и пажа?

СИЛЬВІЯ.

Его я не держу.

ЗАНЕТТО.

Но мнѣ такъ мало надо!

Я въ креслѣ спать могу, а вѣтка винограда —
Обѣдъ мой...

СИЛЬВІЯ.

Я должна сознаться...

ЗАНЕТТО.

Если вы...

СИЛЬВІЯ.

Я — бѣдная вдова и въ траурѣ.

ЗАНЕТТО.

Увы,

Лишь мѣста скромнаго у вашихъ ногъ, синьора,
Просилъ бы я.

СИЛЬВІЯ.

Нельзя.

ЗАНЕТТО.

О, Боже мой, какъ скоро

Разстаться мнѣ пришлось съ надеждою моею!
 Я къ Сильвіи иду, и, можетъ быть, у ней
 Счастливей буду я...

СИЛЬВІА.

Что слышу я? Ужасно!

ЗАНЕТТО.

Хотя мечта моя осталася напрасной,
 И въ будущемъ судьба мнѣ кажется мрачна —
 Вы не откажете мнѣ въ искреннемъ совѣтѣ?
 Здѣсь въ городѣ живетъ красавица одна,
 Которой, говорятъ, нѣтъ равной въ цѣломъ свѣтѣ!
 Со взоромъ огненнымъ, божественно блѣдна,
 Какъ вы, съ движеньями и граціей царицы —
 Синьора Сильвіа. Вы слышали о ней?
 За нею слѣдуютъ повсюду вереницы
 Поклонниковъ. Красой и роскошью своей
 Необычайною, достойной королевы,
 Прославилась она. Ей нравиться должны
 И рокоть нѣжный струнъ, и чудные напѣвы,
 Звучащія среди вечерней тишины,
 Не правда-ль?

СИЛЬВІА.

Боже мой!

ЗАНЕТТО.

Въ ея обширной свитѣ

Желалъ и я служить, но, въ сердцѣ ощутивъ
 Невольно гордости ребяческой приливъ, —
 Колеблюсь я теперь... Синьора, помогите
 Сомнѣнью моему. Я слышалъ, что она

Какой-то прелести загадочной полна,
 Прекрасна странною и жгучей красотою,
 Губящею сердца. Изъ вашихъ устъ сейчасъ
 Я слышалъ съ горестью рѣшительный отвѣзъ,
 И все же онъ былъ данъ съ невольной добротою.
 Не знаю — почему, но вѣрю я вполнѣ,
 Что вы съ участіемъ относитесь ко мнѣ,
 Что ваше искреннее, ласковое слово
 Мнѣ счастье принесетъ... Я спрашиваю снова:
 Идти мнѣ къ Сильвіи?

СИЛЬВІЯ (въ сторону).

Среди ночной тиши
 Ко мнѣ явился гость невѣдомый и чудный —
 Любовь. И я люблю всей силою души!
 Впервые сонъ ея нарушенъ непробудный.
 Мнѣ кажется, сюда вела его судьба...
 Вѣдь это счастье само проходитъ мимо —
 Ужель прогнать его? Съ тоской невыразимой
 Я чувствую, что мнѣ становится борьба
 Все тягостнѣй...

ЗАНЕТТО.

Я жду рѣшенія покорно.

СИЛЬВІЯ (въ сторону).

Я низость дѣлаю, и роль моя позорна,
 Но такъ велитъ судьба и онъ желаетъ самъ...
 Такъ слушайте... У ней... (Грошко).

ЗАНЕТТО.

У ней?

СИЛЬВІЯ (послѣ краткаго молчанія,
съ страшнымъ усиленіемъ).

Не мѣсто вамъ,

Повѣрите мнѣ, дитя. У женщины безчестной,
Своею роскошью постыдною извѣстной —
Тамъ васъ опасности невѣдомыя ждутъ.
Увы, я не могла доставить вамъ пріютъ,
Въ которомъ путнику нигдѣ-бъ не отказали,
Но васъ могу за то избавить отъ печали
И горькаго стыда. Какъ? Вы? Дитя лѣсовъ,
Привыкшее слѣдить за бѣгомъ облаковъ,
Внимать лишь ручейкамъ и пташкамъ говорливымъ, —
Наивный юноша, оставшійся правдивымъ,
Съ челомъ, увлажненнымъ отъ утренней росы, —
Войдете въ этотъ домъ роскошный и презрѣнный,
Гдѣ длятся пиршества постыдные часы,
Гдѣ царствуетъ порокъ съ развязностью надменной!
Какъ? Ваши дѣтскія, невинныя уста
Коснутся съ жадностью ужасной чаши оргій,
Вы испытаете нечистые восторги
И васъ поблекшая заманитъ красота?..
Вамъ — робкій юноша съ кудрями золотыми
И взоромъ дѣвственнымъ — не мѣсто между ними!
Своими пѣснями за ласковый пріемъ
Вы можете платить, но все-жъ необходимо
Разборчивѣе быть... Въ усердіи своемъ
Я, вѣрно, вамъ кажусь вполнѣ неумолимой,
А въ снисхожденіи нуждаюся сама...
Простите мнѣ, дитя! Правдива и пряма
Моя привязанность. Я васъ люблю, Занетто —
Какъ сына, и навѣкъ отъ гибели спасу.
Останьтесь соловьемъ! Пускай весна и лѣто

Предъ вами развернуть роскошную красу,
 И лютя зазвучить въ проснувшемся лѣсу,
 Какъ прежде, нотою протяжной и пѣвучей!
 Когда же облака сберутся черной тучей —
 Спѣшите въ хижинѣ или замкѣ отдохнуть,
 Чтобъ снова на зарѣ пуститься въ дальнѣйшій путь.
 И послѣ, какъ нибудь, въ селѣ, весною ранней,
 Головку дѣвушки увидѣвъ у окна,
 Поймете вы, что жизнь бродячая — скучна,
 И — время отдохнуть навѣки отъ скитаній!
 Тамъ счастье васъ ждетъ и длинный рядъ годовъ
 Отрадныхъ.

ЗАНЕТТО.

Я во всемъ васъ слушаться готовъ.
 Но эта женщина своей недоброй славой,
 Быть можетъ, клеветѣ обязана лукавой?
 И тѣ, что видѣли ея роскошный домъ —
 Всѣ отзывались безъ ужаса о немъ.
 Но еслибы я зналъ...

(Замѣтивъ горестное движеніе Сильвіи).

Простите, что некстати
 Страннаго тайнаго коснуться мнѣ пришлось.
 И васъ не оскорбитъ предложенный вопросъ?
 Вы трауръ носите по мужѣ или братѣ,
 Погибшемъ навсегда по Сильвіи винѣ,
 Быть можетъ? И, своей отдавшись печали,
 Вы думали о немъ — не только обо мнѣ?
 Простите же меня!

СИЛЬВІЯ (мрачно).

Нѣтъ, вы не угадали
 Причину тайную волненія моего;

Я не лишилася, повѣрьте, никого.
 А Сильвіи мнѣ жаль, и — какъ оно ни странно —
 Ее не въ силахъ я спокойно осудить.
 Я знаю, что она способна пощадить
 Порой, хотя на мигъ, того, кому охраной —
 Невинность... Но, въ ея позорѣ убѣдась, —
 Какъ долго устоитъ она отъ искушенья
 Втоптать все чистое, возвышенное въ грязь? —
 Сказать я не могу... И вотъ мое рѣшенье:
 Бѣгите отъ нея!

(Съ сдержанною скорбью).

Не можете вы знать,
 Что купленъ вашъ покой ужасною цѣною!
 Заставить васъ идти дорогою иною
 Мнѣ трудно, тяжело... Дитя, всего понять
 Не въ силахъ вы теперь... Конечно, такъ и надо...
 И ваше счастье — мнѣ лучшая награда.

(Въ сторону).

Все кончено, навѣгъ!.. Но если... понялъ онъ?..

ЗАПЕТТО.

Когда вашъ приговоръ надъ ней произнесенъ,
 Я повинуюся, и тотчасъ на разсвѣтѣ
 Отсюда ухожу. Теперь на божьемъ свѣтѣ
 Грустнѣе будетъ мнѣ... Я понялъ въ первый разъ
 Всю прелесть отдыха. Усталостью томимый,
 Его желалъ бы я, но мой не пробилъ часъ!
 И все-жъ отрадою, почти неуловимой,
 Полна душа моя, и самый вашъ отказъ,
 Мнѣ кажется, былъ данъ какъ будто съ сожалѣньемъ...

(Умоляющимъ тономъ).

Ужели ничего на память я съ собой

Отсюда не возьму? Вѣдь это утѣшеньемъ
 Служило-бъ для меня... И если мнѣ судьбой
 Изгнанье суждено — съ невольнымъ облегченьемъ
 Я зналъ бы, что тому вы нѣ были виной
 И съ тайной горестью простилися со мной?

СИЛЬВІА (быстро подавая ему одно изъ своихъ колецъ).

Вотъ перстень... и его храните неизмѣнно
 На память обо мнѣ.

ЗАНЕТТО (съ движеніемъ, выражающимъ отказъ).

Синьора, слишкомъ цѣнно
 Подобное кольцо. Я вижу тутъ алмазъ
 Огромный, въ дорогой, изящнѣйшей оправѣ,
 И я принять его тѣмъ болѣе не въ правѣ,
 Что сами вы бѣдны...

СИЛЬВІА (въ сторону).

Поднять не смѣю глазъ...
 Ужель онъ знаетъ все?.. И это — испытанье?..
 (Громко).
 Но что же мнѣ вамъ дать?

ЗАНЕТТО (съ удареніемъ).

Прошу воспоминанья, —
 Не милостыни, нѣтъ... но то, что я бы могъ
 Съ любовью сохранять. Отдайте мнѣ цвѣтокъ
 Изъ вашихъ темныхъ косъ — пурпуровую розу...

СИЛЬВІА (подавая цвѣтокъ).

Возьмите. Но, увы, она съ зарею дня

Увянетъ навсегда. Тогда забудьте грёзу
 Минутную свою... забудьте и меня...
 Прощайте...

ЗАНЕТТО (бросаясь къ Сильвіи, которая удаляется).

Я молю: скажите мнѣ хоть слово
 Послѣднее... Теперь мнѣ вѣжется суровой
 Судьба моя. Боюсь, что къ счастью пути
 Утрачены, и я не въ силахъ ихъ найти!
 Такъ будьте же моей счастливою судьбою:
 Въ ту сторону, куда укажете рукою —
 Туда направлюсь я: предъ вами цѣлый свѣтъ...

СИЛЬВІЯ (поднявшись уже до половины террасы, указываетъ Занетто на правленіе, противоположное городу).

Идите въ сторону, гдѣ искрится разсвѣтъ!

Занетто (дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Сильвіи, которая останавливаетъ его движеніемъ руки, и онъ съ жестомъ, полнымъ отчаянія, быстро уходитъ).

СЦЕНА III.

Сильвія — одна. Она остается съ минуту на террасѣ, слѣдя за удаляющимся Занетто, потомъ внезапно схватывается руками за голову и заливается слезами.

СИЛЬВІЯ.

Благословляю васъ, любви святая грёзы!
 Вы дали мнѣ опять и радости, и слёзы!..

(Занавѣсъ опускается).

1886 г.

ДВѢ СКОРБИ.

(DEUX DOULEURS Ф. Коппé. Драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ренé.

Берта.

Доминикъ, слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ наше время.

Рабочій кабинетъ, убранный богато и съ артистическимъ вкусомъ. Книжки, бумаги разбросаны по мебели и ковру. Повсюду — смѣшеніе книгъ, оружія, статуй, различныхъ предметовъ искусства и роскоши. Ночь. На столѣ горитъ лампа.

СЦЕНА I.

Берта и Доминикъ.

(При поднятіи занавѣса, Берта въ дорожномъ траурномъ костюмѣ сидитъ на диванѣ. У ногъ ея лежитъ саквоязъ. Доминикъ, старый слуга, съ деревенскими манерами, стоитъ предъ ней и разговариваетъ съ почтительной фамиллярностью).

ДОМИНИКЪ.

Нѣтъ, барышня, клянусь, при немъ въ минуту смерти
Быль только я одинъ—слуга его, повѣрьте.

Съ тѣхъ поръ ужъ минуло три долгихъ, долгихъ дня,

И если вы узнать хотите отъ меня
 Подробности его безвременной кончины,—
 Я все вамъ расскажу, таится нѣтъ причины.
 Вы знаете, тому недѣли три назадъ,
 Свое послѣднее онъ издалъ сочиненье,—
 О книгѣ этой всѣ съ восторгомъ говорятъ,
 И къ вамъ молва о ней достигла, безъ сомнѣнья?
 И что-жь; повѣрите-ль?

Успѣхъ его поэмъ,
 Восторгъ и похвалы, чтò хоромъ воспѣвали
 Газеты—на лицѣ его не вызывали
 Улыбки. Онъ шепталъ насмѣшливо: «Зачѣмъ?»
 Къ дивану подойдя нетвердыми шагами,
 Ложился на него, и цѣлыми часами,
 Охваченный какимъ-то страннымъ забытьемъ,
 Слѣдилъ разсѣянно за тлѣющимъ огнемъ.
 Однажды онъ сказалъ, предчувствуя разлуку:
 «Ты плачешь, кажется, мой добрый Доминикъ?»
 И тихо продолжалъ, протягивая руку:
 «До завтра подожди печалиться, старикъ!»
 Онъ умеръ въ ту же ночь, слабѣя ежечасно...
 Сказали доктора, что въ сердцѣ былъ порокъ
 У барина и онъ поправиться не могъ.
 Скончаться въ тридцать лѣтъ! Неправда ли, ужасно?

БЕРТА.

Онъ исповѣдался предъ смертью, Доминикъ?

ДОМИНИКЪ.

Вотъ видите, народъ въ Парижѣ не привыкъ
 О Богѣ вспоминать и думать о спасеньи.
 Но видя барина въ такомъ изнеможеньи

И чувствуя, что смерть его недалека,
Я тотчасъ предложилъ позвать духовника,
Но онъ, казалось, не понялъ, и ни слова
Мнѣ не отвѣтилъ.

БЕРТА.

Нѣтъ? Я умоляю снова,
Не скройте отъ меня буквально ничего,
Мой старый другъ: всѣ тѣ, кто утѣшалъ его
Въ тяжелые часы унынья и страданья —
(Вы можете о томъ сказать безъ колебанья) —
Вѣдь это были все: товарищи, друзья,
Не болѣе?

ДОМИНИКЪ.

О томъ могу завѣрить я.

БЕРТА.

И все же... да, теперь молчанье не у мѣста,
Я выскажусь. Вѣдь я была его невѣста,
Вы знаете. Когда, къ извѣстности стремясь
И славѣ, онъ, съ тоской въ душѣ, покинулъ насъ, —
Я знаю, что, среди веселья и безпечной
Парижской жизни, онъ остался вѣренъ мнѣ
И долго обо всемъ писалъ чистосердечно.
Но что такъ измѣнить могло его вполне —
Вы знаете одинъ... Вліянье очевидно
Какой-то женщины и низкой и безстыдной...
Кому онъ поддался? Скажите, кто она?

ДОМИНИКЪ.

Я тайну барина вовѣки не нарушу.

БЕРТА (въ сторону).

Онъ правъ... Возможно ли, чтобъ эта тишина
 Была обманчивой, и вновь закралась въ душу
 Мученья ревности? Но гдѣ же мой обѣтъ
 Прощенія? Ужель забыты десять лѣтъ
 Покорности и слезъ?

(Громко).

Я вамъ скажу о цѣли
 Пріѣзда моего. Давно мы не имѣли
 Извѣстія о немъ. Стараяся нести
 Безропотно мой крестъ, терпѣла я разлуку,
 И вдругъ — письмо, письмо! Его узнала руку
 Я тотчасъ же, но тамъ стояло лишь: «прости!»
 Въ порывѣ радости безумной я готова
 Была летѣть къ нему, его увидѣть снова —
 Но тутъ же, съ траурной зловѣщею каймой
 Билетъ мнѣ сообщилъ о вѣсти роковой...
 Я все-жъ поѣхала. Склонясь надъ мертвымъ тѣломъ,
 Я жаждала шепнуть съ горячею слезой
 Слова прощенья, которыхъ ждалъ живой,
 Припавъ къ устамъ его, навѣки охладѣлымъ...

(Помолчавъ и успокоившись).

Ступайте, Доминикъ, вамъ отдохнуть пора.
 Я остаюся здѣсь и буду до утра
 Молиться за него въ покинутомъ жилищѣ,
 А завтра вмѣстѣ мы поѣдемъ на кладбище.

(Доминикъ кланяется и уходитъ).

СЦЕНА II.

Берта одна.

БЕРТА.

Да, здѣсь онъ умеръ. Здѣсь, за письменнымъ столомъ,
 Склонялся часто онъ задумчивымъ челомъ.
 Вы, окружавшіе покойнаго предметы:
 Оружье на стѣнѣ, знакомые портреты
 И груды старыхъ книгъ, поэту дорогихъ,
 Перо, которымъ онъ начертывалъ свой стихъ,
 Исполненный огня, сарказма и печали,
 Зеркаль богатыхъ рядъ, чтѣ часто отражали
 Усталыя черты въ полночной тишинѣ,
 Секретъ, хранимый имъ, молю: откройте мнѣ!
 Скажите мнѣ: ударъ, который онъ нанесъ,
 Не стоилъ ли ему раскаянія и слезъ?
 Вы знаете ли, чье вліянье роковое
 Заставило его покинуть все родное?
 А я — забытая, какъ часто напролетъ
 Сидѣла я всю ночь, съ безумною тревогой,
 Слѣдя за хорошо знакомою дорогой,
 Которою теперь онъ больше не придетъ!
 Онъ о покинутой не думалъ ли порою?
 Въ тотъ чудный часъ, когда съ вечернею зарею
 Нисходитъ тишина глубокая окрестъ,
 И загорается сіянье яркихъ звѣздъ
 На небѣ,—въ этотъ часъ, съ тоскою затаенной,
 Не вспоминалъ ли онъ про домикъ отдаленный,
 И ту, которая, отчаяньемъ полна,
 Ждала его, всю жизнь была ему вѣрна?
 Увы, сомнѣнія разсѣять вы бессильны!

Но, Боже, если въ мракъ ужасный, замогильный
 Укоры совѣсти закрались, какъ змѣя, —
 Знай, мой возлюбленный, виной тому не я!
 Съ любовью нѣжною тебѣ я все простила,
 И даже, даже къ ней, которая сгубила
 Тебя, въ душѣ моей нѣтъ ревности, повѣрь!

(Справа слышенъ шумъ).

Но что я слышу? Звукъ почти неуловимый
 Ключа въ замкѣ!.. Шаги!.. Такъ здѣсь скрывалась дверь
 Секретная! Какой-то страхъ невыразимый
 Овлаживаетъ мной... Въ глухую ночь... одна!
 (Направо медленно открывается дверь, скрытая подъ обоями).

Сюда идутъ. Скорѣй. Я спрятаться должна!

(Берта скрывается за ширмой, оставаясь видимой для публики.—Ренэ, подъ вуалью и сильно взволнованная, входитъ на сцену и останавливается, опираясь въ изнеможеніи на спинку кресла).

СЦЕНА III.

Берта (спрятанная) и Ренэ.

РЕНЭ.

Не лучше-ль было-бъ мнѣ лежать на днѣ могилы,
 Чѣмъ вновь придти сюда, въ твое жилище, милый?
 Меня здѣсь не было съ тобою въ скорбный часъ
 Агоніи, когда безвременио угасъ
 Сіявшій на челѣ твоемъ высокій геній.
 Ты вынесъ одинокъ всѣ ужасы мученій
 Предсмертныхъ, а теперь, когда-бъ увидѣлъ ты,
 Что подъ защитою глубокой темноты
 Прокралась я, дрожа, какъ прежде въ мигъ свиданья,
 И еслибъ зналъ, зачѣмъ явилась я сюда —

Съ лицомъ, пылающимъ отъ жгучаго стыда —
 Ты вѣрно-бъ не нашелъ несчастной оправданья!
 Но уничтожить я обязана слѣды
 Любви, скрываемой такъ долго передъ свѣтомъ.
 Не для себя самой, о, нѣтъ, клянуса въ этомъ,
 До мнѣнья общества мнѣ также нѣтъ нужды;
 Я не боюсь, чтобъ мужъ узналъ мою измѣну;
 Вѣдь жизнь въ глазахъ моихъ теперь теряетъ цѣну
 Когда въ могильный мракъ навѣки ты сошелъ, —
 А добродѣтели фальшивый ореолъ
 Я презираю. Нѣтъ, не лживая супруга
 Свой грѣхъ желаетъ скрыть, но — любящая мать!
 У ней достало силъ моленья отвергать
 Твои о счастиі подъ свѣтлымъ небомъ юга...
 Для сына моего должна спасти я честь,
 Для сына, спящаго спокойно въ колыбели...
 Прости, прости меня!

БЕРТА (въ сторону).

Отраднa будетъ месть,
 Она въ моихъ рукахъ, и я достигну цѣли!

РЕНЭ (стараясь отогнать какую-то мысль).

Но что это?

(Съ удивленіемъ).

Зачѣмъ здѣсь лампа зажжена?

А дверь?

(Подбѣгаетъ къ двери въ глубинѣ и открываетъ ее).

Возможно ли? Открыта, и она?

(Показывая на ящикъ, стоящій на столѣ).

Вотъ въ этомъ ящикѣ съ богатою рѣзбою
 Всегда онъ сохранялъ и письма, и портретъ.

Слуга недалеко, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ...
 Скорѣй! Здѣсь дышетъ все печалью гробовою...
 Мнѣ страшно... словно врагъ пришелъ за мной сюда!

БЕРТА (выйдя изъ своего убѣжища и положивъ руку на ящикъ).

Вы правы, такъ какъ вы погибли навсегда!

РЕНЭ.

Кто эта женщина?

БЕРТА (съ ироніей).

Итакъ, шкатулка эта —

Въ ней все хранилося: отъ писемъ до портрета?
 И ночью позднею, сквозь сумракъ и туманъ,
 Явились вы сюда... закончить свой романъ?
 Убійца, совершивъ удачно преступленье,
 Тревожится (вполнѣ законно, безъ сомнѣнья),
 Желаньемъ скрыть отъ всѣхъ имъ пролитую кровь
 И въ домъ убитаго порой приходитъ вновь!
 Неправда ли? И я, ревнивыми глазами,
 Съ тѣхъ поръ, какъ вы сюда, взопли слѣжу за вами,
 Я сознаю, что вы, какъ демонъ хороши,
 И ненавижу васъ всей силою души!

(Ренэ хочетъ заговорить).

БЕРТА (прерывая ее).

Безъ возраженія! Оно тутъ не у мѣста.
 Узнайте же, что я была его невѣста, —
 Теперь въ лицѣ моемъ судья для васъ готовъ;
 Самъ Богъ избралъ меня для справедливой мести.
 Его убили — вы. Позорная любовь
 Все заглушила въ немъ: и долгъ, и чувство чести —

Безъ нихъ онъ жить не могъ. Утративъ идеаль,
 Онъ въ смерти лишь одной спасенія искалъ.
 Какъ? Мы, забытыя въ деревнѣ отдаленной,
 Мы будемъ свѣчи жечь предъ мраморной Мадонной,
 Скрывая ото всѣхъ тоски гнетущей слѣды,
 И тщетно ждать письма, котораго все нѣтъ!
 Увянемъ мы въ глуши и вынесемъ разлуку,
 На дѣлѣ изучивъ тяжелую науку
 Терпѣнія, нѣмой покорности судьбѣ!..
 А въ это время вы, въ тревогѣ и борьбѣ
 Парижа, увидавъ людей, любимыхъ нами —
 Скуете ихъ на-вѣкъ позорными цѣпами.
 Вы, позабывшія обязанность свою,
 Достоинство и честь, и самую семью,
 Вы увлечете ихъ — оно легко и скоро!
 Когда-жъ несчастные, въ сознаніи позора,
 Увидѣвъ навсегда разбитыми мечты,
 Всю горечь испытавъ сердечной пустоты,
 Весь ужасъ вашихъ ласкъ, съ другими раздѣленныхъ,
 И съ злобою въ сердцахъ, глубоко оскорбленныхъ,
 Съ невѣріемъ въ душѣ погибнуть изъ-за васъ —
 Съ какимъ раскаяньемъ и нѣжностью тотчасъ
 Вы вспомните, что вы — и матери, и жены,
 Готовыя блюсти семейные законы,
 И слезы проливать горючія ручьемъ
 Надъ бѣдными дѣтьми, чѣмъ спятъ спокойнымъ сномъ!
 Ты будешь отомщенъ, клянусь тебѣ, и — вскорѣ.
 Съ тобою умереть не стало у нея
 Ни мужества, ни силъ, но общество, семья
 Узнаютъ о ея паденьи и позорѣ!
 Что-жъ? Унижайтесь, идите до конца,
 Вамъ не снести постыдную огласку,

И оскорбленемъ вызванную краску
Сгоните поскорѣй съ преступнаго лица!

РЕНЭ.

Вы ошибаетесь, отъ просьбы униженной
И слезъ я воздержусь. Онѣ запрещены —
Не гордостью моею, жестоко оскорбленной,
Но искреннимъ вполнѣ сознаниемъ вины.
Свершайте вашу месть. Губите. Я готова,
И, голову склонивъ, не возражу ни слова...
Я ненавиждѣть васъ не стану никогда;
Сейчасъ краснѣла я, но только отъ стыда:
Вы ошибаетесь! Узнайте, что покойный
Себя не запятналъ измѣной недостойной,
Способенъ не былъ онъ къ измѣнамъ мелочнымъ,
И только потому, что страстно былъ любимъ,
Меня онъ полюбилъ.

БЕРТА.

Прекрасное признанье!..
Его любили вы? Но вы сошли съ ума!

РЕНЭ.

Любовью, полною глубокаго страданья,
Любовью, пылкою, какъ ненависть сама!
Я счастье свое разбила безъ пощады,
Меня остановить двѣ страшныя преграды.
Въ то время не могли: семейный мой очагъ
И сына колыбель. Зимой, въ глубокой мразь,
Подъ снѣгомъ и дождемъ, боясь быть открытой,
Я шла къ нему, съ душой измученной, разбитой,
И утромъ, возвратясь украдкою домой,

Я видѣла во всемъ упрекъ себѣ нѣмой.
 Все мучило меня. Супругой образцовой,
 Прекрасной матерью повсюду я слыву,
 Дрожа за каждое мной сказанное слово,
 За каждый тихій вздохъ во снѣ и на яву.
 Клянусь, платила я тяжелою цѣною
 За счастье рыдать, селонясь въ нему на грудь!

БЕРТА.

Рыдать?.. О, Боже мой, не смѣйтесь надо мною,
 Пытаясь меня ~~напрямую~~ обмануть!
 Душой, желаніемъ безумнымъ поглотенной,
 Все счастье любви преступной, запрещенной
 Могла я угадать. Среди ночной тиши
 Какъ обаятельно, какъ чудно хороши,
 Какъ полны жгучаго восторга и страданья
 Казались вамъ часы недолгаго свиданья!
 Тогда, — не правда ли, — вы такъ же, какъ теперь,
 Входили въ хорошо знакомую вамъ дверь?
 За письменнымъ столомъ, мечтой своей волнуемъ,
 Онъ здѣсь сидѣлъ, и вы, чуть слышнымъ поцѣлуемъ
 Прервавъ его — селонясь, читали чрезъ плечо
 Тѣ чудные стихи, гдѣ онъ такъ горячо
 Воспѣлъ любви своей блаженство и волненье...
 Я вамъ завидую и я хочу отмстить!

РЕНЭ.

Ужаснѣе едва-ль найдете вы мученье
 Чѣмъ тѣ, что я должна безропотно сносить!
 Вы знаете ли, какъ извѣстье о кончинѣ
 Достигло до меня? Огонь горѣлъ въ каминѣ, —
 То было вечеромъ, — и сынъ мой вслухъ читалъ

Молитву передъ сномъ... О, кто бы угадалъ
 Мученія мои и ужась безпредѣльный!
 Быть можетъ, въ этотъ часъ, въ агоніи смертельной,
 Онъ — мой возлюбленный — напрасно звалъ меня!
 Часы пробили семь, отчетливо звеня;
 Мужъ тутъ же пробѣгалъ вечернюю газету.
 Я тихо начала: «Прошу тебя, мой другъ,
 Взгляни, не лучше ли извѣстному поэту?»
 Я слышала сама безумный сердца стукъ,
 Чтò билося въ груди такъ часто и неровно...
 Но онъ отвѣтилъ мнѣ, зѣвая хладнокровно:
 «Вчерашнимъ вечеромъ скончался твой поэтъ!»
 Когда я роковой услышала отвѣтъ,
 Я руку мальчика вдругъ стиснула невольно
 Въ безуміи своемъ... и съ ужасомъ въ глазахъ
 Воскликнула онъ: «Мама, пусти меня, мнѣ больно!»

БЕРТА.

О, что за дѣло мнѣ! Мученія и страхъ —
 Вы заслужили ихъ. Но онъ — любимый вами,
 Онъ умеръ одиноко печальными глазами
 Слѣдя за дверью той, и въ свой послѣдній часъ,
 Среди агоніи, надѣясь видѣть васъ...

РЕНЭ.

Нѣтъ, вы безжалостны. Ну, что-жь? Я въ вашей власти,
 Вы все же будете несчастны навсегда,
 Узнавъ всю глубину моей безумной страсти!

БЕРТА.

Въ страданьяхъ и тоскѣ протекшіе года
 Не сдѣлали меня глухой и недоступной

Для состраданія, и женщинѣ преступной
 Готова я отмстить презрѣніемъ однимъ...
 Вы говорите: онъ былъ истинно любимъ! —
 И все же онъ погибъ и взятъ навѣкъ могилой,
 А я-бъ спасла его живительною силой
 Любви моей, и въ ней нашель бы онъ пріютъ
 Отъ страсти роковой, безумной и мятежной,
 Какъ въ пристани, давно желанной и надежной.
 Быть можетъ, онъ тогда не зналъ бы тѣхъ минутъ
 Успѣховъ, торжества... и щедрыми руками
 Поэзія тогда-бъ не сыпала цвѣтами
 На свѣжій холмъ его, но — счастливъ и спасенъ —
 Въ кругу друзей своихъ всю жизнь прожилъ бы онъ.
 Вы можете уйти. Теперь я все сказала.

РЕНЭ.

На оскорбленія я вамъ не возражала.
 Но болѣе молчать и я не въ силахъ, нѣтъ!
 Его любила я какъ ясный солнца свѣтъ,
 Какъ любить вѣрный песъ порою господина,
 И съ вѣрою былыхъ временъ христіанина
 На смерть я съ радостью пошла бы за него!
 Какъ часто, слушая въ волненіи его,
 Мечтала я о той подругѣ идеальной,
 Чтѣ для мыслителя великаго нужна,
 Которая, — когда, разстроенный, печальный,
 За лампою всю ночь проводить онъ безъ сна —
 Своею ласкою, своимъ прикосновеньемъ
 Сумѣеть положить конецъ его сомнѣньямъ.
 И еслибъ встрѣтилъ онъ когда нибудь ее —
 Я въ жертву принесла бы счастье свое
 Безъ колебанія, самъ Богъ тому свидѣтель.

Вы — воплощенная святая добродѣтель —
Вы-бъ это сдѣлали?

БЕРТА.

Такъ вы мечту одну
Лелѣяли въ душѣ: найти ему жену,
Которая была-бъ поэта добрый геній
Въ часы его борьбы, тревоги и сомнѣній?
Когда-то эту роль онъ мнѣ предназначалъ.
О, неужели же вамъ было незнакомо
Невѣсты имя? Онъ томился и страдалъ
Вдали отъ родины, друзей своихъ и дома,
И, видя это, какъ могли вы не найти
Въ себѣ рѣшимости сказать ему: прости?..

РЕНЭ.

Я это сдѣлала. Смѣтаете вы? О, Боже,
Но правду отъ меня узнаете вы все же.
Однажды онъ страдалъ... мы были здѣсь вдвоемъ,
Когда слуга его пришелъ къ нему съ письмомъ,
Полученнымъ изъ той деревни отдаленной,
Гдѣ жили вы... и онъ, какъ громомъ пораженный,
Смертельно поблѣднѣлъ. Какой-то старый другъ
Писалъ ему, что вы вину его простили
И съ твердостью судьбу свою переносили.
При чтеніи письма, имъ овладѣвшихъ музъ
Онъ скрыть уже не могъ — и съ горестнымъ порывомъ
Я вдругъ воселигнула: «Тамъ сдѣлаютъ счастливымъ
Тебя, и ты найдешь спасенье и покой!
Оставь меня!» Но онъ отвѣтилъ мнѣ съ такой
Ироніей въ своемъ на мигъ блеснувшемъ взорѣ,
Съ такой улыбкою печальной на губахъ:

«Не поздно ли теперь?» что жгучій страхъ и горе
Вдругъ овладѣли мной... Но, Боже, на глазахъ
У васъ, мнѣ кажется, сейчасъ блеснули слезы?
Вы плачете?

БЕРТА (порывисто и съ сильнымъ волне-
ніемъ).

Увы, я думала о немъ...

Забудьте же мои ревнивыя угрозы,
Мое безуміе... забудьте обо всемъ.
Вредить вамъ? Дѣлать зло? Преслѣдовать жестоко?
О, нѣтъ. Любили вы такъ сильно и глубоко,
Что ненавидѣть васъ я больше не могу;
Я относилась къ вамъ, какъ къ злѣйшему врагу —
Простите!.. Я сама страдала безнадежно.
Его любили вы — правдивою и нѣжной
Любовью... и теперь я это поняла.
Его любили вы... а я желать могла
Сгубить васъ!.. Но, влянусь, покой его загробный
Не будетъ возмущенъ моею враждою злобной.
Простите же меня — чтобъ онъ меня простилъ!
Предъ смертію своей онъ тяжело согрѣшилъ:
Онъ, бывший ревностнымъ досель христіаниномъ,
Безъ покаянія предсталъ предъ Властелиномъ,
Съ душой озлобленной, съ сомнѣньемъ на устахъ!
Вамъ — свѣтской женщиנѣ, прожившей въ городахъ,
Бретонки не понять младенческую вѣру!
Но все же моему послѣдуйте примѣру,
И вмѣстѣ, всей душой, помолимся о немъ!
Забывъ вражду свою былую, принесемъ
Мы обѣ на алтарь священный покаянья:
Вы — гнетъ раскаянья, а я — мои страданья.
Какъ яркая свѣча у гроба мертвеца,

Зажженная рукой друзей христіанина,
Пусть общая намъ скорбь, сливаясь воедино,
Молитвой жаркою достигнетъ до Творца!

РЕНЭ.

Такъ вы хотите?

БЕРТА.

Да, прошу васъ, дайте руку.

РЕНЭ.

Я недостойна, нѣтъ. Но, облегчая муку
Души моей, — во всемъ покаюсь до конца.
Передъ соперницей своей неумолимой
Молчать я стала бы, но вы съ невыразимой
Глубокой добротой простить готовы мнѣ —
Такъ знайте же: и онъ въ сердечной глубинѣ
Не могъ забыть о васъ; въ минуты увлеченья
Вы были для меня источникомъ мученья,
Будя во мнѣ слѣпой, эгоистичный гнѣвъ
И муки ревности. Я знала о причинѣ
Его холодности. Онъ — странникъ на чужбинѣ —
Любилъ душою васъ, какъ родины напѣвъ...
Тоска по васъ, тоска по брошенной отчизнѣ —
Кто знаетъ? — можетъ быть, его лишила жизни...

БЕРТА.

Не все-ль равно, кого избралъ поэта взглядъ:
Простую лилію, иль царственную розу,
Когда не можетъ онъ вдыхать ихъ ароматъ,
И смерть надъ нимъ свою исполнила угрозу?
Недосягаемый поэта идеаль,
Который на землѣ напрасно онъ искалъ —

Мы были лишь его далекимъ отраженьемъ.
 Подверженный всегда мучительнымъ сомнѣньямъ,
 Поэтъ — непонятый изгнанникъ на землѣ —
 Страдаетъ жаждою любви неутолимой;
 Все безконечное, все, что неизмѣримо,
 Влечетъ его, какъ свѣтъ, сіяющій во мглѣ.
 И какъ бы генія мечта ни называлась:
 Любовью женщины, или славою — она,
 Какъ крылья бабочки, бываетъ непрочна.
 Въ тѣ дни, когда она, къ несчастью, исполнялась,
 О ней онъ забывалъ. Его арена — мръ,
 Дивившійся его страданьямъ и успѣхамъ,
 А мы являемся подобіемъ тѣхъ лиръ,
 Гдѣ все еще звучитъ — послѣднимъ сворбнымъ эхомъ
 Поэта пѣснь.

РЕНЭ.

За зло вы платите добромъ,
 Взаимнѣ отмщенія встрѣчаю я пощаду.
 О, еслибъ вы могли найти себѣ отраду
 Въ воспоминаніи живительномъ о томъ,
 Что онъ хранилъ всегда — неизбежно и свято
 Вашъ образъ. Такъ, порой, погибшій человекъ,
 Во тьмѣ невѣрія погрязшій безъ возврата,
 Не въ силахъ заглушить въ душѣ своей навѣтъ
 Молитву матери, которую когда-то
 Ребенкомъ повторялъ...

(Съ глубокой грустью).

Обязанность моя —

До гроба крестъ нести покорно и съ терпѣньемъ,
 Предъ незаслуженнымъ краснѣя уваженьемъ,
 Которымъ окружить виновную семья...

И, мучась мыслию ужасной о позорѣ
 Своемъ, лишь изрѣдка, въ полночной тишинѣ,
 Когда все спитъ кругомъ — съ собой наединѣ
 Излить въ потоки слезъ мучительное горе!
 Теперь простимся мы! Въ отчаяньи моемъ
 Я чувствую, что я услышала о немъ
 Въ послѣдній разъ... но вамъ — отъ свѣта удаленной —
 Дозволено беречь, хранить свою мечту,
 Молиться за него и, можетъ быть, за ту,
 Которой вы себя считали оскорбленной,
 И все-жъ простили ей, повѣривъ, что она
 Любила, какъ и вы, любовью безпредѣльной!..
 Но, прежде чѣмъ пойти дорогою отдѣльной —
 А каждая изъ нихъ печальна и мрачна —
 Я такъ желала бы... и, можетъ быть, напрасно...
 Передъ разлукою еще увидѣть васъ!
 Вы не откажете мнѣ въ этомъ? Вы согласны?
 Свиданье... разговоръ о немъ въ послѣдній разъ —
 Нести судьбу мою мнѣ придали бы силы!..

БЕРТА (протягивая руку).

До завтра — у его безвременной могилы!

(Занавѣсъ опускается).

1886 г.

СОКРАТЪ И ЕГО ЖЕНА.

Комедія въ одномъ дѣйстви Теодора де Банвиля.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сократъ.
Ксантиппа.
Миррина.
Антисеенъ.
Праксіасъ.
Эвполисъ.
Фалесъ.
Мелитта.
Вакханка.

Дѣйствіе происходитъ въ Афинахъ, въ домѣ Сократа, въ 429 году до Рождества Христова.

Сцена представляет небольшой внутренней дворъ въ домѣ Сократа. Передъ правой и лѣвой стѣной, каждая изъ которыхъ снабжена дверью, открывающеюся во внутренніе покои—возвышается рядъ деревянныхъ колоннъ, поддерживающихъ выдающійся карнизъ. У задней стѣны, очень толстой, въ которой продѣлана дверь, ведущая въ вестибюль — расположена небольшая терраса, гдѣ цвѣтутъ мирты и олеандры. Направо отъ зрителей — нѣсколько стульевъ съ подушками, налѣво—столъ и ложе для отдохновенія. При поднятїи занавѣса Сократъ стоитъ неподвижно; онъ говоритъ медленно и съ задумчивымъ взглядомъ.

СЦЕНА I.

Сократъ, потомъ Ксантиппа.

СОКРАТЪ.

Страданьямъ, въ счастію, подвержено лишь тѣло,
 Душа же cadaго возвышенно и смѣло
 Свершаетъ въ небесамъ сіяющимъ полетъ.
 Какъ аргусъ съ сотней глазъ во тьмѣ она живетъ,
 Въ туманѣ хаоса, надъ бездны пустотою.
 Ее, могучую своею чистотою,
 Не въ силахъ устрашить и грозной смерти тѣнь.

КСАНТИППА (появляясь, зоветъ Сократа
 громкимъ голосомъ).

Сократъ! Мой мужъ!

(Возвышаетъ голосъ).

Сократъ!

(Въ сторону).

Молчить, какъ будто пень!

(Подходитъ къ авансценѣ и обращается къ публикѣ).

Любуйтесь, граждане, на мудраго Сократа —
 Каковъ онъ! Вѣрите-ль, съ заката до заката
 Однажды онъ вотъ такъ, какъ каменный болванъ,

Недвижно простоялъ, и виѣ себя отъ злобы
 Бываю я въ часы подобныя. Еще бы!
 Вѣдь этотъ маніакъ, безумецъ, истуканъ
 Способенъ ли понять, что онъ довольно молодъ
 И что жена его безспорно молода?
 Не знаю, чувствуетъ онъ жажду или голодъ?
 Сократу сорокъ лѣтъ. Невелики года.
 Но, если онъ теперь парить подъ небесами,
 Я спрашиваю васъ, что будетъ съ нимъ, когда
 Онъ станетъ старикомъ съ сѣдыми волосами?
 Онъ глухъ... Сержусь ли я, бываю-ль весела —
 Онъ равнодушенъ такъ, какъ будто бы пчела
 Жужжитъ вблизи него, не болѣе... Терпѣнье!
 Онъ голосъ мой сейчасъ услышитъ, безъ сомнѣнья,
 И съ нимъ заговорить, влянусь, съумѣю я.

(Кричать).

Сократъ! Бродяга! Воръ! Измѣнникъ! Трусъ завзятый!
 Разбойникъ! Сивофантъ!

СОКРАТЪ (пробуждаясь отъ задумчивости,
 говорить кротко).

Кричитъ жена моя,

Должно быть. Ничего.

ЕСАНТИПА.

Клянуся я Гекатой,

Вотъ новости!

СОКРАТЪ.

А что?

ЕСАНТИПА.

Тебѣ Алкивиадъ

Поднесъ богатый даръ... Ты плешь его назадъ?

СОКРАТЬ.

Лишь въ добродѣтели находимъ мы отраду.

ЕСАНТИПА.

Ты радъ мнѣ причинить хоть въ чемъ нибудь досаду.
Гармидій далъ рабовъ — воздѣлывать нашъ садъ
И поле, помогать при сборѣ винограда,
А ты прогналъ и ихъ?

СОКРАТЬ.

Что дѣлать здѣсь рабамъ?

ЕСАНТИПА.

Пойми же наконецъ: ихъ трудъ на пользу намъ.

СОКРАТЬ.

Богатъ лишь только тотъ, повѣрь, кому не надо
Богатства.

ЕСАНТИПА.

Что же ѣсть мы будемъ? Вѣтеръ? Дымъ?

Ты, увлекаясь призваніемъ своимъ,
Пустыя пренія считаешь важнымъ дѣломъ,
Твердя, что черное возможно сдѣлать бѣлымъ,
А чернымъ — бѣлое. Пустая голова!
Вотъ еслибы тебѣ платили за слова —
Но нѣтъ, куда тебѣ! Великій просвѣтитель!
Вознагражденіе за знаніе его
Вполнѣ достойное, конечно: ничего,
Ты даже самъ отвергъ названіе «учитель».

СОКРАТЬ.

Пускай зовется такъ лишь истинный мудрецъ.

КСАНТИППА.

Прекрасно. Уходи. Уйди же наконецъ!
 Болтай, ораторствуй съ воздѣтыми руками,
 И пусть прохожіе собираются толпами.
 Ступай, ученикамъ рассказывай своимъ,
 Что смертный демономъ какимъ-то одержимъ,
 Который знаетъ всѣ основныя принципы
 Добра и зла. Иди. Ступай.

СОБРАТЬ (вротко).

Иду, Ксантиппа.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Ксантиппа одна.

КСАНТИППА.

Я въ бѣшенствѣ, а онъ спокойными шагами
 Уходитъ отъ меня. О, нѣтъ, влянусь богами,
 Скажите, наконецъ,

(Обращаясь къ публикѣ).

вы, женщины Аѳинъ:

Кому печалиться есть болѣе причинъ,
 Чѣмъ мнѣ? Безстрастный мужъ, сносящій оскорбленья,
 Ничуть не выходя при этомъ изъ терпѣнья!
 Ахъ, сестры, отъ души завидую вамъ я:
 Я слышала, не разъ колотятъ васъ мужья,
 Въ измѣнѣ убѣдясь супружеской наглядно!
 Но примиреніе бываетъ такъ отраднo,

Когда стихаетъ вдругъ побоевъ сильный градъ
 И поцѣлуи ихъ собою замѣнять.
 Лишь мнѣ не суждена подобная отрада!
 Медвѣдю моему ни ревность, ни досада
 Невѣдомы, и онъ, когда бѣсуюсь я,
 Спокойно говоритъ: «гремитъ гроза моя».
 Но я взбѣситъ его современемъ съумѣю,
 Хотя бы мнѣ пришлось поджечь рукой своею
 Нашъ домъ, и если мой разсердится мудрецъ —
 Я буду счастлива, довольна, наконецъ!

(Замѣтивъ Сократа, который приближается, окруженный друзьями, женщинами и согражданами).

Идутъ. Конечно, онъ, и съ цѣлою толпою;
 Онъ слушателей всѣхъ таскаетъ за собою.
 Безумные глупцы! Потомъ успѣю я
 Всѣмъ обивающимъ безъ совѣсти пороги
 Чужие — показать, какую ярость боги
 Въ мою вложили грудь!..

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Сократъ, Фалесъ, Антисеенъ, Праксасъ, Эвполисъ, Мелитта, Вакханка,
 Аонскіе граждане и гражданки.

СОКРАТЪ (входитъ, окруженный внимательной и почтительной толпой).

Любезные друзья,

Прошу васъ.

(Показывая на столъ, на которомъ невольникъ разставляетъ кубки и амфоры).

Вотъ вино старинное, а каждый

Объятый истины возвышенною жаждой,
Да внемлет искреннимъ ученія словамъ!

ΘΑΛΕΣЪ.

Скорѣ говори. Вѣдь ты сіяешь намъ,
Какъ свѣточъ огненный надъ этою землею,
Объятой сумракомъ, и холодомъ, и мглою...
Внимая лишь тебѣ, разстался я съ женой —
Съ моею чудною красавицей Мирриной,
Оставилъ и поля съ цвѣтущею долиной,
Луга, омытые прибрежною волной,
И старый домъ отцовъ.

СОБРАТЬ (Θαλεсу).

Мой другъ, такое рвеніе

Чрезмѣрно.

(Къ аэнианамъ).

Граждане! Страхнемъ оцѣпенѣнне
Съ заснувшаго ума.

(Къ Антисѣену).

Ты спрашивалъ сейчасъ,
Любезный Антисѣенъ: ужели пробилъ часъ,
Когда приходится намъ заживо Аѣины
Оплакивать, и гдѣ скрываются причины
Паденья нашего?

АНТИСѢЕНЪ.

Не правъ ли я? Увы,
Напрасно на войнѣ сражались мы какъ львы..

ΘΑΛΕΣЪ.

Прославили себя...

ЭВПОЛИСЪ.

Сломили Арголиду...

ӨАЛЕСЪ.

Отмстили всѣмъ врагамъ за дерзкую обиду...

ЭВПОЛИСЪ.

Но завтра можемъ ждать подобной же войны.

АНТИСӨЕНЪ.

Мы притѣсненія терпѣть осуждены.
Не странно ли? Вѣнкомъ увѣнчаны лавровымъ,
Мы подъ давленіемъ находимся суровымъ.

ӨАЛЕСЪ.

Аѳины вынесли всѣ ужасы чумы.

АНТИСӨЕНЪ.

Пора одуматься.

ЭВПОЛИСЪ.

Итакъ, оставимъ мы
Другимъ—счастливейшимъ, веселія забавы...

АНТИСӨЕНЪ.

И драгоценности...

ЭВПОЛИСЪ.

Предметъ народной славы —
Искусство.

ΘΑΛΕΣЬ.

Живопись, ваяніе, — весь міръ
Дивится прежде имъ...

АНТИСΘЕНЬ.

И звонъ веселый лиръ.

СОКРАТЬ (съ про~~свѣтомъ~~)

Такъ вотъ въ чемъ состоитъ премудрое рѣшеніе?

(Къ Праксіасу)

А ты что скажешь намъ?

ПРАКСІАСЬ.

Мое — иное мнѣніе.

Поэзія — законъ священнѣйшій для насъ.
Любовь къ отечеству всегда пылаетъ жаромъ
Въ сердцахъ сыновъ его, но, спрашиваю васъ:
Ужель поэзіи божественнымъ нектаромъ
Аѳиняне теперь должны пренебрегать,
Струей поэзіи, гдѣ жажду утолятъ
Духовную свою привыкъ аѳинскій геній?
Искусство, войны, да здравствуетъ во вѣкъ!

СОКРАТЬ.

Скульпторъ! Ты говоришь какъ мудрый человѣкъ.
И Спарта строгая сама, въ томъ нѣтъ сомнѣній,
Осыпала бы насъ насмѣшками, друзья,
Когда-бъ аѳиняны всѣхъ увлекъ примѣръ ея.
Какъ? Васъ, сограждане, столь щедро надѣленныхъ
Умомъ, изяществомъ и чувствомъ красоты,
Чей умъ аттической исполненъ остроты,

Пѣвцовъ, художниковъ, богато одаренныхъ,
 Съумѣвшихъ воплотить волшебныя мечты, —
 Какъ? васъ увидитъ мѣръ за блюдомъ изъ свиного
 Отвара и въ плащахъ изъ грубаго холста?
 О, что-бъ ни ждало насъ: величья высота,
 Иль пораженіе — пусть будетъ наше слово
 Рѣшающимъ: пускай аѳинскимъ празднествамъ,
 Успѣха нашего блистательнымъ успѣхамъ,

(Къ Эвполису).

Твоимъ комедіямъ съ ихъ остроумнымъ смѣхомъ,

(Къ Праксіасу).

Твоимъ, изъ мрамора изсѣченнымъ, богамъ
 И вашей красотѣ и граціи, о, жены,
 Дивятся недруги. Изыщества законы
 Мы свято чтить, друзья, должны и только имъ
 Мы будемъ торжествомъ обязаны своимъ.
 Съумѣемъ умереть съ улыбкой беззаботной,
 Въ сраженъе, какъ на пиръ, всегда пойдемъ охотно;
 Вѣдь тѣ, вторыми гордится Саламинъ,
 Лишь были предками достойными Аѳинъ.
 Во дни вторженія, унынья и тревоги,
 Когда печальными казались даже боги,
 Кто падалъ какъ герой? Художникъ и пѣвецъ,
 Стязавшій гениемъ безсмертія вѣнецъ,
 Чье славное чело благословили музы.
 Когда надменный Ксерксъ для насъ готовилъ узы,
 И, славой боевой своею опьяненъ,
 Въ предѣлы Аттики вступилъ съ дружиной онъ,
 Когда въ опасности казалася Эллада —
 Они за городъ твой, безсмертная Паллада,
 Умѣли умирать. Великій нашъ Эсхиль
 И воиномъ себя великимъ заявилъ.

Возвысимся, друзья.

(Съ возрастающимъ одушевленіемъ).

Надъ древнимъ Акрополемъ
 Мнѣ чудится Олимпъ въ сіяніи лучей;
 Я слышу звукъ его разгнѣванныхъ рѣчей —
 Итакъ, бодрѣй за трудъ! Работайте надъ полемъ,
 Надъ виноградникомъ — и сѣятель и жнецъ!
 За дѣло всѣ: и вистъ, и лира, и рѣзецъ!
 Преданья праотцевъ да будутъ намъ святыней,
 А слава — лучшею, надежною твердыней;
 Въ величїи своемъ мы будемъ и сильны.
 Намъ, вѣрьте, въ будущемъ побѣды суждены,
 И сомнѣваться въ томъ не вижу я причины.

всѣ.

Да здравствуетъ Сократъ!

СОКРАТЪ.

Да здравствуютъ Аѳины!

(Поднимаетъ полную чашу).

Теперь, при звонѣ чашъ, за ясные умы
 Мы выпьемъ и за свѣтъ, сіяющій изъ тьмы,
 Не такъ ли, граждане?

всѣ (поднимая чашу).

За мудрое ученье!

Да здравствуетъ Сократъ!

(Въ то время, какъ всѣ съ восторгомъ окружаютъ Сократа, входитъ Ксантиппа, разгнѣванная и угрожающая).

СЦЕНА IV.

Тъ же и Ксантиппа.

КСАНТИППА (язвительно).

Ксантиппѣ приглашенье

Забыли вы послать?

АПТИСӨЕНЪ.

Ксантиппа, будь добра

И выпей съ нами ты.

КСАНТИППА.

Съ медвѣдями лѣсными

Скорѣ выпью я! Ступайте со двора,
Бездѣльники! Вы всѣ являетесь съ пустыми
Руками... Кто изъ васъ принесъ сюда дары?
Никто? Вы любите устраивать пирь
Насчетъ другихъ? Такъ — вонъ! Я выгоню съ позоромъ
Всѣхъ васъ, кориняне!

СОБРАТЬ.

Жена моя...

КСАНТИППА (бросая на землю кубки).

Амфорамъ

Твоимъ не сдобровать! Вотъ такъ.

(Опрокидываетъ столъ).

Любуйтесь! Вотъ!

ВАКХАНКА.

Столъ опрокинула!

О. ЧУМИНА-МИХАЙЛОВА.

ЕСАНТИПА.

Не думаешь ли ротъ
Заткнуть мнѣ? Но молчать не стану я, гетера!
Терпѣнья моего исполнилася мѣра —
Философы, глупцы — всѣ убирайтесь вонъ!

ЭВПОЛИСЪ.

Какіе возгласы!

МЕЛИТТА.

Я ужасомъ объята.

ПРАВСИАСЪ.

Она имѣеть видъ еракійскаго солдата.

ВАВХАНКА.

Ей долженъ бы служить ареной Мараонъ.

ЭВПОЛИСЪ.

Однако, въ этотъ день лишь понялъ я преданье
О древнемъ колдунѣ, который въ облакахъ
Повѣсилъ, говорятъ, съ цѣпями на ногахъ
Жену свою.

ЭАЛЕСЪ.

Идемъ.

ВАВХАНКА.

Философъ, до свиданья.

ПРАВСИАСЪ:

И боги мудрые тебя да сохранятъ.

ΘΑΛΕΣЬ.

Идемъ.

СОКРАТЬ.

Вамъ предложить душою былъ я радъ
 Все лучшее, друзья, чѣмъ только я владѣю:
 Источникъ истины и чистаго вина;
 Хозяйки же другой я, право, не имѣю,
 Но вѣрите, что въ душѣ совсѣмъ не зла она
 И лишь, какъ майская погода, прихотлива,
 Когда улыбкою сіяющею живо
 Смѣняется слеза... Вернитесь же опять,
 И будемъ разговоръ начатый продолжать,
 Друзья мои.

КСАНТИППА (толкая вонъ друзей Сократа).

Вотъ такъ. Ступайте! Мнѣ не надо
 Подобныхъ дураковъ. Безмысленное стадо,
 Въ которомъ слово «нѣтъ» не скажутъ никогда,
 Когда имъ говорить болтунъ подобный: «да».
 Ступайте же скорѣй! Скорѣе вонъ отсюда,
 Вонъ, люди добрые!

(Слушатели Сократа уходятъ; онъ провожаетъ ихъ).

СЦЕНА V.

Ксантиппа, потомъ Миррина.

КСАНТИППА (огорченная).

Какъ каменная груда
 Безчувственъ онъ, а я разсержена до слезъ...
 Что-жъ дѣлать мнѣ теперь? Ужаснѣйшій вопросъ.

Старанія свои я тратила напрасно.

(Зажѣтивъ Миррину).

А! Женщина? У насъ? И какъ она прекрасна.

МИРРИНА.

Ксантиппѣ мой привѣтъ. Мирриною зовутъ
Меня и видѣть я желала бы Сократа.

КСАНТИППА (подозрительно).

А, ты желала бы? Но это — лишній трудъ,
Сократъ въ отсутствіи!

(Въ сторону).

Я ревностью объята.

МИРРИНА.

Я только...

КСАНТИППА (прерывая ее).

Замолчи. Сомени свои уста,
Красавица, вѣдь я совсѣмъ не такъ проста,
Какъ думаете вы... Нашлись между вами
Такия, что сюда съ медовыми рѣчками
Являлися не разъ. И ты — изъ ихъ числа.

МИРРИНА.

Какъ? Льстить ему? Но съ нимъ я ссориться пришла!

КСАНТИППА (вдругъ смягчаясь).

Возможно-ль? О, тогда — совсѣмъ другое дѣло.

МИРРИНА.

Я въ гнѣвѣ...

КСАНТИППА.

На меня рассчитывай ты смѣло.
Съ нимъ ссориться? Онъ здѣсь! Его увидишь ты!

МИРРИНА.

По милости его я брошена Фалесомъ.

КСАНТИППА.

Красивъ онъ?

МИРРИНА.

Чистый типъ аѳинской красоты:
Прекрасный юноша, сложенный Геркулесомъ;
И онъ любилъ жену, воздѣлывалъ нашъ садъ,
Покуда не смутилъ несчастнаго Сократъ.

КСАНТИППА.

И онъ забылъ свой садъ, конечно?

МИРРИНА (со вздохомъ).

И супругу.

КСАНТИППА.

Бѣдняжка! Твоему сердечному недугу
Сочувствую вполне.

МИРРИНА.

Безсмертіе души
Однажды объяснялъ собравшимся философъ,
И мой Фалесъ, дотоль чуждавшійся вопросовъ
Подобныхъ, былъ плѣненъ.

ЕСАНТИПА.

Мужчины хороши

Всѣ, нечего сказать.

МИРРИНА.

Съ тѣхъ поръ, какъ тѣнь Сократа,
Онъ слѣдуетъ за нимъ съ восхода до заката,
А лозы и поля цвѣтуція его
И садикъ...

ЕСАНТИПА.

И жена...

МИРРИНА.

Все гибнетъ безъ него.
Θалесъ меня забылъ, вѣдь это — преступленье?

ЕСАНТИПА.

Ты хочешь, чтобы онъ вернулся во владѣнья
Свои?

МИРРИНА.

Я говорить съ философомъ хочу
И предъ насмѣшками его не замолчу.

ЕСАНТИПА.

Отлично!

МИРРИНА.

Онъ меня услышитъ.

ЕСАНТИПА.

Превосходно.

МИРРИНА.

Посмотримъ, чья возьметъ? Онъ думалъ, можетъ быть,
 Что мужа я ему согласна уступить?
 Ну, нѣтъ! Оружіе не трачу я бесплодно.

ЕСАНТИПА.

Прекрасно.

МИРРИНА.

Что слова? Тутъ дѣйствія нужны.

ЕСАНТИПА.

Прими сочувствіе обиженной жены.
 Лишь я — несчастная — въ молчаніи терпѣла,
 Какъ онъ подъ портикомъ иль сѣнію деревъ
 Потоки изливалъ вполнѣ ненужныхъ словъ.
 Брани его, кричи! Ну, примемся за дѣло.
 И славно мы надъ нимъ потѣшимся тогда:
 Мужчинамъ показать порой необходимо,
 Что все же и на нихъ накинута узда...
 Онъ приближается. О, будь неумолима,
 Кусай его, кусай!

(Уходитъ въ домъ).

СЦЕНА VI.

Миррина. Сократъ.

МИРРИНА.

Мнѣ мужа возврати,

Сократъ!

СОБРАТЬ.

Θалеса?

МИРРИНА.

Да.

СОБРАТЬ.

Должно быть, по пути
Оброненъ онъ тобой, какъ цѣнная монета
Иль украшеніе? Вѣдь такъ?

МИРРИНА.

Совсѣмъ не это
Хотѣла я сказать. Ты отнял у меня
Его, и мой Θалесъ безумнѣй день отъ дня
Становится. Увы!

СОБРАТЬ.

Прекрасная Миррина,
Ты — воплощенная живая красота.
И шелкъ волосъ твоихъ и свѣжія уста,
Что ослѣпительнѣй пурпурнаго коралла...

МИРРИНА (наивно).

Чего-жъ тогда ему во мнѣ не доставало?

СОБРАТЬ.

Ума, которому серьезный разговоръ
Иль остроуміе шутливое — доступно,
И мысли, что впередъ на волю и просторъ
Къ сіянью истины стремится неотступно.
И если мужа ты захочешь удержать —
Съумѣй ему свой умъ и душу показать.

МИРРИНА (съ изумленіемъ).

О, что ты говоришь?..

СОКРАТЬ.

И кисти винограда,

Плоды пурпурные и старое вино
(Намъ для веселія ниспослано оно),
И блюда вкусныя — ихъ сытому не надо,
И если человѣкъ разумный насыщенъ,
То пищи для ума тогда желаетъ онъ.

МИРРИНА.

Позволь...

СОКРАТЬ.

Когда тебя, сівшую красою,
Оалесь привелъ въ свой домъ — неправда-ль, онъ съ тобою
Въ то время не скучалъ?

МИРРИНА.

Конечно.

СОКРАТЬ.

И тогда

Казался счастливъ онъ, навѣрное?

МИРРИНА.

О, да.

СОКРАТЬ.

Но что же дѣлалъ онъ?

МИРРИНА.

Женѣ своей Мирринѣ

Онъ часто повторялъ: «твоею бѣлизной
И чудныхъ косъ твоихъ блестящею волной,
Твоею красотой, достойною богини,
Красою съ отблескомъ небеснаго огня
Любуюсь я».

(Со вздохомъ).

Тогда Фалесъ любилъ меня!

СОБРАТЬ.

А ты что дѣлала?

МИРРИНА.

Прекрасной быть старалась,
Одеждой легкою, цвѣтами украшалась,
Чтобъ нравиться ему.

СОБРАТЬ.

Прекрасно. Но потомъ,
Когда онъ отдыхалъ у ногъ твоихъ бывало —
О чемъ ты рѣчь вела?

МИРРИНА (наивно).

Я?.. Право ни о чемъ,

Мнѣ кажется.

СОБРАТЬ (улыбаясь).

Дитя! Но это очень мало.

МИРРИНА.

Потомъ, когда Фалесъ въ безуміи своемъ,
Забывъ меня, весь день искалъ съ тобою встрѣчи —
Онъ жаждалъ отъ тебя имъ слышанныя рѣчи
Порою повторять въ присутствіи моемъ;
Но я въ отвѣтъ ему твердила беззаботно:

«Мой другъ, часы бѣгутъ, а счастье — мимолѣтно,
 Къ чему же тратить ихъ на лишнія слова,
 Когда жену свою находишь ты прекрасной?»
 Неправда ли, Сократъ, вѣдь я была права?

СОКРАТЪ.

Быть можетъ. Но безъ словъ старались бы напрасно
 Другъ друга мы понять. Когда Пигмалионъ
 Прекрасной статуей своею былъ плѣненъ —
 Киприда жизни духъ вдохнула въ Галатею,
 А иначе скульпторъ соскучился бы съ нею.
 Нарядомъ, красотой своею блистаешь ты —
 Но такъ же хороши и вѣшніе цвѣты.
 Ты думала: «Оалесь моею красотою
 Любуется, огнемъ сіяющихъ очей,
 Что ослѣпительнѣе солнечныхъ лучей;
 Ему, съ его душой, наивной и простою,
 Не нужно большаго. Къ чему же тутъ слова?»
 Повѣрь, красавица, ты вовсе не права.
 Иного жаждетъ онъ. Исчезло ослѣпленье,
 Стремится онъ понять и жизни назначенье
 И цѣль ея, а я стараюсь утолить
 Потребности души, къ сознанию пробужденной.

(Съ убѣдительною кротостью).

Во власти женщины, прямой и убѣжденной, —
 Помочь ему найти спасительную нить.

МИРРИНА.

Тебя я поняла.

СОКРАТЪ.

Сіяющей зарницею
 Намъ свѣтитъ красоты и правды идеаль,

Къ которому я путь Фалесу указалъ.
 Такъ сдѣлайся и ты поворной ученицей
 Супруга твоего, и если онъ тебѣ
 Когда-то показалъ всю сладость поцѣлуя, —
 Пускай научить онъ, твой умъ преобразуя,
 Тебя мышленію и стойкости въ борьбѣ.
 Живи и думай съ нимъ! Дѣли его стремленья!
 Миррина, въ этомъ — бракъ. Пойми его значенье
 И свѣта истины святой не отвергай;
 Для тѣла одного излишни украшенья.
 Ты также разумъ свой и душу украшай.

МИРРИНА.

Ты правъ, мудрецъ, ты правъ! Я чувствую, я знаю!
 И, слушая тебя, впервые понимаю,
 Что мало намъ одной тѣлесной красоты.
 Я жажду раздѣлить стремленья и мечты
 Фалеса и пойду по избранной дорогѣ,
 Указанной тобой. Учитель мудрый, боги
 Великіе, молю, тебя да сохранять!

(Ксантиппа показывается на террасѣ).

СЦЕНА VII.

Миррина, Сократъ, Ксантиппа.

КСАНТИППА (въ сторону).

О чемъ это они такъ долго говорятъ?

МИРРИНА (Сократу).

Мудрецъ! Въ тебѣ — моя опора и защита.

СОКРАТЪ (съ добротой).

Ступай.

МИРРИНА (хочетъ уйдти, но возвращается къ Сократу съ движеніемъ, исполненнымъ восторга и признательности).

Но прежде я должна тебя обнять.

(Она беретъ обѣими руками голову Сократа и крѣпко цѣлуетъ его въ щеки. Въ эту минуту входитъ Ксанטיפпа въ сильнѣйшей ярости).

КСАНТИППА.

Хорошаго тебѣ желаю аппетита.

МИРРИНА.

Ксанטיפпа!

КСАНТИППА.

Что же вы? Извольте продолжать.

А, лгунья гадкая! Обманщица, злодѣйка!

Теперь отъ словъ своихъ отречься ты посмѣй-ка!

Мнѣ важется, ты шла сюда браниться съ нимъ?

МИРРИНА.

Хотѣла я...

КСАНТИППА.

Ну да, за юношей своимъ

Явилась ты сюда? Ты плакала о мужѣ?

Но, важется, и мой въ глазахъ твоихъ — не хуже?

О, женскія сердца! Я презираю ихъ...

Не надобно-ль тебѣ троихъ или четверыхъ

Возлюбленныхъ?

(Передразнивая голосъ и походку Миррины).

Я съ нимъ поссориться готова.

(Впадая въ прежній тонъ).

Неправда ли, его хотѣла ты прибить?
 Иль это ссорю зовется, можетъ быть?
 Ну, что же? Лишняго съ тобой не трати слова,
 Могу я показать, красавица, сейчасъ
 Съ охотою тебѣ, какъ ссорятся у насъ!..

(Ксантиппа хочетъ броситься на Миррину, но Сократъ съхватываетъ жену въ объятія и удерживаетъ ее).

СОКРАТЪ.

Жена, — спокойствіе!

КСАНТИППА (стараясь освободиться).

Оставь! Небесной твердью
 Плънялся ты, и вдругъ увлекся этой жердью!
 Ага! Боишься ты? Боишься за нее?
 Постой же, я сейчасъ отдѣлаю ее!

МИРРИНА (робко).

Когда чела его коснулась я лобзаньемъ...

КСАНТИППА.

Ты не стѣсняешься рѣшительнымъ признаньемъ.
 Угрюмый, гадкій лобъ, весь голый, какъ скала!
 Вѣдь нимфа полюбить не даромъ же могла
 Сатира... Но Сократъ, противный, близорукій —
 Все-жъ мнѣ принадлежитъ, и я подобной штуки,
 Конечно, не стерплю! Медовыя слова —
 Ихъ мало. Чтобъ скорѣй вскружилась голова,
 На помощь ты зовешь всю сладость поцѣлуя?
 Ты забавляешься? Постой же, проучу я
 Тебя, красавица!

(Вырывается и бѣжитъ къ Мирринѣ).

МИРРИНА (отступая съ испугомъ).

Ксантиппа, я боюсь!

(Сократъ снова ловить Ксантиппу и удерживаетъ ее).

СОБРАТЬ (Мирриинъ.)

Не бойся. Я держу.

КСАНТИППА (тщетно пытаюсь вырваться).

Отъ злобы я бѣшусь...

Я даже укусить ее не въ состоянны!

Пусти меня.

СОБРАТЬ (спокойно).

Нельзя.

КСАНТИППА.

Позволь мнѣ сдѣлать шагъ!

СОБРАТЬ.

Нельзя.

КСАНТИППА (смотря на Миррину сверкающими глазами).

Любуйтесь... Невинное созданье!

Какая грація... Клянусь Геватой, какъ

Охотно я бы ей сейчасъ свернула шею!

СОБРАТЬ.

Ксантиппа, выслушай...

КСАНТИППА.

Желанье я имѣю

Вцѣпиться пальцами въ руно ея волосъ,

Чтобъ сдѣлалась она такою же плѣшивой,

Какъ милый ей Сократъ!

(Видя себя, дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобъ освободиться).

Пусти, чтобъ не пришлось

Распаяться потомъ!

СОБРАТЬ.

Не будь нетерпѣливой.

КСАНТИППА (которую душитъ ярость).

Пусти мени, пусти... Я словно вся въ огнѣ...

Я задыхаюсь... Мнѣ дурно... дурно мнѣ!..

(Безъ чувствъ падаетъ на ложе).

СОБРАТЬ (пораженный).

Съ ней обморокъ. Воды!

(Опускается передъ ней на колѣни и старается привести ее въ чувство).

МИРРИНА (принеся въ сосудѣ воду).

Я жажду ей скорѣе

Всю правду объяснить.

СОБРАТЬ.

Намочимъ ей виски

И лобъ... Я внѣ себя отъ страха и тоски.

Мнѣ кажется, она становится блѣднѣе...

Не смерть ли это?

МИРРИНА (успокоительно).

Нѣтъ. Я женщина сама,

И мнѣ понятно все.

СОБРАТЬ (склоняясь надъ Ксантиппой).

Ксантиппа! Отъ тревоги

Измученъ я... Очнись. Недвижна и нѣма!

Скажи хоть слово мнѣ! Приди въ себя... О, боги!

Взываю къ вамъ!..

(Во время этихъ словъ входятъ: Антисоевъ, Праксіасъ Эвполисъ, Фалесъ, Мелитта, Вакханка и всѣ, принимающіе участіе въ IV сценѣ).

СЦЕНА VIII.

Сократъ и проче.

ΘΑΛΕΣЪ (Сократу).

Сейчасъ я слышалъ чей-то стонъ?

МИРРИНА (приложивъ палецъ къ губамъ).

Молчи.

ΘΑΛΕΣЪ.

Миррина здѣсь?.. Я просто пораженъ.

АНТИСΘΕΝЪ (Сократу):

Зачѣмъ же плачешь ты?

СОКРАТЪ (указывая на жену).

Смотрите.

ПΡΑΞΙΑΣЪ.

Какъ? Заснула?

СОКРАТЪ.

Быть можетъ, умерла.

МЕΛΙΤΤΑ (взглянувъ на Ксантиппу).

О, нѣтъ.

ΒΑΕΧΑΝΒΑ.

Она вздохнула,

Боговъ благодарю.

МИРРИНА.

Она придетъ въ себя.

МЕЛИТТА.

Учитель, ободрись. Намъ страшно за тебя.

МИРРИНА (въ сторону присутствующихъ,
такъ что ее не слышитъ Со-
кратъ).

Причина дурноты — лишь сильная досада
И безпокоиться, по моему, не надо.

СОБРАТЬ.

Вы ей поможете? Неправда ли, друзья?

ВАЕХАНБА (смѣясь, къ Мелиттѣ).

Желанье мудреца!

СОБРАТЬ.

Теперь вся жизнь ея
Виситъ на волоскѣ.

(Женщины окружаютъ Ксантиппу, не выказывая особеннаго
безпокойства, Сократъ хочетъ присоединиться къ нимъ, но Эв-
полисъ преграждаетъ ему дорогу).

ЭВПОЛИСЪ (насмѣшливо).

И только? Вотъ причина
Страданья твоего?

ФАЛЕСЪ.

Странна твоя кручина.

АНТИСӨЕНЪ.

Не мало отъ нея всѣмъ вынести пришлось.

ПРАВСИАСЪ.

О ней ты проливалъ потоки горькихъ слезъ?

АНТИСӨЕНЬ.

Жалѣть о женщинѣ безумной...

ӨАЛЕСЬ.

И сварливой...

ЭВПОЛИСЬ.

Упрямой...

АНТИСӨЕНЬ.

Мрачной...

ПРАЕСІАСЬ.

Злой...

АНТИСӨЕНЬ.

Ко всѣмъ несправедливой!

ЭВПОЛИСЬ.

Какъ часто надъ тобой глумилась она...

ВАБХАНБА.

Супруга лучшая была-бъ тебѣ нужна.

МЕЛИТТА.

Съ душою доброю...

ВАБХАНБА.

Найти ее не трудно.

АНТИСӨЕНЬ.

Печалиться? О комъ? Вѣдь это безразсудно,
Мудрецъ.

СОКРАТЬ.

Молчите всѣ. Отнынѣ домъ мой — пусть.
 Потера для меня поистинѣ громадна:
 Вѣдь слово гнѣвное изъ этихъ блѣдныхъ усть,
 Какъ бичъ спасительный карало безошадно
 Всѣ увлеченія. Порою, слыша лесть,
 Я гениемъ себя, пожалуй, могъ бы счесть,
 Когда-бъ жены моей насмѣшливое слово
 Меня не привело къ сознанию сурово.
 Спокойствіе для насъ бываетъ роковымъ,
 А добродѣтели подобны боевымъ
 Ретивымъ скакунамъ, горячимъ въ бранномъ полѣ,
 Которымъ вредно жить въ излишествѣ и въ холѣ.
 Когда, забывъ, что жизнь — тревога и борьба,
 Къ лазурнымъ небесамъ стремился я порою —
 Являлася жена, и крикъ ея съ зарею
 Будиль меня всегда, какъ звонкая труба.

ПРАКСІАСЪ.

Мышленью строгому предайся на свободѣ.

ЭВПОЛИСЪ.

Подъ сѣнью лавровыхъ и розовыхъ кустовъ,
 Учитель, говори о жизни и свободѣ,
 О торжествующемъ величїи боговъ.

ВАЕХАНКА.

И въ сердцѣ, что всегда казалось загадкой,
 Современемъ любовь появится украдкой.

МЕЛИТТА.

Ксантипу строгую тогда забудешь ты.

СОКРАТЬ.

Ничѣмъ не замѣститъ сознанья пустоты!

(Съ глубокой и наивной горестью).

Кто лучше наносить сѣумѣетъ оскорбленья?
 Вблизи нея я жилъ средь вѣчнаго движенья,
 Не страшны были мнѣ ни вѣтеръ, ни туманъ,
 Ни холодъ, ни жара, ни грозный ураганъ!
 Вѣдь только на жену была моя надежда,
 Теперь же знанію и мудрости — конецъ.
 Я, слыша крикъ ея, твердилъ себѣ: «невѣжда,
 Работай и учись. Познай себя, мудрецъ!»

ЭВПОЛИСЪ.

О, въ этомъ смыслѣ — да. Она незамѣнима.

АНТИСФЕНЪ.

Я помню: ураганъ — и тотъ пронесся мимо,
 Бояся встрѣчи съ ней.

(Ксантиппа пробуждается, незамѣченная никѣмъ, и прислушивается къ словамъ своего мужа сначала съ изумленіемъ, а потомъ съ жадностью, и съ невольнымъ порывомъ протягиваетъ руки къ Сократу. Миррина одна стоитъ возлѣ нея.)

СОКРАТЬ (поглощенный своею мыслию).

Къ небеснымъ выпинамъ,
 Откуда жизнь и свѣтъ всегда нисходятъ къ намъ,
 Поднимется душа Ксантиппы и съ собою
 Мой разумъ увлечетъ. Жестокою судьбою
 Я страшно пораженъ: вѣдь я ее любилъ.

КСАНТИППА (про себя).

О, что онъ говорить? Ужели рокъ сулилъ
 Мнѣ счастье?

МИРРИНА (замѣтивъ, что она пришла въ себя, хочетъ позвать Сократа).

Сократъ!

КСАНТИППА (закрываетъ ей ротъ рукою).

Оставь. Еще немного

Послушаемъ.

СОКРАТЪ (съ чувствомъ).

Ее любилъ я и она
Супружескій обѣтъ всегда хранила строго,
Была для бѣдняка прекрасная жена:
Хозяйка добрая, скромна и бережлива,
Заботлива, честна, вполнѣ трудолюбива;
Я знаю, что и ей я также дорогъ былъ,
И болѣе, чѣмъ тѣмъ, кто лестію губилъ
Меня. Жену свою люблю я неизмѣнно.

КСАНТИППА (подбѣгая къ нему).

Ты любишь? Повтори. О, милый мой Сократъ!

СОКРАТЪ.

Ксантиппа, ты жива?..

АНТИСФЕНЪ.

Ее не принялъ адъ.

КСАНТИППА (въ восторгѣ, Сократу).

Клянуся, что во мнѣ свершилась перемѣна.

СОКРАТЪ.

Возможно-ль, чтобъ въ живыхъ осталася она?..

ЕСАНТИППА.

Притомъ же навсегда тобой усмирена.
Я знаю, что была сварлива и упорна,
Что все прекрасное бранила я позорно,
Что злобою моею былъ каждый пораженъ,
Что я страшнѣй была, чѣмъ черный змѣй Пиеонъ.
Но ты отплатишь мнѣ.

(Приносить ему палку).

Я толстую дубину
Даю тебѣ. Смотри, не сломится она.

СОКРАТЬ.

Я вѣрю. Но въ чему дубина мнѣ нужна?

ЕСАНТИППА.

Чтобъ бить меня, а я сама подставлю спину.

СОКРАТЬ.

Прибить тебя? Зачѣмъ?

ЕСАНТИППА

Зачѣмъ, чтобъ наказать
Капризы, гнѣвъ и злость, языкъ мой ядовитый!
Предъ этою толпой хочу я быть прибитой.
Не мало я тебя заставила страдать,
А ты любилъ меня, оплакивалъ кончину
Мою... Прошу тебя, скорѣй возьми дубину,
Мой милый, и меня безъ жалости прибей.

СОКРАТЬ.

Нельзя.

ЕСАНТИПА.

Совратъ, мой другъ, ударь меня скорѣй.

СОВРАТЬ.

Тебя я не прибую.

ЕСАНТИПА.

Молчи. Изъ состраданья

Прибей меня.

СОВРАТЬ.

О, нѣтъ.

ЕСАНТИПА (протягивая ему палку).

Сворѣ. Ожиданья

Мои не обмани.

СОВРАТЬ.

Не буду. Ни за что.

ЕСАНТИПА.

Прошу тебя.

СОВРАТЬ.

Нельзя.

ЕСАНТИПА.

Обидишь ты жестоко

Жену свою.

СОВРАТЬ.

О, нѣтъ.

ЕСАНТИПА (заливаясь слезами).

Прибей меня.

СОКРАТЪ.

Глубоко

Разстроены я, и ты...

КСАНТИППА.

Всего ударовъ сто,

Прошу тебя.

СОКРАТЪ.

Но я...

КСАНТИППА.

Мольба моя напрасна?

Лишь сотню я прошу.

СОКРАТЪ.

Нѣтъ, этому не быть.

КСАНТИППА.

На цифру меньшую я, право, не согласна.

СОКРАТЪ (отеческимъ тономъ).

Ксантиппа, милая, послушай...

КСАНТИППА (съ гнѣвомъ, топая ногой).

Но прибить

Обязанъ ты меня!

СОКРАТЪ (поднимая глаза къ небу).

Богъ разума и свѣта,

Явился, Аполлонъ!

(Къ Ксантиппѣ).

Оставимъ этотъ споръ.

КСАНТИППА (опускаясь на колѣни).

У ногъ твоихъ, Сократъ, смотри, я жду отвѣта.

СОКРАТЪ (убѣдительно и кротко).

Но это было бы безуміе и вздоръ.

КСАНТИППА (оживляясь).

О, горькая судьба! Въ услугѣ столь ничтожной
Ужели отказать женѣ своей возможно?
Ты горько смерть мою оплакивалъ сейчасъ,
А вслѣдъ затѣмъ, увы, встрѣчаю я отказъ...
Смотри же, берегись...

СОКРАТЪ (добродушно).

Къ добру твое влеченье
Похвально, но терпѣть такое униженіе —
Вѣдь значить: изъ огня да въ полымя попасть...

КСАНТИППА (разсерженная).

Такъ я — чудовище, питающее страсть
Къ безумнымъ выходкамъ? Вотъ новая обида!
Прибьешь ли ты меня?

(Сократъ не отвѣчаетъ).

Не хочешь?

СОКРАТЪ.

Нѣтъ.

КСАНТИППА.

Такъ—нѣтъ?

Ты это сдѣлаешь, хотя-бъ возсталъ весь свѣтъ!

СОКРАТЪ.

Ну, нѣтъ.

ЕСАНТИППА (въ отчаяніи).

Прибей меня!

СОКРАТЪ.

Не буду.

ЕСАНТИППА.

Немезида!!

Не хочешь?

СОКРАТЪ.

Нѣтъ.

ЕСАНТИППА.

А?.. Такъ?.. Ну, вотъ же мой отвѣтъ!!

(Бросаетъ палку и даетъ Сократу пощечину; затѣмъ, испугавшись своего поступка, падаетъ къ ногамъ Сократа).

ЕСАНТИППА (на колѣняхъ).

Прости женѣ твоей, презрѣнной и безумной!

Ужель ей никогда не сдѣлаться разумной?!

На что же жепщина подобная годна?

СОКРАТЪ (поднимаетъ ее и привлекаетъ въ свои объятія).

Философа создать сумѣетъ лишь она!

(Обращаясь къ Фалесу).

Бери жену свою. Ниспосланы вамъ разомъ

Богами и любовь, и счастье, и разумъ.

ЕСАНТИППА (въ объятіяхъ Сократа).

Отъ женщины — все зло. Паденья глубина,

Стремленье къ роскоши, желаніе наживы,
Негодванія и зависти порывы;
И въ сердцѣ женщины смѣшались заодно —
Какъ въ чашѣ золотой — осадокъ и вино.
Повѣрьте, отъ нея явилось въ міръ страданье.

СОКРАТЪ (торжественно).

Да встрѣтитъ женщина заботу и любовь,
Она сотворена вѣлвіемъ боговъ —

(Послѣ минутнаго размышленія).

И все-жъ, друзья, она — ихъ лучшее созданье!

(Занавѣсъ опускается).

1886 г.

ИСКУШЕНИЕ*).

(Драматическія сцены въ одномъ дѣйствіи).

(Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы Ф. Коппé: «La veillée»).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Графиня Ирена де-Граммонъ, 22-хъ лѣтъ, сирота.
Баронъ Отто фонъ-Дракенфельсъ, офицеръ германской арміи
Докторъ Ожé, старикъ, домашній врачъ графини.
Жервеза, ключница.
Бабета, горничная.

Дѣйствіе происходитъ во время франко-германской войны во Франціи, въ замкѣ де-Граммонъ, ранней осенью.

---

*) Одобрена литературно-театральнымъ комитетомъ къ представленію на сценѣ Императорскихъ театровъ 13-го февраля 1888 года.

Сцена представляет комнату, меблированную богатой старинной мебелью въ стилѣ Empire. Темныя драпировки у оконъ и дверей, шкафы съ книгами, картины. Налѣво отъ зрителя — большое окно-балконъ, выходящее на террасу, покрытую зеленью, съ которой открывается видъ въ паркъ. Возлѣ него круглый столъ. Направо — кушетка, на которой лежитъ раненый, на стѣнѣ въ изголовьи ея — большое Распятіе. Въ глубинѣ сцены входная дверь, налѣво дверь, ведущая во внутренніе покои. — При поднятіи занавѣса баронъ фонъ-Дракенфельсъ лежитъ на кушеткѣ, правая рука его на перевязи. Жервеза на цыпочкахъ отходитъ отъ постели. Бабета прибираетъ на столѣ возлѣ окна. 11 часовъ вечера. Окно на террасу полуотворено.

СЦЕНА I.

Жервеза и Бабета.

БАБЕТА.

Ну, что онъ? Спитъ?

ЖЕРВЕЗА.

Заснулъ.

БАБЕТА.

Охота же графинѣ
Ухаживать за нимъ! Баварскій офицеръ!

ЖЕРВЕЗА.

Да, нашимъ раненымъ и плѣннымъ не въ примѣръ
Придется тяжелѣй у нѣмцевъ, на чужбинѣ.

БАБЕТА.

Конечно. Барышня съ своею добротой
Чрезмѣрною...

ЖЕРВЕЗА (внезапно умилаясь).

Ее воистину святой

Намъ слѣдуетъ считать, недаромъ и крестьяне
Ее боготворятъ.

(Разговаривая, онѣ обѣ отходятъ къ окну).

БАБЕТА.

Еще бы. Вѣдь она

Съ тѣхъ поръ, какъ началась ужасная война,
Имъ матерью была, заботясь объ охранѣ
Сиротъ и вдовъ.

ЖЕРВЕЗА.

Вчера къ убитаго женѣ —

Вдовѣ Бернаръ — она два раза приходила,
Съ ней вмѣстѣ плакала, малютку окрестила
И обезпечила.

БАБЕТА (помолчавъ, со вздохомъ).

А что-то графъ Ренэ?..

ЖЕРВЕЗА.

Дай Господи ему вернуться невредимымъ
Да свадебку сыграть!

БАБЕТА (пониживъ голосъ).

Коль съ женихомъ любимымъ

Случится чтонибудь...

ЖЕРВЕЗА (сердито прерывая ее).

Пустое не болтай!

БАБЕТА.

Да какъ же! Вѣдь она всѣ ночи, почитай,
 Не спитъ и молится, а утромъ все съ балкона
 Глядитъ: не видно ли сегодня почтальона?
 Груститъ по цѣлымъ днямъ, коль нѣту ей письма.

ЖЕРВЕЗА (растроганно).

Бѣдняжка! Любитъ какъ!

БАБЕТА (съ живостью).

А онъ? Прощаясь съ нею,
 Онъ плакалъ какъ дитя. Я видѣла сама.

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

Нашъ замокъ сталъ теперь печальнымъ, какъ тюрьма.
 Пруссаки въ Сенъ-Матье! Я, вѣрите-ль, не смѣю
 Изъ дому выходить...

ЖЕРВЕЗА.

Явились и сюда!

А славно ихъ стрѣлки отвадили тогда.
 Какъ этотъ раненъ былъ — бѣжали въ рассыпную
 Всѣ прочіе.

БАБЕТА.

Его въ пристройку боковую
 Хотѣли помѣстить, да барышня сейчасъ
 Вмѣшалась и сюда внести его велѣла.
 Ужъ я бы...

ЖЕРВЕЗА.

Ну, молчи, не наше это дѣло,

И сердце тоже есть у каждаго изъ насъ —
Жалѣешь и врага...

(Увида входящую Ирену).

А! Мадмуазель Ирена!

(Почтительно присѣдаетъ ей).

СЦЕНА II.

Тѣ же и Ирена.

ИРЕНА.

Есть въ положеніи больного перемѣна?
Онъ, кажется, заснулъ?

ЖЕРВЕЗА.

Недавно, съ полчаса.

Сначала бредилъ все про битвы да лѣса,
Избушку вспоминалъ, французовъ, часового
И тяжело таѣъ вздыхалъ...

БАБЕТА.

Про данное имъ слово

Онъ что-то говорилъ...

ЖЕРВЕЗА.

Сдается мнѣ, что грѣхъ

Какой-то онъ тайтъ и нѣтъ ему спобую.

ИРЕНА (съ ласковымъ укоромъ).

Мой другъ, не стыдно-ль вамъ? Вы, кажется, такою
Мягкосердечною бываете для всѣхъ.

ЖЕРВЕЗА.

Да какъ же, барышня! Вѣдь рана неопасна,
А легче нѣтъ ему.

БАБЕТА.

И докторъ говорилъ,
Что замѣчаетъ онъ большой упадокъ силъ.
Больной тревожится...

ЖЕРВЕЗА (про себя).

Конечно, это ясно.

ИРЕНА.

А докторъ заходилъ?

ЖЕРВЕЗА.

Больному порошки
Другіе онъ принесъ, велѣлъ, чтобъ ихъ давали
Черезъ два часа. Вѣдь такъ?

(Вопросительно смотритъ на Бабету, та киваетъ ей головой).

И съ раненой руки

Повязку онъ снималъ.

ИРЕНА.

Вы, кажется, устали?

Идите отдохнуть, я раненому дамъ
Лекарство въ-время.

ЖЕРВЕЗА (въ изумленіи).

Самимъ угодно вамъ,

Графиня?..

ИРЕНА (слегка улыбувшись).

Мнѣ самой. И встати попросите
Сюда мосьё Ожэ.

ЖЕРВЕЗА (всплеснувъ руками).

Святые, защитите!

Графиня де-Граммонъ — сидѣлкой? У кого?
У нѣмца, у врага! Добро-бъ у своего!

(Встрѣтивъ взглядъ графини).

Я слушаю-съ. Иду.

(Уходитъ съ Бабетой).

СЦЕНА III.

Ирена одна.

ИРЕНА.

Жервеза недовольна.

А я такъ счастлива, что каждому неволью
Желала бы помочь, хоть нѣсколько смягчивъ
Его страданія. Ренэ мой живъ, онъ живъ,
Свободенъ, невредимъ! Горячія молитвы
Мои услышалъ Ты, и въ часъ ужасной битвы
Хранилъ его, Господь! Я вѣрую, что онъ —
Ренэ мой дорогой, мнѣ будетъ возвращенъ,
Что мы увидимся!

(Задумывается).

Какая переменна!

Вторженіе враговъ, какъ страшная гангрена,
Охватываетъ все. Когда впервые вѣсть

Дошла въ нашъ уголокъ о страшномъ пораженъи,
 И онъ мнѣ заявилъ тотчасъ же о рѣшенъи
 Своемъ: вступить въ ряды сражавшихся за честь
 Несчастной родины — скрывая въ сердцѣ муку,
 Я согласилась, конечно, на разлуку.
 Я улыбалась, смотря ему въ лицо,
 И мы простились. О счастья минувшемъ,
 Такъ неожиданно и быстро промелькнувшемъ,
 Воспоминаніемъ осталось мнѣ кольцо —
 Залогъ любви его, залогъ соединенья.
 О, Боже мой! Порой сходила я съ ума,
 Когда по мѣсяцамъ мнѣ не было письма.
 Въ молитвѣ и трудѣ искала я забвенья,
 Въ заботѣ о другихъ, но всюду мысль о немъ —
 Въ убогой хижинѣ, предъ Божьимъ алтаремъ —
 Преслѣдуетъ меня...

(Подходить къ окну).

Отсюда я, бывало,
 Съ волненіемъ его когда-то поджидала.
 Здѣсь, у террасы, онъ осаживалъ коня
 И, улыбаяся, привѣтствовалъ меня.
 Порою, въ сумерки, садилась я въ рояли,
 Въ гостиной на столѣ цвѣты благоухали,
 Глубокой взоръ его то вспыхивалъ огнемъ,
 То грусть невольная на мигъ свѣтилась въ немъ —
 Предчувствіе... Въ окно струилась изъ сада
 Благоуханная вечерняя прохлада,
 А звуки все лились... казалось, я свою
 Всю душу въ эту пѣснь блаженства перелью...
 Теперь — замолеъ рояль и я своей игрою
 Не оживлю его вечернею порою.
 Все пусто, все мертвд... Какъ мимолетный сонъ

Исчезло счастье... Ренэ! Вернется-ль онъ,
Вернется-ль?..

(Вздрагиваетъ).

Что со мной? Прости мои сомнѣнья,
Прости мнѣ, Господи! Неблагодарна я.
Онъ живъ, онъ самъ писалъ... Обязанность моя —
Молиться, вѣровать, стараяся мученья
Чужія облегчать...

(Входитъ докторъ, незамѣченный Иреной).

СЦЕНА IV.

Ирена и докторъ.

ДОКТОРЪ.

Графиня, вы со мной
Желали говорить?

ИРЕНА (придя въ себя, подаетъ ему руку).

Да, докторъ, нашъ больной
Меня тревожить.

ДОКТОРЪ.

Онъ ужасно беспокоенъ
И нервенъ... черезчуръ болѣзненно настроенъ.
Я самъ на эту ночь остался бы при немъ —
Сегодня долженъ быть въ болѣзни переломъ;
Но тамъ изъ Сенъ-Матѣ сейчасъ за мной прислали
И ранѣ утра я возвращусь едва ли.

ИРЕНА.

Онъ можетъ умереть?..

ДОКТОРЪ.

Вотъ эти порошки,
 Быть можетъ, прекратятъ опасные припадки.
 Я опасаюся сильнѣйшей лихорадки,
 Тутъ попеченія заботливой руки
 Необходимы и...

ИРЕНА.

Ну, что же? Я готова.

ДОКТОРЪ (пораженный).

Какъ? Вы, графиня, вы?..

ИРЕНА (положивъ свою руку на его руку).

Я васъ прошу — ни слова.

(Съ глубокимъ чувствомъ).

Вѣдъ еслибы Ренэ — безпомощный, больной,
 Былъ также плѣнникомъ несчастнымъ, одинокимъ —
 Ужели бы онъ тамъ не встрѣтилъ ни одной
 Германской дѣвушки съ сочувствіемъ глубокимъ
 Къ его страданіямъ, готовой, какъ сестра,
 Ухаживать за нимъ?..

(Съ рѣшимостью).

Я буду до утра

Сидѣлкой у него.

ДОКТОРЪ (пожимая ей руку).

Вы правы, дайте руку,
 Графиня. Я на васъ надѣюсь вполне,
 Съ своей задачей вы справитесь однѣ.
 Слѣдите за больнымъ, прислушивайтесь къ звуку

Его дыханія. Раза четыре въ часъ
 Давайте порошки и, помните, отъ васъ
 Зависитъ все... Одинъ припадокъ лихорадки
 Убьетъ его теперь. Въ ужасномъ беспорядкѣ
 Система нервная... Прощайте, мнѣ пора.

ИРЕНА (провожая его).

Прощайте, другъ мой, съ нимъ я буду до утра.

СЦЕНА V.

Ирена и Баронъ.

ИРЕНА (подходить къ столу и начинаетъ
 готовить питье).

Опасность настаётъ. О, помоги мнѣ, Боже,
 Спасти несчастнаго. На родинѣ онъ тоже
 Оставилъ, можетъ быть, невѣсту... Какъ свѣтло!

(Уменьшаетъ свѣтъ лампы).

Не знаю отчего вдругъ стало тяжело
 На сердцѣ у меня!.. какъ будто предъ бѣдою...
 Какъ душно!

(Подходить къ окну и смотреть изъ него).

Въ воздухѣ повѣяло грозою.

А! Вотъ и молнія. Закрою здѣсь окно.

Пора лекарство дать.

(Беретъ стаканъ съ питьемъ и подходитъ къ постели).

Баронъ! Но вы не спите?

Когда проснулись вы?

БАРОНЪ (слабымъ голосомъ).

Мнѣ кажется, давно.

Я слышалъ разговоръ. Здѣсь докторъ былъ?

ИРЕНА (подавая ему лекарство).

Примите

Скорѣе порошокъ.

БАРОНЪ (съ волненіемъ).

Графиня, я сейчасъ

Не въ силахъ былъ заснуть... я такъ желалъ бы васъ
За все благодарить — отъ имени любимой
Мной дѣвушки. Вѣдь вы съ такой невыразимой,
Сердечной добротой въ несчастному врагу
Относитесь...

ИРЕНА (прерывая его).

Для васъ заснуть необходимо

И успокоиться.

БАРОНЪ.

О, нѣтъ, я не могу
Заснуть, меня тревожитъ обѣщанье
Мной данное, а смерть моя уже близка,
Быть можетъ, и ея тяжелая рука
Меня коснулась...

ИРЕНА (съ участіемъ).

Довѣрьтесь мнѣ. Признанье

Навѣрно облегчитъ и успокоитъ васъ.

БАРОНЪ.

Вы правы.

ИРЕНА.

Только я боюсь, что расскажъ
Васъ очень утомитъ. Вамъ вредно возбужденье.

(Слышенъ отдаленный ударъ грома, баронъ безпокойно прислушивается).

БАРОНЪ.

Мнѣ кажется, что громъ я слышалъ въ отдаленьи?
Гроза собирается?

ИРЕНА (успокоительно).

Она пройдетъ сейчасъ.

БАРОНЪ (собравшись съ силами).

Война — несчастіе, быть можетъ — преступленье.
Такъ слушайте. Тому недѣли три назадъ
Подъ Мецомъ я убилъ француза. Нашъ отрядъ...

ИРЕНА (поблѣднѣвъ, про себя).

Подъ Мецомъ? Боже мой!

(Къ барону).

Подъ Мецомъ, вы сказали?

БАРОНЪ.

Да, тамъ въ окрестностяхъ. Изъ штаба приказали
Чтобъ тотчасъ, пользуясь ночью темнотою,
Отрядъ нашъ окружилъ знакомую избушку,
Гдѣ скрылись стрѣлки. Вечерній паръ густой
Клубился въ воздухъ и, выйдя на опушку —
До хижины лѣсной осталось мили двѣ —
Мы тихо поползли въ разросшейся травѣ,
Мы пробиралися какъ ловкіе бандиты...
Бѣдняга часовой! Подеравшись позади,
Въ него вонзилъ я штыкъ, и съ яростью въ груди
Мы бинулись впередъ — всѣ были перебиты...

ИРЕНА (съ ужасомъ).

О, Господи!

(Во время этой сцены гроза усиливается).

БАРОНЪ.

Вся кровь мнѣ бросилась въ лицо.
Я опьянѣлъ, меня кровавый воздухъ спертый
Душилъ... Шатаясь я вышелъ на крыльцо.
У самыхъ ногъ моихъ валялся распростертый
Несчастный часовой. Онъ слабо застоналъ...

ИРЕНА (закрывъ лицо руками).

Ужасно!

БАРОНЪ (съ волненіемъ).

При лунѣ, свѣтившей изъ-за тучи,
Я могъ узнать его, и стыдъ — безумный, жгучій
Вдругъ охватилъ меня. Онъ что-то прошепталъ.
Къ нему нагнулся я въ порывѣ состраданья,
Желая облегчить хоть въ чемъ нибудь страданья
Его, но онъ шепнулъ: — «Оставьте, все равно
Я долженъ умереть... Скажите мнѣ одно:
Вы — прусскій офицеръ и дворянинъ, быть можетъ?
Такъ общайтесь — и это мнѣ поможетъ
Спокойно умереть — вотъ этотъ медальонъ
Невѣстѣ передать»... Но тутъ тяжелый стонъ
Прервалъ слова его и кровь ручьемъ изъ раны
Внезапно хлынула. На землю бездыханный
Онъ опрокинулся...

(Останавливается въ изнеможеніи).

ИРЕНА (про себя).

Невѣста? Медальонъ?

Иль я схожу съ ума, иль это — страшный сонъ?

БАРОНЪ.

Съ тѣхъ поръ я много разъ жалѣлъ невыразимо,

Что имя дѣвушки, имъ горячо любимой,
 Пазвать онъ не успѣлъ. Я сохранилъ залогъ,
 Врученный мнѣ рукой его окровавленной,
 На немъ былъ древній гербъ съ дворянскою короной,
 Но до сихъ поръ нигдѣ я отыскать не могъ
 Невѣсту бѣдную, которой назпачался
 Предсмертный даръ его, и — еслибъ не остался
 Я самъ въ живыхъ — о, помянитесь мнѣ
 Исполнить этотъ долгъ...

(Подаетъ ей медальонъ).

ИРЕНА.

Клянуся.

(Взглянувъ на медальонъ, сдерживаетъ крикъ ужаса и при-
 слоняется къ креслу).

Гербъ Ренэ!

Убить! И сердце мнѣ о томъ не подсказало!..

БАРОНЪ.

Что съ вами?

ИРЕНА (стараясь оправиться).

Ничего... Сейчасъ кольнуло въ грудь,
 Пройдетъ... Гроза меня, должно быть, напугала...
 Я все исполню, все. Вы можете заснуть
 Безъ опасенія...

БАРОНЪ (растроганный, слабымъ голосомъ).

Съ какою добротою
 Вы слушали меня! Графиня, я не стдю
 Участья вашего, но это для нея
 Вы сдѣлали, для той, второй жизнь моя
 Дороже собственной. Съ души моей признанье

Сняло тяжелый гнетъ; на ваше обѣщанье
Я полагаюся. Васъ Богъ вознаградитъ!

(Въ изнеможеніи опускается на подушки и засыпаетъ).

ИРЕНА (стоявшая въ оцѣпенѣніи, отходить отъ постели, судорожно сжимающая медальонъ въ рукѣ).

Я не ослышалась?.. Ренэ, Ренэ — убить!
Погибъ, безжалостно, злодѣйски умерщвленный!
Вотъ древній гербъ его — залитый, обогранный
Его же кровію... А здѣсь спокойно спитъ
Убійца. Этотъ гость и беззащитный плѣнникъ —
Вѣдь онъ — убійца, онъ постыдно, какъ измѣнникъ,
Нанесъ ему въ ночи ударъ изъ-за угла.
И я сдержалась! Злодѣю я могла
Желать спокойствія! О, Боже, Боже правый,
Судьба съ ироніей жестокою, кровавой
Глумится надо мной... До самаго утра
Я здѣсь остануся, я буду у одра
Убійцы, сонъ его тревожный охраняя,
Самоотверженно его оберегая,
Какъ сына милаго — заботливая мать!
Бояться нечего. Онъ крѣпко можетъ спать
Здѣсь, подъ надежною, священною охраной
Гостепріимства... Я — сидѣлкою при немъ
И этотъ порошокъ, моей рукою данный,
Лекарства этого спасительный пріемъ —
Опасность отвратить... Неслыханно! Ужасно!

(Закрываетъ лицо руками, гнѣвъ ея переходитъ въ глубокую грусть).

Онъ умеръ — мой Ренэ — кого любила страстно,
Безумно я, кому всю душу отдала,
Всѣ помыслы, кого съ надеждой я ждала.
Онъ умеръ, онъ погибъ. И не въ борьбѣ открытой,

Съ оружіемъ въ рукахъ, съ отвагою въ груди —
Нѣтъ, врагъ его, какъ воръ, подкрался позади,
Онъ палъ — изъ-за угла предательски убитый!

(Въ изнеможеніи опускается на стулъ возлѣ окна).

О, Боже мой! Вѣдь я сильна и молода,
Я долго жить могу — къ несчастію, въ года
Мои, какъ говорятъ, не убиваетъ мука —
И я осуждена не видѣть нивогда
Любимыя черты, не слышать больше звука
Рѣчей его... Во мнѣ какъ будто порвалось
Живое что-то вдругъ, и нѣтъ горячихъ слезъ
И вѣры также нѣтъ въ душѣ моей разбитой...
Въ могилѣ, листьями осенними покрытой,
Онъ спитъ и будетъ спать до Божьяго суда!

(Поднимается въ нервномъ возбужденіи).

Онъ спитъ, а врагъ его, явившійся сюда
Безпомощнымъ и мной отъ гибели спасенный,
Вернется, какъ герой, побѣдой упоенный,
Къ невѣстѣ, къ счастью, къ родному очагу!
Спасти его? Когда, собою не владѣя,
Смертельно поразить готова я злодѣя
Своей рукой! Простить жестокому врагу,
Который жизни цѣль, и счастье, и отраду —
Все отнял у меня?.. Напрасно на пощаду
Надѣялся бы онъ. Я знаю только месть.

(Волненіе ея увеличивается).

Да, отомстить ему! Безжалостно нанести
Ударъ, какъ оцъ во тьмѣ нанесъ его когда-то!
И мщеніе мое законно будетъ, свято.
Прочь, колебанія! Безумный ужасъ — прочь!
Онъ не проснется, нѣтъ... Теперь глухая ночь,
Никто не явится, никто не помѣшаетъ...

Револьверъ на столѣ... Какъ сталь его сверкаетъ
При свѣтѣ молніи!

(Береть оружіе).

Заряжень... Лишь одна

Минута, шагъ одинъ — и я отомщена.

(Дѣлаетъ шагъ къ постели и вдругъ бросаетъ револьверъ).

Но что я дѣлаю? Мнѣ стоять лишь лекарство

Не дать ему — вѣдь я могла же задремать,

Забиться? — и ему ужъ болѣе не встать...

(Содрогается).

Но это было бы постыдное коварство,

Измѣна гнусная! Убить его... Во снѣ,

Больного, слабого, подъ кровлею своею?..

Закоренѣлому, ужасному злодѣю

Не сдѣлать этого... А онъ такъ вѣрить мнѣ...

(Раздается сильный громоподобный ударъ, больной начинаетъ метаться и бредить).

БАРОНЪ (въ бреду).

Стрѣляютъ?.. Ближе... Вотъ еще, еще раскаты.

Гудятъ орудія. А! Пламя поднялось...

Взорвали мостъ... Скорѣй! Какъ падаютъ гранаты!..

Кто смѣлъ трубить отбой?..

ИРЕНА.

Онъ бредить. Началось...

БАРОНЪ.

Какъ душно... Жжетъ всего... Подайте хоть немного

Воды. Одинъ глотокъ... Скорѣе, ради Бога.

Я задыхаюсь. Вся грудь моя въ огнѣ...

(Ирена напряженно прислушивается къ бреду больного, въ ней происходитъ сильная внутренняя борьба; при послѣднихъ словахъ его, она со стономъ опускается на колѣни передъ Распятиемъ).

ИРЕНА.

О, Боже, научи! Скажи, что дѣлать мнѣ!

(Съ мольбою).

Тебѣ извѣстно все, Божественный Учитель,
 Ты знаешь, какъ шепталъ мнѣ демонъ-искуситель
 Свой гибельный совѣтъ сейчасъ, въ тиши ночной!
 Ты — искушаемый въ пустынѣ сатаной
 И внесшій свѣтъ любви великой, христіанской —
 О, вспомни, Господи, о роцѣ Геосиманской,
 Когда, готовясь музѣ своихъ пріятъ вѣнецъ,
 Ты палъ на землю ницъ, въ тоскѣ неудержимой
 Молясь Творцу: — «Тебѣ возможно все, Отецъ,
 И чаша горькая, молю, да идетъ мимо!»
 Ты видишь скорбь мою — о, ради этихъ слезъ,
 Помилуй и спаси несчастную, Христость!

(Молнія озаряетъ Распятіе и Ирена въ экстазѣ простираетъ къ нему руки).

Великій Господи, Ты услыхалъ моленье
 Мое, Ты услыхалъ! И съ этого креста
 Твой взоръ божественный и вротія уста
 Мнѣ словно говорить о мирѣ, о прощеньи...
 Да, я спасу его!

(Быстро поднимается и идетъ къ столу).

Скорѣе... Гдѣ питье?

Еще не поздно, нѣтъ...

(Даетъ больному лекарство, которое тотъ безсознательно выпиваетъ и тотчасъ успокоивается).

Онъ снова въ забытье

Впадаетъ... Онъ заснулъ.

(Неподвижно стоять у постели).

СЦЕНА VI.

Ирена и докторъ.

ДОКТОРЪ (быстро входитъ).

Графиня, съ подороги
Вернулся я. Нельзя проѣхать въ Сень-Матьё —
Разливъ... А, знаете, я просто отъ тревоги
За васъ измучился.

(Подходитъ къ больному и наклоняется надъ нимъ).

Какой сповойный сонъ.

Дыханье ровное... нѣтъ жару. Онъ спасенъ.
Вы, вы снасли его.

ИРЕНА.

О, милосердый Боже,
Благодарю Тебя!

(Шатается, докторъ ее поддерживаеъ).

ДОКТОРЪ (съ тревогой).

Но вы, графиня, что же,
Что съ вами?..

ИРЕНА (слабымъ голосомъ въ какомъ-то забытьи).

Ничего... Господь велѣлъ врагамъ
Прощать своимъ. Ренэ, возлюбленный, мы тамъ
Увидимся опять... Прими же искупленье
Мое, о, Господи, и даруй мнѣ прощенье!..

(Безъ чувствъ склоняется на руки доктора).

(Занавѣсъ опускается).

1887 г.

БЕЗЪ ВОЗВРАТА.

(Драматическія сцены въ одномъ дѣйствіи).

(Сюжетъ заимствованъ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Надежда Павловна 28-ми лѣтъ.

Графиня Елена Павловна Дезенъ, сестра ея, 25-ти лѣтъ.

Графъ Анатолій Львовичъ Дезенъ, мужъ ея.

Князь Вѣтрищевъ, }
Баронъ Швахгеймъ, } гвардейскіе офицеры.

Запольевъ, старый жуиръ.

Маша, горничная Надежды Павловны.

Петръ, лакей.

(Дѣйствіе происходитъ въ 70-хъ годахъ, въ Старомъ Петергофѣ, на дачѣ Надежды Павловны).

Сцена представляет тѣмный садъ съ клумбами цвѣтовъ. Направо отъ зрителя нѣсколько изящныхъ садовыхъ креселъ и столикъ, налѣво — дача Надежды Павловны съ широкой террасой, обвитой плющемъ и спускающейся нѣсколькими ступенями въ садъ. Стеклянная дверь, ведущая съ террасы во внутренность дома, полуотворена. На террасѣ столъ съ кофейнымъ приборомъ и поставецъ съ ликерами. Прямо противъ зрителя, во всю сцену, идетъ желѣзная рѣшетка съ калиткой, отдѣляющая садъ Надежды Павловны отъ большой аллеи парка. На заднемъ планѣ виднѣтся изъ-за деревьевъ сосѣдняя дача.

СЦЕНА I.

Надежда Павловна, князь Вѣтрищевъ, баронъ Швахгеймъ и Запольевъ.

(Надежда Павловна въ дорогомъ лѣтнемъ туалетѣ провожаетъ своихъ гостей, только что окончившихъ завтракъ).

КНЯЗЬ.

Однако, намъ пора. Au revoir, Nadine,
Поспѣть въ шести часамъ приходится въ манежъ.
Merçi, charmante hôtesse.

ЗАПОЛЬЕВЪ (причмокивая губами).

Вашъ chef de cuisine
Самъ превзошелъ себя... Un vrai Vatel, que sais-je!..

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (улыбаясь).

Я передамъ ему вашъ отзывъ непременно,
Онъ сердится, что я живу уединенно
Все лѣто.

КНЯЗЬ.

Признаюсь...

ЗАПОЛЬЕВЪ.

Забраться въ эту глушь...

БАРОНЪ.

Что за фантазія!

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Хочу спасеньемъ душъ

Заняться нынче я, и опытъ свой готова

Начать хоть съ васъ...

(Насмѣшливо смотритъ на Запольева).

ЗАПОЛЬЕВЪ.

All right! Покаявшись, я снова

Готовъ грѣшить.

БАРОНЪ.

Ха-ха! Le diable se fait ermite!

ЗАПОЛЬЕВЪ.

Одно, сознаюсь вамъ, одно меня страшить:

Ma belle enfant, живя въ такомъ уединеньи

И въ добродѣтели почувствуешь влеченье.

КНЯЗЬ.

Possible! Я васъ молю, красавица, de grâce,

Не увлекайтесь постомъ и власнищей,

Останьтесь лучше той блестящею царицей

Веселья и дировъ, какой мы знаемъ васъ.

БАРОНЪ.

Bravo. П a du style.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (насмѣшливо).

Вы такъ краснорѣчивы,
Что убѣдить меня, конечно бы, могли вы,
Но это лишнее...

БАРОНЪ.

Онъ съ чувствомъ говорить.

КНЯЗЬ.

Признайтесь, Nadine, что васъ сюда манить
Не сладковозвучное журчаніе фонтана
И не тѣнистый паркъ?

БАРОНЪ.

Ужъ нѣтъ ли тутъ романа,
Намъ неизвѣстнаго?

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (вспыхнувъ).

Я васъ прошу, баронъ,
Безъ этихъ пошлостей!

БАРОНЪ.

Какой суровый тонъ!
Такъ увлеченіе дѣйствительно серьезно?

КНЯЗЬ.

Но кто счастливецъ, кто? Прошу, не хмурьте грозно
Бровей. Я замолчу, я прикушу языкъ..
Но обѣщайте мнѣ, что завтра нашъ пикникъ
Своимъ присутствіемъ украситъ вы согласны
И что мольбы мои не будутъ ужъ напрасны
На этотъ разъ?

ЗАПОЛЪЕВЪ.

Нашъ другъ любезенъ, какъ маркизъ.

КНЯЗЬ.

Программа... впрочемъ, нѣтъ. Вѣдь въ ней-то и сюрпризъ.
А будутъ все свои. Изъ дамъ: Луція, Полина,
Camille... Часамъ въ семи мы явимся гурьбой
Et, si vous permettez, увозимъ васъ съ собой?..

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (неохотно).

Пожалуй.

КНЯЗЬ.

Hip! Hurray! Нѣтъ больше карантинъ
Et vogue la galère...

БАРОНЪ.

Къ веселымъ островамъ!

ЗАПОЛЪЕВЪ.

Недурно. Ха-ха-ха! И такъ, въ семи часамъ?

(Прощаясь, цѣлуетъ руку Надежды Павловны).

КНЯЗЬ.

Adieu, enchanteresse.

БАРОНЪ.

А ручку на прощанье?
Вы сердитесь? Tant mieux. Вѣдь вамъ негодованье
Къ лицу, ma belle.

(Уходитъ, сгибась, вмѣстѣ съ прочими).

СЦЕНА II.

Надежда Павловна (одна).

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Ушли! Насилу я отъ нихъ
 Избавилась!.. Меня нахальный хохотъ ихъ
 Таеъ разсердилъ, что я едва себя успѣла
 Сдержатъ... я дерзостей наговорить хотѣла
 Имъ всѣмъ! А впрочемъ, что-жъ? Пожалуй, что они
 И правы. Я смѣшна. И не они одни
 Смѣяться стали бы. О роли Маргариты
 Готѣ мечтатъ! Искать спасенія въ любви,
 Чтобъ ею искупить всѣ гнусности свои?..
 Какъ будто могутъ быть когда нибудь забыты
 И вычеркнуты вонъ минувшіе года,
 Протекшіе среди позора и стыда?

(Съ горечью).

Не вѣрить даже онъ въ борьбу мою и муки,
 Увѣренный, что я имъ увлеклась отъ скуки —
 Не болѣе, что мнѣ успѣли надобѣсть
 Наряды, кутежи, шампанское и лести
 И я плѣнилась идилліей... Конечно,
 Въ гетерѣ хищницѣ, красивой и безпечной,
 Невѣроятною является вполнѣ
 Подобная любовь.

(Задумывается).

Не рѣзъ уже во мнѣ
 Неудержимое рождалося стремленье
 Все, все сказать ему — мое происхожденье
 И имя... всей душой довѣриться ему,

Но каждый разъ, сама не знаю почему,
 Признание на устахъ невольно замираю.
 Мнѣ страшно было, да. Я десять лѣтъ молчала,
 Я десять лѣтъ забыть старалася сама,
 Чѣмъ прежде я была, чтобъ не сойти съ ума!
 (Нервно прохаживается по сценѣ).

Отца на свѣтѣ нѣтъ. А Леночка? Жива ли
 И помнить ли меня? Ей вѣрно запрещали
 Молиться за сестру погибшую?..
 (Съ волненіемъ).

Назадъ

Тому недѣли двѣ, недалеко отъ сада
 Мнѣ какъ-то встрѣтилась большая кавалькада,
 И женщина одна — ея лицо и взглядъ,
 Я помню, живо такъ напомнили мнѣ Лену —
 Что я, вся поблѣднѣвъ, на мѣстѣ замерла.
 Но нѣтъ, не можетъ быть! Вѣдь я бы не могла
 Узнать ее... Года большую перемѣну
 Въ ней вѣрно сдѣлали...

СЦЕНА III.

Надежда Павловна и Маша, съ подносомъ въ рукахъ.

МАША (жеманно).

Сударыня, букетъ
 И билье-ду. Сейчасъ просили дать отвѣтъ.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (небрежно взявъ букетъ).

Какая экстренность! Скажи, чтобъ подождали.

(Уходитъ въ домъ).

СЦЕНА IV.

Маша (одна), потомъ Елена Павловна.

МАША.

Неладно съ барыней... Вотъ не было печали...
 Ужь этотъ мнѣ ламуръ! Ей съ милымъ всюду рай,
 А тутъ вотъ изъ-за нихъ со скуки пропадай!
 Бывало, въ Павловскѣ съ балкона нашей дачи
 И музыка слышна... театры да балы,
 А здѣсь сиди въ углу да слушай лай собачій...
 (Прислушивается).

Ишь заливаются! И страсть собаки злы
 У нѣмца этого. Боишься мимо дому
 Пройти! Не разъ его таскали къ мировому,
 Да видно...
 (Слышенъ сильный лай, сопровождаемый женскимъ крикомъ).

Батюшки! Никакъ онѣ бѣды
 Надѣлали опять!
 (Идетъ къ калиткѣ, навстрѣчу ей вбѣгаетъ испуганная Елена Павловна).

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ахъ, какъ перепугали
 Меня собаки! Я...

МАША.

Онѣ на васъ напали?
 Не укусили? Нѣтъ? Угодно вамъ воды?
 (Приносить съ террасы стаканъ воды).

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Спасибо, милая.

МАША (подвигая ей кресло).

Присядьте, отдохните,
Сударыня. Ахъ, псы негодные, скажите!
Вѣдь сколько случаевъ...

(Надежда Павловна показывается на террасѣ).

СЦЕНА V.

Тѣ же и Надежда Павловна.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Я слышала сейчасъ

Какой-то крикъ и лай...

МАША.

На барыню собака

Сосѣда бросилась.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Но этого, однако,

Нельзя терпѣть.

(Идетъ къ Еленѣ Павловнѣ).

Она не укусила васъ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (престально и съ волненіемъ
вглядываясь въ нее).

О, нѣтъ! Одинъ испугъ!

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (услышавъ ее голосъ, вздра-
гиваетъ и не можетъ отве-
сти отъ нея глазъ).

Но чтѣ со мною, Боже?

Не брежу-ль я? Глаза и голосъ — все похоже...
(Къ Машѣ).

Оставь насъ.

(Маша уходитъ).

Леночка!..

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ты, Надя?.. Это ты?..

(Бросаются въ объятія другъ друга).

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Дай наглядѣться мнѣ на милыя черты.
Скажи, ты — прежняя? Все той же, той же Леной,
Простой и любящей, осталась, какъ тогда?
Ты вспоминала ли о Надѣ иногда
Безъ осужденія, съ любовью неизмѣнной?
Да какъ ты выросла, красавицей какой
Ты стала, а была невзрачною такой
И блѣдною дѣвочкой... Ты замужемъ, любима,
Неправда-ль? Счастлива?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Вполнѣ, невыразимо.

И у меня есть сынъ — прелестный мальчуганъ,
Я баловать его безъ памяти готова...
Но что же о себѣ не скажешь ты ни слова?
Ты, ты несчастлива?.. Прости, я старыхъ ранъ
Касаюсь, но со мной, голубушка, со мною
Будь откровенною, вѣдь съ кѣмъ, какъ не съ сестрою
И подѣлиться всѣмъ? За эти десять лѣтъ
Ты горя видѣла, я думаю, не мало...
Одно скажи мнѣ: тотъ, съ которымъ ты бѣжала —
Вѣдь ты женой его не сдѣлалася?

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (рѣзко).

Нѣтъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Я рада этому. Я знала — онъ фальшивый
И низкій...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (со вспыхнувшимъ гнѣ-
вомъ).

Онъ? Онъ былъ презрѣнный негодяй,
Безчестный лицемѣръ, безчестный и трусливый...
Не говори о немъ, прошу, не вспоминай
Объ имени его...

(Съ глубокой нѣжностью).

Съ тобою, дорогое

Дитя мое, на мигъ вернуться я въ былое
Хотѣла бы... забыть на-время обо всемъ.
Присядемъ здѣсь, вотъ такъ... О, Господи, вдвоемъ,
Какъ прежде, какъ тогда! Скажи, не сонъ ли это?
Я слишкомъ счастлива. Лучомъ тепла и свѣта
Повѣяло опять, но это — мигъ одинъ,
А послѣ — тотъ же мракъ глубокой, непроглядный!
(Опускаетъ голову на плечо сестры и заливается слезами).

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ты плачешь?

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Ничего. Мнѣ слезы такъ отрадны...
Сейчасъ пройдетъ.

(Съ лихорадочнымъ оживленіемъ).

Ну, что семья твоя и сынъ?
 Мужъ балуетъ тебя? Вы любите другъ друга?
 Онъ, безъ сомнѣнія, изъ вашего же круга?
 Умень? Красивъ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Мой мужъ? Онъ лучшій изъ людей.
 Ты удивляешься горячности моей?
 Но послѣ твоего внезапнаго ухода
 Какъ грустно для меня тянулись два года.
 Напрасно за тебя просила я отца...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (съ горечью).

Онъ вѣренъ самъ себѣ остался до конца.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (горячо).

Но онъ любилъ тебя, и мучился, скрывая
 Страданія свои; твой умъ и красота
 Такъ тѣшили его, но гордость родовая,
 Ты знаешь, въ немъ была безмѣрно развита...
 Домашнимъ объявивъ, что нѣтъ уже на свѣтѣ
 Княжны Надежды, онъ заперся въ кабинетѣ,
 И что онъ выстрадалъ, какъ скорбь его сильна
 И глубока была — узнала я одна.
 Съ тѣхъ поръ нашъ старый домъ — и безъ того унылый —
 Казаться началъ мнѣ какою-то могилой;
 Отъ мрачной роскоши прадедовскихъ палатъ
 Меня бросало въ дрожь, портретовъ длинный рядъ,
 Висѣвшихъ на стѣнахъ въ картинной галлерей,
 Пугалъ меня порой, и мимо нихъ скорѣе
 Старалась я пройти... Когда семнадцать лѣтъ
 Исполнилось мнѣ, меня рѣшили въ свѣтъ

Впервые вывести, и тамъ, въ разгарѣ бала,
 Я встрѣтила — кого? — ты вѣрно угадала.
 Мы познакомились и, знаешь, Надя, онъ
 Такъ симпатиченъ былъ, изященъ и уменъ,
 Что даже мой отецъ въ нему расположенъ
 Почувствовалъ, а я въ какомъ-то упоеньи
 Жила съ тѣхъ поръ, и все казалось мнѣ милѣй:
 Цвѣты — душистѣе и домъ нашъ — веселѣй.
 Какъ страстно, какъ давно я жаждала участя
 И ласки! И когда впервые онъ сказалъ,
 Что полюбилъ меня — я плакала отъ счастья!

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Голубка бѣдная!..

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Отецъ согласье далъ.

Мы обвѣнчались и лѣто послѣ свадьбы
 Мы провели въ тиши саратовской усадьбы.
 Папа недолго жилъ; на слѣдующій годъ
 Скончался онъ, и съ нимъ угасъ нашъ древній родъ.

(Мягко.)

Ты только что о немъ съ укоромъ вспоминала,
 Но онъ былъ человекъ стариннаго закала
 И честь фамильная, честь рода своего
 Была въ его глазахъ священнѣе всего.
 Прости ему, Nadine, я знаю, что когда-то
 Умѣла ты прощать.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Миръ памяти его,

И я была предъ нимъ глубоко виновата.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (пожавъ руку сестры, послѣ нѣкотораго молчанія).

Теперь, когда я все сказала про себя...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (съ живостью).

Постой, неправда ли — тому лишь двѣ недѣли —
Здѣсь въ паркѣ, въ обществѣ, я встрѣтила тебя?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

И ты узнать могла?.. Родная, неужели?
Да, я бываю здѣсь, сегодня, напримѣръ,
По дѣлу я была. Здѣсь въ улицѣ, въ подвалѣ,
Какой-то отставной бѣдняга землемѣръ
Живетъ съ семьею... Ахъ, ты видѣла едва ли
Такую нищету...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (мягко улыбаясь).

И доброй феи роль
Взяла ты на себя?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (съ легкимъ неудовольствіемъ).

Ты точно Анатоль,
Онъ также...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (вздвигнувъ).

Анатоль?..

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да, мужъ мой. Я забыла
Сказать, что такъ зовутъ и сына, и его.
Но что съ тобой, Nadine?

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Со мною? Ничего.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Какъ я желала бы, чтобъ ты ихъ полюбила!
Теперь, когда самъ Богъ привелъ меня сюда —
Мы не разстанемся.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (печально, но твердо).

Мы встрѣтились снова

Затѣмъ, чтобъ разойдтись, разстаться навсегда.

(Подавляя волненіе).

Таеъ надо... но теперь ужъ менѣе сурова.
Покажется мнѣ жизнь: въ минуты злой тоски
Я вспомню голосъ твой, пожатіе руки
И буду сознавать, что въ мірѣ не одна я,
Что даже у меня на свѣтѣ есть родная
И близкая душа...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (пораженная).

Но, Боже мой, затѣмъ

Должны разстаться мы?

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (съ горечью).

И ты не угадала,

Не поняла?.. Но ты осталася совсѣмъ
Ребенкомъ! Какъ? Сейчасъ ты только что узнала,
Что я не замужемъ, и видя мой нарядъ,
Вотъ эти кружева, брильянты, что горятъ
Въ ухахъ моихъ — ужель себя ты не спросила:
Какой за это все заплачено цѣной?

(Елена Павловна закрываетъ лицо руками).

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (съ усиливающимся волненіемъ).

Нѣтъ, ты не поняла... да какъ тебѣ и было
 Понять! Мы въ жизни шли дорѣгой не одной:
 Ты стала любящей, счастливою женой
 И матерью, а я — продажною гетерой.
 А между тѣмъ, съ какою любовію и вѣрой
 Когда-то я сама глядѣла на людей,
 И насмѣялись какъ надъ вѣрою моею!
 Княжна, красавица, съ громаднѣйшимъ приданымъ,
 Съ упрямой волею и пылкой головой —
 Добычу рѣдкую искуснымъ интриганамъ,
 Искателямъ невѣсть являла я собой.
 Ты помнишь институтъ и тайныя посланья?
 Ничтожный офицеръ повелъ свою игру
 Разсчетливо, избравъ союзницей — сестру.
 «Безумная любовь», «ужасныя страданья»,
 Я — «гордая княжна», онъ — «бѣденъ и плебей»,
 Но «онъ не вынесетъ холодности моею»...
 И вотъ фантазіи моею разгоряченной
 Ужъ рисовался онъ — смертельно пораженный
 Во цвѣтъ лѣтъ... Когда-жъ, интригу всю открывъ,
 Отецъ немедленно насъ взялъ изъ института —
 Я оскорбилася, и гордости порывъ
 Сочла я за любовь: удобная минута,
 Чтобъ вырвать у меня согласіе на планъ
 Побѣга тайнаго, отецъ мой не тиранъ,
 Онъ къ просьбамъ дочери не будетъ непреклоннымъ
 И дастъ согласіе... съ желаннымъ миллиономъ!
 Но, все предугадавъ въ усердіи своемъ,
 Сестра и братъ въ отцѣ ошиблися моею;

Когда впоследствии имъ сдѣлалось извѣстнымъ,
 Что имъ не повезло въ расчетѣ ихъ безчестномъ —
 Ихъ злость безумную ты можешь ли наврядъ
 Вообразить себѣ... Какой обильный градъ
 Упрековъ, бранныхъ словъ, жестокихъ униженій
 Я вынесла тогда! Какъ злобно надо мной —
 Надъ «опозоренной» и «нищею княжной» —
 Глумилися они! Но кто отъ оскорбленій
 Могъ защитить меня? Вѣдь я была одна,
 И чашу горькую я выпила до дна.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ужасно! Боже мой! О, еслибы я знала!

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Жениться онъ не могъ. Подобнаго скандала
 Не потерпѣла бы ихъ «честная» семья,
 А разойдясь съ нимъ, куда пошла бы я?
 И я осталася...

(Глухо).

Случалось ли порою

Тебѣ испытывать мучительный кошмаръ,
 Какъ будто грудь твою желѣзною рукою
 Сдавило, въ головѣ — невыносимый жаръ...
 Проснуться хочешь ты въ отчаяніи дивомъ
 И въ бездну падаешь съ неудержимымъ вризомъ?
 Такою жизнь моя явилась съ этихъ поръ...
 Всѣ ужасы ея и весь ея позоръ
 Я скоро поняла. Стоянка въ отдаленномъ
 Жидовскомъ городкѣ, столы съ суеномъ зеленымъ,
 Азартная игра, попойки, вутежи,
 Сцѣпленье подлостей и безшабашной лжи.

Герой, явившійся казарменнымъ буйномъ
 И возвращавшійся не иначе, какъ пьянымъ.
 Разъ, проигравшися съ пріятелями въ штоссъ —
 Меня онъ выгналъ вонъ на холодъ и морозъ,
 И я нашла пріють у мѣстнаго банкира
 Еврея-богача, извѣстнаго жуира...
 Онъ нарядилъ меня въ брилльянты и атласъ
 И всюду выставилъ съ собою на показъ.
 Но какъ изъ брошенной любовницы корнета
 Я сдѣлалась теперь звѣздою полусвѣта —
 Не все-ль равно?

(Съ волненіемъ).

Зачѣмъ должны разстаться мы
 И ты обязана бѣжать, какъ отъ чумы
 Изъ дома этого — не слишкомъ ли понятно?
 Да, я утратила навѣки, безвозвратно
 Любовь твою, дитя! Ну, что же ты молчишь?
 Зачѣмъ же ты меня сурово не казнишь
 Презрѣніемъ своимъ? Я заслужила это.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (съ порывомъ).

Нѣтъ, пусть во мнѣніи безжалостнаго свѣта
 Погибла ты, пускай ты имъ осуждена,
 Но я, я не могу, не въ силахъ, не должна
 Казнить тебя! За миръ несчастный увлеченья
 Годами горькаго позора и мученья
 Платила ты, и мы, сознательно губя, —
 Мы отреклися всѣ постыдно отъ тебя.
 Казнить тебя своимъ презрѣніемъ горделивымъ?
 Намъ — обеспеченнымъ, богатымъ и счастливымъ —
 Вѣдь это такъ легко! Страдалица моя,
 Отъ горя, отъ стыда сейчасъ рыдала я.

Прости... Вѣдь это намъ приходится прощенья
 Просить... Твои грѣхи, позоръ и преступленья —
 Все падаетъ на насъ!

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

О, какъ отрадно мнѣ,
 Какъ хорошо теперь! Такъ значить не вполнѣ
 Я презираема? Ты — чистая, святая,
 Ты не бѣжишь меня? О, еслибы могла я
 За это отплатить всей жизнiю моею —
 Я-бъ съ радостью тебѣ пожертвовала ей!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Тебѣ не суждено погибнуть безъ возврата,
 И я спасу тебя изъ омута разврата,
 Спасу! Вѣдь ты сильна, способна, молода,
 Путемъ раскаянья и честнаго труда,
 Повѣрь мнѣ, для тебя пойти еще не поздно,
 И съ нашей помощью...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (горько).

Ты говоришь серьезно?
 Отъ честной женщины возможенъ переходъ
 Къ кокеткѣ, но повѣрь, изъ женщины порочной
 Не станешь никогда святой и безупречной.
 Такимъ какъ я — одинъ является исходъ,
 Одно спасенiе!..

(Съ иронiей).

Твой мужъ, меня царицей
 Веселыхъ пиениговъ выдавшiй, можетъ быть —
 Женѣ своей меня дозволить посѣтить?
 Ты это думаешь?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Мы жили за границей,
Въ Берлинѣ, въ Лондонѣ, въ Неаполѣ затѣмъ,
Гдѣ онъ былъ консуломъ, и вѣрно онъ совсѣмъ
Не знаетъ о тебѣ...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (прерывая ее).

Въ Неаполѣ? Въ Берлинѣ?..

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (не замѣчая ея волненія).

Но намъ наскучило жить вѣчно на чужбинѣ...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

И вы вернулись?..

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Пять мѣсяцевъ назадъ.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (въ сторону).

Я спрашивать боюсь.. Въ душѣ — какой-то адъ!
Нѣтъ, это было бы неслышанно, ужасно!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

И мужа моего боишься ты напрасно.
Графъ Дезенъ никогда...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (почти не владѣя собой).

Какъ, какъ зовутъ его?
Графъ Дезенъ? Анатолий? Графъ Дезенъ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Отчего

Ты такъ волнуешься? Ты мужа моего
Встрѣчала гдѣ нибудь?

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (дѣлая надъ собой уси-
ліе).

Я? Нѣтъ! Но мнѣ случайно

Сказали, будто онъ надмененъ чрезвычайно
И холодень... и я... мнѣ сдѣлалось вдругъ
Такъ страшно...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (нѣжно прикладывая руку
къ головѣ сестры).

Ты совсѣмъ разстроена, мой другъ.

Еще бы! Вынести такое потрясеніе...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (стараясь оправиться).

Да, неожиданность и сильное волненіе...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Скорѣе отдохни и завтра все пройдетъ.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (страннымъ тономъ).

Да, все пройдетъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (собираясь уходить).

Къ тебѣ я буду въ воскресенье,

Тогда мы все рѣшимъ.

(Слышенъ свистокъ локомотива).

А! Поѣздъ ужъ идетъ!

Итакъ, прощай пока, родная, до свиданья.

(Обнимаетъ сестру).

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (удерживая ее).

Постой... Я жалкое, погибшее созданье,

Но я люблю тебя... Скажи же мнѣ одно:
 Что, еслибы судьбой вамъ было суждено
 Разстаться?.. Еслибъ мужъ постыдно и жестоко
 Вдругъ измѣнилъ тебѣ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (просто).

Безъ жалобъ и упрека
 Я разошлась бы съ нимъ; но я бы умерла.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь! Прости, какъ я могла.
 Объ этомъ спрашивать! Безумная... Но кто же,
 Кто въ силахъ измѣнить тебѣ? Великій Боже!..

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (съ изумленіемъ и безпокой-
 ствомъ глядя на нее).

Ты такъ волнуешься...

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА (взявъ ее за обѣ руки).

Да, я не сознаю
 Что говорю теперь, сама не отдаю,
 Какъ кажется, себѣ въ словахъ своихъ отчета...
 Постой, я важное тебѣ хотѣла что-то
 Сказать?.. Да, обѣщай, что мужу ничего
 Пока не скажешь ты, и помни, что всего
 Ты въ мѣрѣ для меня — всего, всего дороже...
 (Судорожно обнимаетъ ее и потомъ отталкиваетъ отъ себя).
 Прощай же, уходи!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (со слезами на глазахъ цѣ-
 луетъ ее).

Прощай.

(Медленно идетъ къ каминѣ. По уходѣ ея, Надежда Пав-
 ловна въ изнеможеніи опускается въ кресло и закрываетъ лицо
 руками).

СЦЕНА VI.

Надежда Павловна (одна).

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА.

Такъ вотъ когда

Расплата началась! Иль горя и стыда
 Я мало видѣла?.. За что-жъ опять, за что же
 Послѣдній, роковой, неслыханный ударъ?..
 Послѣдній... Да, пора стряхнуть съ себя кошмаръ —
 Онъ длился десять лѣтъ.

(Поднимается въ волненіи).

Я о любви молила,

И первый человѣкъ, кого я полюбила,
 Предъ кѣмъ такъ искренно благоговѣла я,
 Тотъ, для кого душа проснулася моя —
 Онъ мужъ моей сестры! Я брата, только брата
 Должна бы видѣть въ немъ.

(Содрогается).

Но я ли виновата?

Кто узы разорвалъ священные родства,
 Кто отнял у меня и имя, и права?
 Отецъ, родной отецъ! О, какъ неумолимо
 Теперь я отомстить могла бы! Я — любима,
 Зачѣмъ отъ счастья отречься я должна
 Для тѣхъ, кѣмъ я на стыдъ была осуждена?..
 Мнѣ стоитъ захотѣть...

(Опомнившись).

Но что со мной? Кому же
 Я мстить хочу? Сестрѣ — невинной и святой,
 Отнесшейся ко мнѣ съ такою добротой?

Вся жизнь ея — въ семьѣ, въ любимомъ ею мужѣ,
 А я, я только что сама сказала ей,
 Что жизнью для нея пожертвую моею!
 И я солгу? Однимъ руководясь мщеньемъ,
 Укоры совѣсти въ себѣ я заглушу
 И жизнь позорную достойно завершу
 Такимъ неслышаннымъ, позорнымъ преступленьемъ?
 Нѣтъ, Леночка моя, нѣтъ, бѣдная сестра:
 Пора придти въ себя, опомниться пора...
 Копмаръ кончается и близко пробуждене.

(Задумывается, какъ бы соображая что-то).

Револьверъ тамъ, въ бюро... Всего одно мгновенье —
 И жизнь окончится...

(Слышенъ звукъ колокольчика и шумъ приближающагося экипажа, Надежда Павловна лихорадочно прислушивается).

Но что же это? Да...

Звукъ колокольчика! Все ближе... Какъ? Сюда?
 Онь! Боже, это онъ! Вся кровь застыла въ жилахъ
 И сердце замерло... Скорѣе! Я не въ силахъ
 Съ нимъ видѣться... Скорѣй! О, Боже мой, прости,
 Помилуй грѣшницу!...

(Быстро взбѣгаетъ на террасу. Сцена остается нѣкоторое время пустою).

СЦЕНА VII.

Графъ Анатолій Львовичъ; потомъ Маша.

ГРАФЪ (входитъ черезъ калитку. Онъ въ
 изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, съ
 сигарой въ зубахъ).

Хотѣлъ часамъ въ шести

Приѣхать нынче я, да въ клубѣ задержали.

А кажется меня сегодня и не ждали?..

И Нади не видать... Какая тишина.

(Мама показывается на террасѣ).

А, вотъ наперсница. Что, барыня одна?

МАША (присѣдая).

Однѣ-съ, пожалуйста.

(Хочетъ посторониться, чтобы дать графу пройти, въ это время изъ глубины дома раздается выстрѣлъ).

ГРАФЪ (вздрагнувъ).

Что это? Что случилось?

МАША (растерянно).

Стрѣляли, кажется...

(Въ недоумѣніи смотреть другъ на друга. Изъ балконной двери выбѣгаетъ на террасу лакей съ испуганнымъ лицомъ).

СЦЕНА VIII.

Тѣ же и лакей.

ЛАКЕЙ (увидя Машу).

За докторомъ скорѣй

Пошлите кучера... Тамъ барыня...

ГРАФЪ (поспѣшно).

Что съ ней?

ЛАКЕЙ.

Въ уборной на полу... Должно быть, застрѣлилась...

Все кровью залито — и платьѣ, и коверъ...

МАША (съ истерическимъ взвизгиваніемъ).

Ахъ, Господи!

ГРАФЪ.

Молчать! Ну, что же вы стоите?

(Къ лавку).

Скорѣй за докторомъ! Гони во весь опоръ —
Тамъ тройка у крыльца... Пустите же, пустите!

(Отталкиваетъ растерявшихся Машу и лавку и взбѣгаетъ на террасу).

(Занавѣсъ опускается).

1887 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТИХОТВОРЕНІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ.

	СТРАНИ
Сказка	3
Оглянусь ли кругомъ — какъ во мракъ ночномъ	7
Затишье	8
Въ стемнѣвшихъ небесахъ таинственно блистая	9
Пловцы	10
Неясныя думы томятъ	12
Испытаніе	—
Безпросвѣтная ночь, безконечная ночь	13
Путникъ	14
Свѣжо, вечерѣетъ... зарею огнистой	16
Встрѣча	17
Сердце и умъ	18
Утомленный неравной борьбою	—
Разсвѣтало. Румяной зарею	19
Если въ сердце ты раненъ смертельно	20
Въ душѣ у вѣждаго больная есть струна	21
Въ сѣтяхъ	22
Сонъ	—
Въ тотъ мигъ, когда рукой чужою	23
Изъ тумана и мглы, изъ собравшихся тучъ	24
Когда въ вечерній часъ порой слыжу я взоромъ	25
Мечтателю	26
Когда отлетаютъ отрадные грезы	27
Поэзія! твой даръ мнѣ не былъ талисманомъ	28

	СТРАНИ.
Памяти Маріи Башкирцевой	28
Позгу	30
Вчера, восхищавшая розою чудной	31
Артисты	32
Какъ для глазъ — Божій свѣтъ	33
Подъ дыханіемъ первымъ мороза	—
Я. П. Полонскому. (Ко дню пятидесятилѣтняго юбилея)	34
А. Н. Майкову. (Ко дню пятидесятилѣтняго юбилея).	36
Пусть, въ битвѣ житейской	37

ПОЭМЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ

Дебютантъ	41
Вчерашняя драма	45
Ночь	50
Пиръ	53
Reminiscences. (Изъ дневника барышни)	57
Vae victis	66
Безправная	70
Ёлка на могилѣ	73
Царевна Софья	78
Маруся Чурай. (Историческая быль)	81
Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. (Быль)	92
Новгородъ	95
Памяти Царя-Мученика	96
Памяти М. Д. Скобелева. (Пятилѣтняя годовщина)	99
Къ пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти А. С. Пушкина	101
Къ пятидесятилѣтію кончины А. С. Пушкина	103

НА МОТИВЫ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ.

✓ Неаполитанская пѣсня	107
Съ восточнаго	108
Откликъ. (На мотивъ изъ С. Прюдома)	—
Эмиръ и его конь. (Баллада)	109
Въ театрѣ. (На мотивъ изъ Ф. Коппе)	113
Весенняя сказка. (На мотивъ изъ А. Додэ)	115
Родниѣ. (Съ малороссійскаго)	117
Исповѣдь. (На мотивъ изъ Шпильгагена)	119
Василекъ. Сказка для дѣтей. (На мотивъ изъ Ф. Коппе)	121

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ.

ОТРАН.

Изъ Виктора Гюго:	
Искусство	131
Изъ Франсуа Коппе:	
Потерпѣвшій крушеніе (Le naufrage)	132
Дѣв матерн. (Поэма)	138
Маленькая звѣзда. (Поэма)	145
Сынъ. (Поэма)	150
Впередъ! (Поэма)	156
Виллежская звѣзда	160
Adagio	162
Въ Луврѣ	164
Фараонъ	165
Пѣснь о Клейморѣ. (Изъ драмы «Якобиты»).	167
Менуэтъ	168
Три желанія	170
Романсъ	—
Первая любовь	171
Подъ вѣтвями	172
Милостыня	173
Лилія	—
Изъ Сюлли Приюдома:	
Отреченіе	175
Поэтамъ будущаго	178
У рѣки	179
Изъ Поля Деруледа:	
Разговоръ	180
Говорилъ. (Поэма)	184
Трубачъ	189
Изъ Поля Бурже:	
Три встрѣчи. (Поэма)	191
У тихой пристани. (Поэма)	196
Увядшія розы	203
Преждевременное горе	204
Греческая пѣсня	—
Изъ Лонгфелло:	
Excelsior	206
Съ англійскаго:	
Авессаломъ. (Поэма)	209
Любовь и смерть. (Баллада)	213

	СТРАН.
Сафо	215
Послѣдній бардъ	218
Requiescat	219

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Мимолетно. Le passant, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, Ф. Коппе. (Съ французскаго)	223
Двѣ скорби. Deux douleurs. Ф. Коппе. Драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ).	244
Сопратъ и его жена. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Теодора де-Банвиля . .	262
Искушеніе. (Драматическія сцены въ одномъ дѣйствіи). (Сюжетъ заим- ствованъ изъ поэмы Ф. Коппе: «La veillée»).	301
Безъ возврата. (Драматическія сцены въ одномъ дѣйствіи). (Сюжетъ за- имствованъ	321

